

Ричард Сэюли

ИГ

ФЕРМЕНДУСТРИ

И * Л

Государственное издательство
иностранной
литературы

*

РИЧАРД СЭСЮЛИ

ИГ ФАРБЕНИНДУСТРИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Н. К. ЛЕВИТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Д. Е. МЕЛЬНИКОВА

1948

Государственное издательство
иностранной литературы

Москва

IG FARBEN

by

Richard Sasuly

1947

8621

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО КОМПЬЮТЕРНОЙ
ТЕХНИКИ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

После окончания второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки появился ряд книг, посвященных развитию и деятельности немецких монополистических объединений, их связям с монополиями других стран, особенно США, их роли и значению в общей системе международных картельных соглашений накануне войны. Авторами этих книг в большинстве случаев являются бывшие чиновники американского управления по декартелизации, сторонники некоторого ограничения, — но отнюдь не ликвидации, — власти монополистических союзов, особенно в сфере политики. Основным источником для всех этих авторов служат материалы сенатской комиссии по военным делам (руководимой сенатором Килгором), занимавшейся исследованием деятельности монополий во время войны.

Предлагаемая советскому читателю книга Ричарда Сэсюли «ИГ Фарбениндустри» выделяется из упомянутой нами серии книг прежде всего тем, что автор не ограничивается данными комиссии Килгора. Экономист и журналист по профессии, Сэсюли, состоя в американской армии, входил в группу полковника Бернштейна, проводившую исследование деятельности ИГ Фарбениндустри с целью подготовки судебного процесса руководителей этого концерна. В течение некоторого времени Сэсюли возглавлял отделение информации и связи финансового отдела американской секции Союзного контрольного совета для Германии. Находясь на этом посту, он имел возможность ознакомиться с богатейшим материалом франкфуртских архивов ИГ Фарбениндустри. В своей книге Сэсюли описывает не только «прошлые грехи» американских монополий, поддерживавших ИГ Фарбениндустри на всех этапах его развития и давших ему возможность превратиться в

серьезнейшую угрозу для всех свободолюбивых народов мира, но и подводит итоги первого года хозяйничанья американских монополий в Западной Германии, которое фактически привело уже к возрождению деятельности ИГ Фарбениндурии в западных зонах оккупации.

Книга Сэсюли посвящена исследованию лишь одного, казалось бы, частного вопроса — истории развития, крушения и частичного возрождения самой крупной немецкой монополии — ИГ Фарбениндурии. Однако читатель, прочтя книгу, легко убедится в том, что в этом частном вопросе, как в зеркале, отражены все проблемы современного монополистического капитализма. Возникновение и развитие крупных капиталистических монополий является одним из наиболее характерных признаков эпохи империализма. Ленин указывал, что «...превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма... Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»¹.

История ИГ Фарбениндурии исключительно ярко выявляет все эти характерные черты империализма. Она проливает свет на природу всего монополистического капитализма в целом. Не случайно даже Сэсюли, который весьма далек от марксистского понимания трактуемого им вопроса, вынужден признать: «Картина ИГ и всей вообще немецкой промышленности — это не специфически немецкая картина. Это общая картина верхушки деловых кругов... То, что делают немецкие капиталисты, делают также и капиталисты других стран. Но немцы делают это более резко. Это верно по отношению к созданию картелей, к экономическому шпионажу, к торговой конкуренции, к влиянию крупного капитала на правительство и к сознательному использованию войны ради получения экономических выгод».

Сэсюли не поднимается выше подобных, чисто эмпирических обобщений, но советскому читателю, воору-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 82, 107.

женному знанием марксизма-ленинизма, не трудно сделать подлинно научные обобщения на основе того богатого, во многих случаях впервые публикуемого материала, который дает автор. Несомненным достоинством книги Сэсюли, несмотря на содержащиеся в ней ошибочные положения, является то, что она вооружает читателя большим количеством фактов, характеризующих всевластие монополистической верхушки в капиталистических странах, разбойничьи методы ее экономической и политической экспансии, подготовку войны магнатами капитала ради своего обогащения.

1

История концерна ИГ Фарбениндустри самым тесным образом переплетается со всей историей германского империализма. Химические предприятия в Хехсте, Людвигсгафене и Леверкузене, составившие впоследствии ядро этого концерна, были основаны на заре империалистической эпохи, в 60-х годах прошлого века.

В 1904 г. по инициативе владельца завода в Леверкузене Карла Дуисберга были предприняты первые шаги к объединению этих трех химических заводов. Это первоначальное объединение было названо Interessengemeinschaft (IG) — общность интересов — название, которое в дальнейшем было сохранено представителями концерна, так как оно являлось, по их мнению, наиболее благозвучным прикрытием весьма неблагоприятных дел концерна. В самый разгар войны, в 1916 г., основанная Дуисбергом «Общность интересов» поглотила своих главных конкурентов — и, таким образом, был создан единый крупный картель, охватывавший почти всю немецкую химическую промышленность. Наконец, в 1925 г. все фирмы, входившие в картель, слились в единое акционерное общество. К этому времени концерн превратился в крупнейшую международную монополию, объединившую почти всю химическую промышленность внутри Германии и распространившую свое влияние на десятки и сотни предприятий за ее пределами.

К началу второй мировой войны концерн ИГ объединял 177 заводов внутри Германии и около 200 заводов в других странах. Его мощь и влияние еще больше уси-

лились во время войны. По данным военного министерства и министерства финансов США, ИГ Фарбениндустри контролировал к концу войны 380 германских фирм. В его международную организацию входило 500 компаний в 93 различных странах. Он был связан с иностранными концернами двумя тысячами картельных соглашений, в том числе 162 соглашения были им заключены только с американскими фирмами. Акционерный капитал концерна (включая его интересы за границей) составлял не менее 6 млрд. марок. ИГ осуществлял свой полный или частичный контроль в следующих отраслях промышленности: в производстве красителей, в фармацевтической промышленности, в производстве искусственных удобрений, взрывчатых веществ, синтетического каучука, алюминия, магния, пластмасс, фотоматериалов, в нефтяной промышленности, производстве искусственного шелка, строительных материалов, химического оборудования и т. д. Это была поистине «международная химическая империя», которая имела свои собственные «колониальные владения» в виде многочисленных иностранных предприятий, подчиненных ее контролю, своих агентов и шпионов, своих подданных, работавших на ее заводах и фабриках, и свои международные соглашения, которые часто определяли внешнюю политику Германии.

Как и весь немецкий империализм в целом, ИГ Фарбениндустри отличался особой агрессивностью в проведении своей экономической и политической экспансии.

Одной из главных причин этой особой агрессивности немецкого империализма является, как известно, запоздалое развитие германского капитализма. Когда германский монополистический капитализм достиг своего полного развития, мир в основном был уже поделен. Но, начав борьбу за передел мира, немецкий империализм мог опереться на свою передовую промышленность и новейшие формы организации капиталистического хозяйства. В 1917 г. Ленин, характеризуя немецкий империализм, указывал, что англо-французской группе капиталистов противостояла «еще более хищническая, еще более разбойничья» группа капиталистов, «...пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития

капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый каггитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей»¹.

Эта характеристика полностью применима к развитию немецкого капитализма в период между двумя мировыми войнами. В книге Сэюли мы находим многочисленные примеры, иллюстрирующие ленинскую характеристику немецкого империализма; в ней, в частности, содержится материал о том, что капиталистические монополии в своей конкурентной борьбе отнюдь не ограничиваются только экономическими средствами, «а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным»².

II

Политическое кредо руководителей ИГ Фарбен-индустрии было сформулировано Дуисбергом еще в 1931 г. В выступлении перед немецкими промышленниками он заявил: «Ограниченность национальной экономической территории должна быть компенсирована межнациональными территориями... Для окончательного разрешения европейской проблемы... должен быть создан тесный экономический блок от Бордо до Одессы, являющийся станovým хребтом Европы»³. Десять лет спустя, осуществив захват Западной Европы и распространив свою власть до Бордо, гитлеровские орды ринулись на Советский Союз, чтобы выполнить также вторую часть программы немецкого монополистического капитала, сформулированную Дуисбергом. В течение этих десяти лет концерн ИГ Фарбениндурии вместе с другими крупнейшими немецкими монополиями оставался главной движущей силой всей экспансионистской политики немецкого империализма.

Готовясь к войне за завоевание «жизненного пространства», концерн ИГ Фарбениндурии систематически работал над ограничением производственной мощности будущих противников Германии. В результате усилий

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 336—337.

² Ленин, Соч., т. XIX, стр. 208.

³ Allen, World Monopoly and Peace, p. 19.

ИГ Фарбениндустри немецким империалистам удалось, благодаря различным картельным манипуляциям, уменьшить относительную мощность французской стальной промышленности (если в 1926 г. она была почти равна германской стальной промышленности, то в 1938 г. она достигала лишь 40% германской мощности), задержать рост французской алюминиевой промышленности, в то время как германская промышленность возросла в 5 раз, ограничить французское производство красителей таким образом, что к 1937 г. оно составляло лишь две трети от уровня 1924 г., и т. д.¹

Вступая в какие-либо картельные соглашения с американскими монополиями, ИГ Фарбениндустри никогда не упускал из виду свои будущие планы агрессии, добиваясь не только получения высокой прибыли, но и подрыва военной мощи США.

После прихода гитлеровцев к власти директор одного крупного немецкого концерна писал своему американскому партнеру по картелю: «Что касается политического положения... совершенно очевидна только одна вещь, а именно, что все административные и экономические силы, как, например, различные картели и т. п., должны проводить одну определенную линию, разумеется, совпадающую с политикой правящей партии»². А представитель немецкой фирмы Осрам и член международного электрического концерна Мейнхард еще более прямо заявил: «Международный картель не имеет права на существование, и германский предприниматель не имеет права вступать в него, если этот картель действует против интересов Германии в целом»³.

Тщательно соблюдая, таким образом, интересы подготовки немецкой агрессии против миролюбивых народов, ИГ Фарбениндустри, как это показывает Сэюли, в ряде случаев смог добиться определенных успехов в деле подрыва военного потенциала своих будущих противников, в том числе и США.

¹ См. Бердж, Международные картели, Государственное издательство иностранной литературы, 1947.

² Allen, World Monopoly and Peace, p. 18.

³ Бердж, Международные картели, стр. 245.

Однако эти успехи отнюдь не объясняются какими-либо «умственными дефектами» заправил американских монополистических объединений. Сэсюли совершенно справедливо отвергает попытки со стороны различных официальных представителей США, занимавшихся расследованием деятельности американских монополий (Берджа, Тэрмана Арнольда, Трумэна и др.), свести все дело к «политической наивности» американских монополистов, которые, мол, дали «одурачить себя немецким магнатам». «Представляется, по крайней мере автору этих строк, — пишет по этому поводу Сэсюли, — что преуспевающие дельцы, по меньшей мере, так же умны, как и обследующие их деятельность правительственные чиновники. Если обследователь министерства финансов или министерства юстиции способен понять, что имелась связь между сделкой Стандарт ойл — ИГ и саботажем направленных против нацистской Германии военных усилий Соединенных Штатов, то и деятели Стандарт ойл способны понять эту связь. Иначе мы должны притти к тому выводу, что крупные концерны создавались наугад и наудачу и что у целой сотни их директоров нет ни капли ума. Если деятели Стандарт ойл знали, что они делают, то мы можем лишь заключить, что это их не смущало».

Сэсюли не договаривает до конца. Дело заключается в том, что немецкий монополистический капитал накануне второй мировой войны превратился в ведущую реакционную, антисоветскую силу, которая пользовалась поддержкой реакционеров всех стран. Монополистические круги в англо-саксонских странах, несомненно, сознательно поддерживали перевооружение Германии, надеясь натравить ее на Советский Союз.

Картельные соглашения между немецкими и американскими монополиями, которые были заключены в период между двумя войнами, следует рассматривать, как неотъемлемую часть общей политики создания германского реакционного аванпоста против Советского Союза. Лишь в этом свете мы можем понять кажущиеся на первый взгляд странными «уступки» американских

монополистов немецким монополистам, когда дело касалось укрепления немецкого военного потенциала.

«Политическая наивность» американских монополистов, как и американских и английских политических деятелей, заключалась совершенно в ином: эти люди действительно полагали, что своей политикой натравливания фашистской Германии на Советский Союз они смогут добиться крушения первой в мире социалистической державы, а сами будут лишь пожинать плоды советско-германского столкновения. Но этот просчет был прежде всего просчетом ослепленных ненавистью к социализму монополистических заправил в отношении силы и мощи, моральной сплоченности и героизма советского народа.

Следует отметить, что концерн ИГ Фарбениндустри отлично сумел использовать политику «умиротворения», проводимую американскими монополиями в период между двумя войнами и особенно после прихода Гитлера к власти. ИГ опутал американский континент сетью своих агентов и шпионов. В одной только Латинской Америке он создал 117 подставных фирм, служивших опорой его влияния и центрами шпионажа в пользу гитлеровской Германии. В самих США был создан центральный шпионский центр, маскировавшийся под название Кемнико инкорпорейтед, для выкачивания технической информации, имеющей военное значение. Помимо этого, под «нейтральным флагом» была создана в США подставная компания Дженоерл анилин энд фильм, которая формально была связана с фирмой ИГ Хеми в Швейцарии, являвшейся, в свою очередь, лишь филиалом ИГ. К моменту вступления США в войну ИГ объявил о прекращении своей опеки над ИГ Хеми (хотя в действительности продолжал полностью держать в своих руках эту компанию) и этим дал возможность фирме Дженоерл анилин энд фильм объявить себя нейтральной фирмой. Маневр руководителей ИГ Фарбениндустри в значительной мере удался. «Прошло уже более года после окончания войны, — отмечает в своей книге Сэсюли, — а статут фирмы Дженоерл анилин энд фильм все еще не установлен... Герман Шмиц (председатель правления ИГ Фарбениндуэтри) сплел свою юридическую сеть маскировки с чрез-

выдающим искусством». Таковы были формы и методы экономической и политической экспансии ИГ, полностью соответствовавшие формам и методам подготовки немецким империализмом агрессии против свободолюбивых народов мира.

III

История ИГ Фарбениндустри тесно переплетается с историей германского фашизма, являвшегося детищем немецкого монополистического капитала. ИГ Фарбениндустри был одним из инициаторов создания фашистского режима в Германии. «Без поддержки ИГ и других немецких монополий и концернов, — справедливо подчеркивает Сэсюли, — Гитлер не выиграл бы политического сражения»:

Стремление отбросить всякие, мешающие бесконтрольному господству крупных монополий, демократические покровы всегда отличало руководителей ИГ, как и других немецких монополистических объединений. Оно является характерной чертой монополистической стадии развития капитализма. «И во внешней политике, и во внутренней одинаково, — подчеркивал Ленин, — империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции»¹.

Внутриполитическая программа заправил ИГ Фарбениндустри с самого начала была направлена на создание такого реакционного режима в стране, который являлся бы высшим олицетворением власти монополии, олицетворением диктатуры наиболее реакционных и агрессивных кругов монополистического капитала. Как указывает Сэсюли, еще в 1916 г. один из директоров ИГ Фарбениндустри писал о необходимости «перестройки» Германии в сторону «национального социализма», прелвосхищая таким образом демагогическую программу германского фашизма.

Большой интерес представляет выступление Дуисберга в 1926 г. перед немецкими промышленниками, которое почему-то ускользнуло из поля зрения Сэсюли, хотя оно было опубликовано в органе промышленных и банковских кругов «Der Deutsche» (4 декабря 1928 г.).

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 207.

«В подходе к важным экономическим вопросам, — заявил Дуисберг, — должно наступить изменение. Как это сделать, можно видеть на примере того, что происходит в Америке. Там всю политику делает коллегия хозяйственников. Когда нужно решить вопрос большого значения, они собираются, обсуждают этот вопрос, вырабатывают директивы, затем действуют в соответствии с ними». Дуисберг призывал немецких промышленников взять в свои руки направление всей политики, подчинить себе политические партии и рейхстаг, призвать к власти «сильного человека», который одним ударом мог бы расправиться с рабочим и демократическим движением в стране. «Будьте едины, едины, едины! — призывал Дуисберг (в другом выступлении) немецких промышленников — ...мы надеемся, что наши слова, произнесенные сегодня, будут претворены в жизнь, что найдется сильный человек, который найдет для всех общую платформу... ибо он всегда необходим нам, немцам, как в свое время необходим был Бисмарк».

«Сильный человек» вскоре был найден заправилами немецкой промышленности и банков. В начале 1933 г. четыре члена правления ИГ были приглашены на совещание немецких промышленников, на котором был окончательно решен вопрос о поддержке фашистского государственного переворота. Немецкие промышленники собрали с этой целью 3 млн. марок, из них 300 тыс. были «пожертвованы» руководителями ИГ.

В книге Сэсюли собран богатый материал, показывающий классовую природу фашистского государства как диктатуру наиболее реакционных и агрессивных кругов немецкого монополистического капитала. Данные, собранные Сэсюли, наглядно показывают нелепость рассуждений о «надклассовом» характере фашистского государства. Они иллюстрируют положение товарища Сталина о том, что при капитализме «состав правительств предопределяется и их действия контролируются крупнейшими финансовыми консорциумами»¹.

ИГ Фарбениндурии весьма преуспел при фашистском режиме. С 1933 по 1943 г. ИГ инвестировал более 4 млрд.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 174.

марок в новые предприятия или в расширение старых. Значительная часть этого капитала была предоставлена гитлеровским правительством.

Руководители ИГ Фарбениндурии получили крупные государственные посты. Руководитель концерна Шмиц стал в 1933 г. членом рейхстага, а в 1938 г. ему было присвоено звание «руководителя военного хозяйства». Генеральный директор ИГ Карл Краух стал «генеральным уполномоченным по специальным вопросам химического производства четырехлетнего плана» и руководителем «имперского ведомства по развитию хозяйства». Один из основателей и главных акционеров ИГ Бош вошел в состав созданного гитлеровцами в 1942 г. совета по вопросам вооружения, и т. д. Министр по делам вооружения Шпеер, выступая в Спортпаласе 6 июня 1943 г., перечислил «ведущие умы» гитлеровской промышленности — руководителей концернов Герман Геринг Верке, ИГ Фарбениндурии, Ферейнигте Штальверке, Круппа и Рехлинга. В действительности, это были «ведущие умы» не только промышленности, но и всего фашистского государства, подлинные правители гитлеровского рейха.

IV

В речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа 9 февраля 1946 г. товарищ Сталин показал, что вторая мировая война «возникла, как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитала». Товарищ Сталин дал исчерпывающее определение целей фашистских государств в этой войне. «Следует иметь в виду, — говорил товарищ Сталин, — что главные фашистские государства — Германия, Япония, Италия — раньше чем напасть на союзные страны, уничтожили у себя последние остатки буржуазно-демократических свобод, установили у себя жестокий террористический режим, растоптали принцип суверенитета и свободного развития малых стран, объявили политику захвата чужих земель своей собственной политикой и заявили во всеуслышание, что они добиваются

мирового господства и распространения фашистского режима во всем мире...»¹.

Заправила ИГ Фарбениндурии полностью одобряла эту программу, ибо это была их собственная программа, программа наиболее реакционных кругов немецкого монополистического капитала. История ИГ Фарбениндурии во время войны — это история гитлеровского «нового порядка» в Европе.

Концерн ИГ Фарбениндурии участвовал в грабеже оккупированных Германией стран. Он взял в свои руки контроль над всей химической промышленностью поработанных гитлеровцами европейских стран, подчинил своему господству такие крупные химические предприятия, как Пульверфабрик Шкода верке в Австрии, Ауссигер Ферейн в Чехословакии, Кюльман во Франции, Борута в Польше и др. Чистая прибыль концерна непрерывно возрастала по мере приближения войны и особенно в ходе войны. Согласно данным, оглашенным на процессе руководителей ИГ в Нюрнберге, она составила в 1932 г. 48 млн. марок, в 1937 г. — 231 млн., в 1939 г. — 363 млн., а в 1943 г. — 822 млн. марок.

Материалы процесса ИГ Фарбениндурии раскрыли потрясающую картину преступлений, совершенных во время войны этим крупнейшим немецким концерном. ИГ Фарбениндурии беспощадно эксплуатировал десятки тысяч иностранных рабочих, которые посылались на самые опасные работы без обеспечения необходимых средств охраны труда. Согласно данным обвинительного заключения, в 1943 г. на химических заводах ИГ были заняты 200 тыс. человек. 100 тыс. из них были иностранными рабочими, насильно угнанными в Германию. Смертность среди иностранных рабочих достигала ужасающих размеров, но руководителей ИГ это мало смущало. До конца войны не прекращался приток новых иностранных рабов, которые заменяли умерших. Одним из поставщиков рабочей силы и «экспериментальных объектов» (так назывались заключенные, над которыми

¹ Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1946 г., стр. 7.

производились опыты в лабораториях ИГ) явились гитлеровские концентрационные лагеря. В конце войны ИГ Фарбениндустри построил специальный завод в Освенциме, вблизи концентрационного лагеря, который поставлял заводу рабочую силу и «экспериментальные объекты».

Особенно интенсивно на заводах и в лабораториях ИГ проводились опыты по изысканию отравляющих веществ. К концу войны ИГ начал производить новый ядовитый газ — табун, который по эффективности превосходил все дотоле известные ОВ. Под руководством известного гитлеровского палача Гросса, специализировавшегося на опытах над живыми людьми, этот газ был испытан на заключенных Освенцимского лагеря. ИГ Фарбениндустри участвовал в выпуске «газвагенов», в которых были умерщвлены сотни тысяч людей. Главный обвинитель на Нюрнбергском процессе руководителей ИГ — генерал-майор Тэйлор заявил: «В данном случае мы столкнулись с квинт-эссенцией виновности в невыразимых преступлениях, совершенных против цивилизации в последней и самой ужасной из всех войн». А газета «Нью-Йорк Таймс», комментируя процесс, писала: «Начиная с 1932 г. до перемирия, когда окончилась эта война, мощные ресурсы ИГ Фарбениндустри были одним из наиболее значительных помощников Гитлера... Концерн ИГ был превращен в одно из крупнейших орудий немецкого государства».

Однако, несмотря на полную очевидность преступного характера деятельности ИГ, процесс руководителей этого концерна, начавшийся 14 августа 1947 г., растянулся на много месяцев — и пока еще не видно ему конца. На защиту руководителей ИГ стали могущественные силы американского монополистического капитала, которые были связаны с ними тесными картельными отношениями и совместно с ними подготавливали войну против свободолюбивых народов.

V

Американский монополистический капитал сразу же после окончания первой мировой войны сделал все от него зависящее, чтобы помочь немецким монополистам

«вновь стать на ноги». Американские займы явились важнейшим условием возрождения мощи немецких монополий. Приток американских займов начался в 1924 г. В этом году нью-йоркские фирмы Хальгартен энд К° и Гольдман, Сакс энд К° предоставили Круппу заем в 10 млн. долларов. С тех пор поток займов не прекращался. Один только концерн Ферейнигте Штальверке получил от американских банкиров займы на сумму более 100 млн. долларов. Сэсюли на основании данных, почерпнутых из архивов фирмы Дюпон, показывает, что государственный департамент и, в частности, один из видных его деятелей, небезызвестный г-н Даллес, прямо поощрял перевооружение Германии. В 1929 г. тринадцать стран сообщили Лиге наций, что Германия является для них главным поставщиком оружия и боеприпасов. Однако это сообщение не вызвало никакой реакции в государственном департаменте. Как подчеркивает Сэсюли, «высшие американские должностные лица могли игнорировать вооружение Германии, лишь сознательно закрывая на это глаза».

Американские монополисты активно помогли «стать на ноги» также и концерну ИГ. В 1929 г. был образован американский филиал ИГ — фирма Америкэн ИГ. Список членов правления этой фирмы, как указывает Сэсюли, включал таких видных американских монополистов, как Уолтер Тигл, председатель правления Стандард ойл, Эдсель Форд и Пауль Уорбург.

В свою очередь, ИГ стал участником филиала концерна Форд в Германии. С помощью американцев германские монополии, и в первую очередь ИГ, к 1929 г. превратились в краеугольный камень международной картельной системы.

Американские монополисты хорошо были информированы о той финансовой поддержке, которую ИГ оказывал Гитлеру. В марте 1932 г. представитель заграничного отдела фирмы Дюпон писал своему шефу: «Нет никакого сомнения в том, что доктор Шмиц (председатель правления ИГ) вносит большие средства в фонд нацистской партии». Однако это не смущало ни Дюпона, ни его коллег. Они полностью одобряли действия ИГ и продолжали оказывать ему свою поддержку.

Большие услуги оказали американские и английские монополисты Гитлеру и немецким монополистам в период Мюнхена. На Нюрнбергском процессе руководителей ИГ были оглашены данные, согласно которым концерн ИГ за неделю до подписания Мюнхенского соглашения перевел крупную сумму в качестве подарка организациям, занимавшимся шпионской деятельностью в Чехословакии. Американские монополисты были прекрасно информированы об этом. И тем не менее, они полностью одобрили соглашение между Федерацией английской промышленности и гитлеровской Германской имперской промышленной группой (в которой концерн ИГ играл одну из руководящих ролей); оно было заключено через шесть месяцев после мюнхенского сговора, когда гитлеровские войска уже оккупировали всю Чехословакию.

Дюссельдорфское соглашение между английскими и немецкими промышленниками устанавливало максимально тесное сотрудничество между промышленными системами Англии и Германии. Такое же «тесное сотрудничество» было установлено между монополистами Германии и США.

Как указывается в Исторической справке Советского информационного бюро «Фальсификаторы истории», в период между 1931 и 1939 г. председатель правления концерна ИГ Фарбениндустри и член совета Дейче банк Шмиц контролировал американскую фирму Джеренл дайстаф корпорэйшн. После Мюнхенской конференции Стандарт ойл заключил договор с ИГ Фарбениндустри, согласно которому последний получил участие в прибылях с производимого в США авиационного бензина, взамен чего он отказался от вывоза из Германии своего синтетического бензина. Это соглашение, как указывает немецкий публицист Альберт Норден, продолжало действовать и во время войны и было использовано концерном ИГ Фарбениндустри в целях получения из США высококачественного авиационного бензина, необходимого для поддержания гитлеровской агрессии¹.

¹ Norden, *Lehren Deutscher Geschichte*, Berlin, 1947, S. 171—175.

Подытоживая сведения о той огромной помощи, которую оказывали американские монополии немецкому империализму, Историческая справка Советского информационного бюро указывает: «Таким образом, нельзя забывать, что первой и важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии было возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии, что стало возможным лишь в силу широкой и прямой поддержки правящих кругов Соединенных Штатов Америки»¹.

Надо сказать, что сотрудничество между немецкими и американскими монополиями отнюдь не прекратилось после начала войны в Европе. В октябре 1939 г. представитель американского Стандард ойл встретился с представителем ИГ в Голландии. Во время встречи было заключено соглашение о дальнейших действиях двух крупнейших международных монополий. «Мы постарались разработать полные планы для того *modus vivendi*, — писал представитель Стандард ойл Франк Говард, — который должен был действовать во время войны, *независимо от того, вступили в нее США или нет*». В январе 1940 г. произошла встреча американских представителей с представителями ИГ в Базеле для обсуждения вопроса о статусе уже упомянутой нами фирмы Джернерл анилин энд фильм.

Даже после прекращения обмена технической информацией между некоторыми американскими фирмами и ИГ этот концерн остался связанным с американскими монополиями рядом соглашений. Так, например, прекращение обмена технической информацией между фирмой Дюпон и ИГ предусматривалось на срок «до окончания нынешнего чрезвычайного положения», причем оговаривалось, что «все другие обязательства по контрактам остаются в силе». Председатель американской фирмы Ром энд Хаас писал председателю правления ИГ в январе 1940 г.: «Мы возвратимся к ранее существовавшему *«status quo»*, как только восстановятся нормальные условия»². Даже в самый разгар войны американские монополисты не пожелали изменить свою позицию в вопросе

¹ «Правда», 10 февраля 1948 г.

² Allen, World Monopoly and Peace, p. 31.

о своих будущих отношениях с ИГ. В июне 1943 г. на ежегодном собрании акционеров Стандарт ойл директоры этого концерна отказались рассмотреть предложение не вступать в картельные соглашения с ИГ после войны.

Неудивительно поэтому, что сразу же после окончания войны американские монополисты стали на защиту ИГ и его руководителей. Представитель министерства финансов США, допросивший ряд руководящих деятелей ИГ Фарбениндурии, следующим образом изложил свои впечатления об их настроениях: «Они, в общем, надеялись на то, что теперь, когда война окончена, мы должны помочь поставить на ноги ИГ Фарбениндурии и всю германскую промышленность. Некоторые из них прямо говорили, что, по их мнению, эти допросы и расследования — кратковременное явление, поскольку, как только дела немного урегулируются, они надеются, что их английские и американские друзья придут им на помощь»¹.

Помощь не заставила себя долго ждать. Уже в конце 1945 г. с разрешения американских властей возобновилась работа на ряде крупных заводов ИГ, которые подлежали уничтожению согласно постановлениям Потсдамской конференции трех держав. К середине декабря 1945 г., сообщает Сэсюли, ни одна единица оборудования с заводов ИГ в американской зоне не была отгружена в порядке репараций. Все 55 заводов ИГ остались нетронутыми, в том числе такие заводы, как завод в Гендорфе (в Восточной Баварии), который был построен гитлеровцами специально для производства иприта. «Должностные лица, обследовавшие ИГ, установили, — пишет Сэсюли, — что производство было возобновлено на всех важнейших предприятиях ИГ в американской зоне. Повидимому, было сочтено, что выпуск всей и всякой продукции на предприятиях ИГ находится в соответствии с целями Объединенных наций. Офицеры-контролеры США следили за тем, чтобы колеса вновь вернулись на заводах, которые были центром нацистских военных усилий».

¹ Allen, World Monopoly and Peace, p. 40.

Правда, американские военные власти в начальный период оккупации делали вид, что принимают меры к уничтожению ИГ. Эйзенхауэр издал специальный приказ о ликвидации заводов ИГ в американской зоне. Представителям различных кинокомпаний было дано разрешение заснять разрушенные бомбардировкой во время войны цехи некоторых заводов ИГ. Заснятые кадры демонстрировались в США и других странах как свидетельство ведущихся, якобы, работ по ликвидации концерна ИГ.

Однако все это было одной лишь видимостью. За спиной американской военной администрации стояли могущественные силы американской реакции, которые направляли всю политику США в Германии. Они держали в своих руках все ключевые позиции в Экономическом управлении американской военной администрации и препятствовали всякой действительной борьбе с немецкими монополистами и милитаристами. Экономическим советником главнокомандующего американской армией в Германии являлся член банковской фирмы Диллон, Рид энд К° — Дрейпер (нынешний заместитель военного министра США); инспектором сталелитейной промышленности американской зоны был бывший председатель фирмы Рипаблик стил корпорэйшн Уайзор; инспектором заводов легкого машиностроения — бывший руководитель филиала Дженерл моторс в Антверпене — Здунек; одним из руководителей Нефтяного отдела в Экономическом управлении американской военной администрации состоял представитель Сокони Вакуум компани (одного из филиалов Стандард ойл) — Филипп Кловер и т. д. Ясно, что усилия этих представителей монополистического капитала США отнюдь не были направлены на ликвидацию немецких монополий, с которыми они были тесно связаны еще со времени окончания первой мировой войны. Главной заботой их стало сохранение ИГ Фарбениндустри, как и других немецких монополий, в качестве орудия осуществления их дальнейших политических планов в Германии и вообще в Западной Европе. Их заботой стало также сохранение реакционных кадров в экономической и политической жизни западных зон, которые могли бы стать опорой империализма. «Несмотря на энергично сформу-

лированные заявления о курсе политики и на изобилие сомнительных статистических данных,— констатирует Сэсюли,— факт остается фактом: нацисты не устранены из различных сфер общественной жизни в американской оккупационной зоне».

Сэсюли не может не видеть того обстоятельства, что сохранение немецких монополий, саботаж денацификации и демилитаризации являются выражением той общей политики восстановления Западной Германии в качестве реакционного агрессивного плацдарма, которую проводит сейчас американский монополистический капитал в Германии. «Если концерну ИГ Фарбениндустри удастся вновь собраться с силами,— пишет Сэсюли,— то это произойдет потому, что его решили сохранить как оружие для другой войны, для той войны, к которой нацисты и их друзья никогда не переставали стремиться,— для «крестового похода» против Востока». В другом месте Сэсюли указывает, что, согласно заявлениям различных официальных представителей США в Германии, Западная Германия должна играть роль «буфера против советского влияния». «Это был главный аргумент,— пишет он в этой связи,— не только в пользу замедленного хода денацификации, но и в пользу всей контрпрограммы, направленной к тому, чтобы как можно скорее привести все в обратное движение». Выполнение этой программы американского монополистического капитала в Германии уже привело к тому, что Западная Германия превратилась в оплот реакции и милитаризма, в плацдарм агрессивных империалистических сил в Европе.

* * *

Независимо от воли автора, книга превратилась в обвинительный документ против американских покровителей ИГ и против всей нынешней американской политики в Германии. События, которые произошли после написания книги, лишь подтвердили реакционный, экспансионистский характер этой политики.

Если к середине 1946 г., когда Сэсюли закончил свою книгу, можно было говорить лишь о «признаках возрождения» ИГ, то сейчас, два года спустя, стало уже совершенно ясным, что ИГ Фарбениндустри вновь

существует в западных зонах оккупации, как единый концерн, играющий крупную роль в экономике Западной Германии. Объединению всех заводов концерна, расположенных в Западной Германии, способствовало слияние английской и американской зон оккупации, образование «Бизонии», ставшей вотчиной американского монополистического капитала. После слияния двух западных зон три главных предприятия концерна — заводы в Леверкузене, Хехсте и Людвигсхафене — получили возможность установить связь друг с другом. Эти заводы некогда являлись ядром концерна. Сейчас они стали основой его возрождения под эгидой англо-американского капитала.

После образования Бизонии курс акций ИГ Фарбениндурии резко повысился: на гамбургской и франкфуртской биржах окончательно уверились в том, что, несмотря на официальные заявления и постановления, существование ИГ Фарбениндурии обеспечено.

В начале 1947 г. Западную Германию посетил Аллен Даллес — старый покровитель немецких монополистов, один из руководителей банковской конторы Генри Шредер энд К°. По сообщению прогрессивного американского журналиста и радиобозревателя Стила, Аллен Даллес вел во Франкфурте-на-Майне переговоры с сыном основателя ИГ, Вальтером Дуисбергом.

В марте 1948 г. ликвидация концерна ИГ была официально прекращена. По сообщению берлинского корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Кларка, американский главнокомандующий в Германии генерал Клей 11 марта 1948 г. отдал распоряжение руководителю отдела декартелизации Бронсону прекратить роспуск всех германских промышленных монополий за исключением монополий, занимающихся производством потребительских товаров. (Последние, по заявлению Бронсона, к марту 1948 г. фактически уже не существовали.) Бронсон информировал персонал контрольной группы над концерном ИГ, что «по распоряжению генерала

Клея ИГ будет возвращен немцам». Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» отмечал, что «работники ИГ в англо-американской зоне поддерживают секретную связь между собой и составляют подробные планы скорого возобновления деятельности ИГ как концерна»¹.

Наряду с ИГ Фарбениндурии, под эгидой американского монополистического капитала процветают также и другие монополистические объединения Германии — Стальной трест, возродившийся под новой вывеской во главе с его бывшим руководителем Динкельбахом, концерны Рейнметалл, Байрише моторен верке, Шеринг и другие. Возобновляется старый альянс между монополистическим капиталом США и Германией, который однажды уже привел к возрождению германской агрессии. Разница заключается лишь в том, что теперь американские монополистические объединения полностью овладевают немецкими заводами и предприятиями, проникают в немецкую промышленность, превращают немецких монополистов в своих «младших партнеров» в Германии.

Американские монополии полностью или частично овладели рядом предприятий и концернов в Германии. По имеющимся сведениям, ряд заводов ИГ фактически стал собственностью американских монополий, которые, таким образом, стали участниками возродившегося под их покровительством немецкого концерна. Американский концерн Стандарт ойл овладел заводом ИГ в Леверкузене, другой крупнейший концерн США — Дюпон взял под свой контроль завод ИГ во Франкфурте-на-Майне. Этот же концерн установил свой контроль над другим крупным немецким химическим объединением — Шеринг. Ту же картину мы можем наблюдать и в других отраслях промышленности. Американская телефонная и телеграфная компания овладела заводом телефонного и радиооборудования Лоренц АГ, Дженерл моторс установил свой фактический контроль над автомобильными заводами Опеля, Форд контролирует в настоящее время акционерное общество Форд верке в Кельне и т. д. Наконец, по всей Западной Германии раскинулась сеть филиалов

¹ «New York Times», 13 марта 1948 г.

американских банков, берущих под свой контроль промышленность Бизонии.

Таковы плоды хозяйничанья американского монополистического капитала в западных зонах. Как указал В. М. Молотов в заявлении об итогах Лондонского совещания Совета министров иностранных дел, американские планы в Германии направлены на то, чтобы «превратить западную часть Германии в базу для расширения влияния американского империализма в Европе» и использовать ее «в качестве стратегической базы для авантюристических и агрессивных планов американского империализма»¹. Вся послевоенная политика США в Германии, в том числе и политика в отношении концерна ИГ, служит подтверждением этих целей американского империализма.

* * *

Книга Сэсюли, издаваемая в несколько сокращенном переводе, несомненно, поможет читателю понять истинный характер современной политики США в Германии. В книге содержится материал, разоблачающий не только происки немецких монополий и их самого мощного представителя — концерна ИГ, но и происки международных, особенно американских, монополистических сил в период между двумя мировыми войнами и после второй мировой войны. Однако Сэсюли часто сам находится во власти неверных концепций и допускает ряд ошибочных выводов.

Основные ошибки книги Сэсюли вытекают из его неверных общеполитических установок. Сэсюли — сторонник пресловутой программы Morgenthau. Он видит только два пути разрешения германской проблемы: расчленение Германии и разрушение ее промышленности или возрождение ее в качестве реакционного, агрессивного государства.

Сэсюли не понимает, что единственно правильный путь разрешения германской проблемы — это путь демократизации и демилитаризации страны, который не

¹ «Правда», 31 декабря 1947 г.

имеет ничего общего ни с разрушением германской промышленности, ни с ликвидацией единства Германии. Восстановление единства Германии и развитие ее мирной промышленности — неотъемлемая часть общей программы превращения Германии в мирную, демократическую страну — программы, соответствующей интересам всех миролюбивых народов.

Ошибочными общеполитическими установками Сэсюли определяется и его неверная трактовка вопроса о центральном правительстве Германии и проблемы репараций. Сэсюли пишет, что «отсутствие в ней (Германии) центрального правительства есть одно из наименьших зол» и что «вопрос о центральной администрации Германии является одним из наименее спорных». В действительности, разрешение вопроса о центральном правительстве Германии, как это показал В. М. Молотов на Лондонском совещании Совета министров иностранных дел, является делом первостепенной важности. В отсутствии центрального правительства могут быть заинтересованы лишь те, кто хочет прибрать к рукам западно-германскую промышленность и добивается поэтому раскола Германии, т. е. англо-американские монополисты. Советский Союз всегда выступал за единство Германии, исходя как из интересов самого германского народа, так и интересов мира и безопасности всех свободолюбивых народов.

Сэсюли совершенно неправильно трактует проблему репараций. Репарации представляются ему лишь как средство разрушения германской промышленности. В соответствии с этим он полностью отвергает принцип взимания репараций из текущей продукции Германии.

В действительности, взимание репараций не только не направлено к разрушению немецкой промышленности, но, наоборот, создает условия для развития мирной промышленности Германии, ликвидируя вместе с тем военные отрасли ее промышленности. Репарации из текущей продукции, удовлетворяя справедливые требования стран, подвергшихся гитлеровской агрессии, о частичном возмещении нанесенного им ущерба, вместе с тем создают стимул для развития германской промышленности по мирному, демократическому пути.

Следует отметить, что все эти неверные выводы Сэсюли находятся в противоречии с приводимыми им же фактами. Богатейший фактический материал, собранный Сэсюли, делает его книгу полезным пособием для самых широких кругов читателей, интересующихся развитием промышленности Германии в период между двумя мировыми войнами и ролью американских монополистов в восстановлении военного потенциала Германии и возрождении германской агрессии.

Д. Мельников

Р. СЭСЮЛИ

ИГ ФАРБЕНИНДУСТРИ

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ДЛЯ ТУРИСТОВ ПО ГЕРМАНИИ 1945 г.**

Глубоко в лесах Восточной Баварии запрятали нацисты свои новейшие военные заводы. Вы можете проехать мимо них по дороге и ничего не увидеть. Можно пролететь над ними — и опять-таки ничего не увидеть, кроме густого зеленого покрова лесов.

Военные заводы отлично замаскированы. Они окрашены в мутносерый и грязножелтый цвета, расположены на лесных лужайках и прикрыты сверху маскировочными сетями. Часть цехов иногда находится под землей. Как правило, цехи разбросаны по большой площади и соединены между собой километрами зеленых трубопроводов.

На строительстве и эксплуатации большинства этих военных заводов, принадлежавших крупнейшей немецкой монополии — ИГ Фарбениндустрии, заняты были иностранные рабочие, насильно угнанные в Германию. Теперь эти иностранные рабы вернулись на родину. Заводы замерли, выглядят мрачно, но они сохранились в целости и неприкосновенности.

Некоторые из этих скрытых от глаз заводов работают и сейчас. Они вырабатывают ряд химических продуктов мирного времени, но их можно тотчас же перевести снова на военное производство.

Некоторые же из этих заводов бездействуют. На таком бездействующем заводе чаще всего можно найти лишь одного инженера-немца, заканчивающего составление инвентарной описи завода. Зачастую это одинокий и мрачный человек. Ему не нравилась работа на заводе, скрытом среди деревьев. Цехи такого завода были слишком разбросаны. Слишком трудно было следить за работой иностранных рабов: они всякий раз норовили спрятаться среди деревьев, чтобы отдохнуть. А теперь инженеру нечего делать, кроме составления инвентарной описи

приостановленного и всеми покинутого, расположенного в лесной чаще военного завода.

На лужайке в баварском лесу стоит недостроенное здание — оно было кошмаром для тех, кто его строил. Его можно сначала принять за большую канализационную трубу, лежащую на боку и наполовину высовывающуюся из-под земли, но для этого оно слишком велико. Его можно принять и за большой ангар для самолетов со сводчатой крышей, но и для этого оно слишком велико. Здание имеет в длину около 800 м, в ширину у основания больше 90 м, а в высоту более 30 м. Оно предназначалось для самолетостроительного завода фирмы Мессершмидт.

Чтобы построить этот завод, пришлось вырыть часть дна небольшой долины. У воронки скопилась огромная масса песка. Сверху песок был залит двумя слоями бетона, армированного железом; это образовало купол толщиной в 6 м. Над всем этим лежал слой почвы в 6 м толщиной, в который были посажены деревья, так что все сооружение сливалось с лесом. Наконец, из-под бетона был удален весь песок, и в образовавшемся обширном сводчатом помещении должно было быть установлено машинное оборудование авиационного завода.

Но здание так и не было достроено до конца; и оно служит наглядной диаграммой всех этапов его строительства. Теперь оно стоит голое, безобразное, совершенно заброшенное всеми, кроме сторожа-баварца и иногда прибывающих сюда на грузовиках американских отрядов, берущих образцы песка из огромной кучи его, выкопанной из-под бетона. Сторож-баварец смотрит на это и говорит: «чортова работа». Этот совершенно недоступный для бомб завод может служить ответом на угрозу атомной войны — его не повредит никакая бомба.

Работа по строительству началась лишь в августе 1944 г. В это время американские войска быстро продвигались через Францию. Париж был уже освобожден самими парижанами. Генерал Эйзенхауэр полагал, что есть много оснований ожидать окончания войны в сентябре или октябре того же года. И как раз в это время немцы начали строительство этого недоступного для бомб завода и продолжали эту работу с исключительной

интенсивностью до того самого дня в апреле 1945 г., когда первые американские войсковые части вступили в эту местность. На стройке работали круглые сутки по-сменно тысячи иностранных рабов. Их окружали эсэсовцы; жители соседнего городка даже не знали, что именно здесь строится. Новые рабочие непрерывно прибывали на смену умершим или убитым в эту страну, полностью уже исчерпавшую свои собственные людские резервы. По мере того, как возникали все новые и новые трещины в разваливающейся транспортной системе, перспектива поражения становилась все очевиднее; тем не менее по железным дорогам и на грузовиках доставлялись бесчисленные тысячи тонн песка и строительных материалов. За восемь месяцев последнего периода войны строительство этого завода было завершено почти наполовину.

Для чего это делалось? Может быть, нацистский аппарат сошел с ума и сам себя уничтожал в последнем безумии продолжать действовать во что бы то ни стало. Может быть, это была надежда — надежда, до сих пор живущая и высказываемая шопотом в этой угрюмой и побежденной стране: надежда на то, что им будет позволено закончить это дело и строить самолеты для будущей войны, на сей раз войны против Востока.

Сейчас это возведенное лишь наполовину сооружение является еще одним гитлеровским военным памятником в лесах Баварии. Как и остальные, оно стоит мертвое и заброшенное и является, наряду с другими военными заводами, олицетворением силы, серьезно раненной, но не сломленной, опасной, как ядовитая змея, выжидающей...

* * *

В оккупированной американскими войсками части Германии война закончилась в разных местностях в разные дни. Войска проходили через город, иногда даже без боя, и позади них война кончалась. Немцам окончание войны принесло облегчение. Они не приветствовали американские войска, но, повидимому, и не питали ненависти к ним. Уже в течение долгого времени у немцев не было никаких перспектив на будущее, кроме воздушных налетов и страха. Теперь они, по крайней мере, были в безопасности.

Павшие в бою солдаты и офицеры обеих армий лежали там, где их настигла смерть. В каждом городе под обломками лежали трупы непогребенных жителей. Но война прекратилась, не было больше бомб и снарядов, которых нужно бояться, однако и делать было нечего. Не помогла даже хваленая немецкая преданность долгу. Во многих городах в парках виднелись воронки от бомб, а вокруг парков — разрушенные здания. Люди сидели в парках и грелись на солнце. Но с течением времени и на развалины начинают смотреть, как на нечто нормальное. Люди, глядевшие на развалины, казались нормальными. По сравнению с французами они выглядели здоровыми и хорошо одетыми. У женщин и немногих имевшихся налицо мужчин на ногах были чулки и кожаная обувь, в то время как характерным звуком для французских улиц было шелканье деревянных подошв.

Большая часть немецких городов была превращена в развалины. В зоне, оккупированной американской армией, единственным не пострадавшим серьезно большим городом был Гейдельберг. На первый взгляд казалось, что должны пройти десятилетия, прежде чем Германия снова станет производящей страной. При виде развалин городов нельзя было представить себе, что заводы остались нетронутыми.

Но это первое впечатление было обманчивым. Верно, что немцам предстоит прожить ряд лет в трудных условиях. Но легче оказалось поразить и повредить жилые дома, чем заводы. Заводы были расположены преимущественно на окраинах; бомбы же падали в центральных районах городов. Даже когда имелось попадание в завод, то более всего страдал корпус заводского здания. Когда все же наносились повреждения также и машинному оборудованию, то немцы обычно быстро исправляли эти повреждения, используя имевшийся у них огромный излишек станков.

На окраине Мюнхена, на одной из магистралей, ведущих в центр города, расположен завод фирмы Байрише моторенверке, на котором изготовлялись ракетные двигатели. Здание его сильно пострадало, крыша уничтожена, стены частично обрушились. Глядя на него, можно подумать, что вот, наконец, хоть один завод, ко-

торый никогда уже больше не сможет работать для военных нужд. Но внутри здания открывалась совершенно иная картина. Там, где было сосредоточено важное машинное оборудование, были сооружены защитные укрытия; все удары принял на себя корпус здания — и за все время войны завод ни разу не приостановил производства.

Дело в том, что при условии обеспечения топливом, материалами, быстрым ремонтом и надлежащим транспортом немецкая экономика могла бы работать почти на 90% своей максимальной мощности. Через год после оккупации Германии союзниками немецкое производство было, вообще говоря, на низком уровне. Но причиной этого были затруднения с углем и транспортом. А наибольшие повреждения нанесли транспорту сами немцы, взрывавшие мосты и уничтожавшие дороги в последний период войны.

Сами заводы выглядели так же, как и любые заводы в мире. Иначе обстояло дело с заводами, введенными во время войны, укрытыми в глухих лесах и тщательно замаскированными. Большинство же обычных заводов — основа самой мощной в Европе концентрированной системы производства — были такими же, как и в Манчестере, Лилле или Питтсбурге. Города, жилые дома, крестьянские фермы — все носит на себе отпечаток национальной культуры; но заводы интернациональны. Для американцев, уроженцев промышленных городов, наиболее привычным зрелищем в Германии явились большие мрачные здания из красного кирпича, длинные склады со сводчатыми крышами, высокие фабричные трубы и сеть железных дорог. Этой картине не хватало лишь вечного облака фабричного дыма и толпы людей у ворот при новой смене. Но это могло сойти просто за глубокий экономический кризис.

* * *

Немецкая промышленность явилась основой нацистского заговора против мира. Потребовалась объединенная мощь Советского Союза, Соединенных Штатов и Британской империи, чтобы сокрушить войска, приведенные в движение немецкой промышленной системой. До наступления развязки Германия причиняла разрушения в невиданных дотоле масштабах.

Над всеми промышленными концернами Германии возвышалось акционерное общество ИГ Фарбениндустри (IG Farbenindustrie A. G.). ИГ Фарбениндустри являлся крупнейшим концерном Германии и венцом ее военных усилий.

Предприятия ИГ Фарбениндустри были разбросаны по всей территории Германии. Влияние же его распространялось далеко за пределы Германии. Так же быстро, как немецкая армия продвигалась вперед в 1939—1942 гг., следовал за ней по пятам ИГ Фарбениндустри, захватывая в свои руки заводы в завоеванных странах. Но еще задолго до войны ИГ Фарбениндустри приобрел большое влияние на промышленность других стран путем искусного использования картелей.

В большей мере, чем какой-либо другой концерн в мире, ИГ Фарбениндустри стал центром сети международных картелей, контролирующей поразительный ассортимент продукции — нефть, каучук, красители, азот, взрывчатые вещества, алюминий, никель, искусственный шелк. Около пяти тысяч километров отделяют правление ИГ Фарбениндустри во Франкфурте-на-Майне в Германии от атлантического побережья Соединенных Штатов Америки, но ИГ Фарбениндустри мог бы многое рассказать об американской военной промышленности.

Полное название этого концерна таково: Interessengemeinschaft Farbenindustrie Aktiengesellschaft, что значит «Общность интересов красочной промышленности, акционерное общество». Слова «общность интересов» фактически означают в данном случае монополию или картель, но руководители ИГ Фарбениндустри предпочли это, более возвышенное название. Член наблюдательного совета концерна профессор Эрвин Сэльк пытался так объяснить это американским исследователям. «Общность интересов — работа совместно для общего блага — сотрудничество. Понятно?» — спросил он, и его мрачное, похожее на череп лицо раздвинулось в улыбке. Помимо своих обязанностей в ИГ, Сэльк был также ротным командиром в конных войсках СС.

Скромность полного названия концерна обманчива. Краски были лишь частью химической продукции

ИГ Фарбениндустри, а химикалии, в свою очередь, являлись лишь частью всей продукции ИГ.

Вся деятельность ИГ Фарбениндустри была окутана тайной. Даже и теперь, после тщательного обследования, не известен точный размер капитала ИГ Фарбениндустри. Известно лишь, что чистый его актив равнялся по меньшей мере 6 млрд. марок. Известно также, что ИГ Фарбениндустри владел долями, и обычно львиной долей, капитала в более чем 380 других немецких фирмах. Деятели ИГ старались сохранить в тайне заграничные связи, но известно, что всемирно разветвленная организация ИГ Фарбениндустри охватывала более пятисот заграничных фирм.

ИГ Фарбениндустри являлся крупнейшим и сильнейшим химическим концерном во всем мире. Он действовал в больших масштабах. Главное правление ИГ во Франкфурте находилось в новом здании, достаточно большом, чтобы разместить целое министерство. ИГ Фарбениндустри был почти самостоятельной державой. Он владел собственными угольными, магнезитовыми, гипсовыми и соляными копями. Он имел свои коксовые печи и был крупным пайщиком металлургических фирм. Когда Генри Форд открыл в Германии свою подконтрольную компанию, ИГ Фарбениндустри тотчас же скупил почти все 40% акций новой компании, выпущенных Фордом для продажи в Германии. Первый председатель правления ИГ, профессор Карл Бош вступил в правление германской акционерной компании Форд, а Эдсель Форд в свою очередь, стал членом правления вновь образованного американского акционерного общества Америкэн ИГ компани (American IG Company).

Разумеется, ИГ Фарбениндустри имел свои собственные банки, исследовательские и патентные бюро, и притом не только в Германии, но и во всех крупных экономических центрах мира. От сырья и до организационных и финансовых средств ИГ располагал всем, что ему было необходимо.

В той международной экономической борьбе, которая осуществляется посредством картелей, ИГ Фарбениндустри был в состоянии вполне противостоять крупнейшим концернам мира — Стандард ойл ов Нью-Джерси

(Standard Oil of New Jersey), Ройял Дэтч Шелл (Royal Dutch Shell), Аллюминиум компани ов Америка (Aluminium Company of America), Бритиш империал кемикл индастрис (British Imperial Chemical Industries) и Дюпон (Du Pont).

К моменту окончания войны связи между правлением и предприятиями ИГ Фарбениндустрii были нарушены, как и все вообще в Германии. Но реальный ущерб, причиненный самим, разбросанным по всей стране предприятиям был незначителен.

По оценке инженеров ИГ, ущерб, причиненный предприятиям концерна во время войны, равнялся не более чем 15% производственной мощности последних. Эти инженеры считают, что, при наличии рабочей силы, топлива и необходимых материалов, они могли бы в трехмесячный срок восстановить производственную мощность на 90%. Лишь немногие из важнейших заводов ИГ были повреждены, да и то почти случайно. Так, например, до некоторой степени пострадал крупный завод в Людвигсгафене, но и то, главным образом, вследствие некоторых особых обстоятельств. Людвигсгафен расположен на берегу Рейна против Мангейма, у которого Неккар впадает в Рейн; слияние двух рек является хорошей мишенью для авиации. Эскадрильи бомбардировщиков, пролетавшие над Германией, при возвращении зачастую перестраивались над Мангеймом. Если у них еще оставались бомбы, то Мангейм и Людвигсгафен являлись прекрасными объектами для сбрасывания этих бомб. К концу войны пришлось перевести часть производства с людвигсгафенского завода на другие предприятия.

Предприятия, вырабатывавшие синтетический бензин и смазочные масла, были главной мишенью авиации; производственная мощность ИГ Фарбениндустрii по этим продуктам сократилась. Но по синтетическому каучуку производственная мощность ИГ сократилась примерно лишь на 15%, по взрывчатым веществам — менее чем на 10%, и почти вовсе не сократилась производственная мощность по цветным металлам (алюминий, магний, никель), а также по отравляющим веществам и ряду других химических продуктов. В американской окку-

пационной зоне Германии только одному заводу ИГ Фарбениндустрii был причинен ущерб более чем на 50% — это небольшой завод в Клеебронне, выпускавший светофоры, где работало только 450 рабочих. Крупные же заводы в американской зоне фактически не пострадали.

Несмотря на величайшее старание хранить все в тайне, ИГ Фарбениндустрii имел в предвоенные годы слишком большое значение, чтобы ему удалось засекретить свои предприятия. В основных чертах было известно, какова роль этого концерна в германской экономике и в экономике других стран, в частности это было известно исследователям министерств юстиции и финансов США, которые попытались добыть сведения о деятельности ИГ Фарбениндустрii. И подозрение, что концерн благополучно перенес бомбежку с воздуха и краткосрочную кампанию наземных войск, вскоре подтвердилось.

ИГ Фарбениндустрii причинил большой ущерб союзным державам. Теперь стало ясно, что его способность причинять вред сохранилась и сейчас. Полное расследование деятельности ИГ Фарбениндустрii и уничтожение его военного потенциала стало делом первостепенной важности для оккупационных властей.

С американской стороны генерал Эйзенхауэр поручил это расследование финансовому директору американской военной администрации в Германии полковнику Бернарду Бернштейну, бывшему чиновнику министерства финансов США, который являлся финансовым советником Эйзенхауэра во время кампаний в Северной Африке, Италии и Франции. Полковник Бернштейн организовал соответствующую исследовательскую группу, в которую вошли несколько гражданских чиновников из министерств юстиции и финансов, офицеры армии, флота и береговой охраны и рядовые, набранные из американских войсковых частей, расположенных во всех частях света. Обследование деятельности ИГ Фарбениндустрii началось почти немедленно вслед за оккупацией Франкфурта-на-Майне, в то время когда война уже приближалась к концу. Над городом еще стоял дым пожара, когда исследователи приступили к изучению архивов ИГ Фарбениндустрii.

Обнаружить эти архивы не представляло никакого труда. Они были налицо, тюки документов можно было хоть вывозить на грузовиках. Другое дело было — извлечь из них основное.

Здание правления ИГ Фарбениндуэтри во Франкфурта-на-Майне не пострадало от военных действий. Но война имела свои последствия. Тотчас же вслед за окончанием военных действий иностранные рабочие, насильно угнанные нацистами, объявляли себя свободными и были отнесены к категории «перемещенных лиц». Вскоре десятки и сотни тысяч таких перемещенных лиц стали передвигаться в разных направлениях по всей Германии. Больше всего на свете они хотели вернуться на родину, но на это требовалось известное время, а покамест они нуждались в пище, крове, топливе. Уже давно немцы подавали им пример грабежа, и они должны были сами заботиться о себе и доставать себе то, в чем они нуждались. Здание ИГ Фарбениндуэтри было открыто, оно манило к себе, в нем были неповрежденные крыша и стены, даже стекла в окнах. И до десяти тысяч перемещенных лиц расположилось в этом здании.

В ту весеннюю пору 1945 г. в Германии было еще холодно. Не было топлива. Но имелись бесчисленные ящики с бумагами. Перемещенные лица стали жечь архивы ИГ Фарбениндуэтри, чтобы отопить здание.

Вслед за нашествием перемещенных лиц пришли оккупационные войска. Как крупнейшее здание во Франкфурте, правление ИГ Фарбениндуэтри стало штаб-квартирой американских оккупационных властей. Был отдан приказ очистить здание. Этим занялся американский фельдфебель, получивший за эту операцию «бронзовую звезду». Процедура была весьма проста. Мебель, архивные шкафы, документы, — одним словом, все движимое имущество было погружено на повозки, вывезено и сложено в большие штабеля.

Обследователи ИГ Фарбениндуэтри быстро приступили к работе, но ко времени их прибытия бумаги тонким слоем устилали несколько гектаров земли, в залах и вестибюлях здания слой бумаг доходил до колена, на некоторых лестницах — до груди.

Оказалось легче арестовать ряд руководителей ИГ Фарбениндустри, чем разобраться в их архивах; многие из руководителей жили во Франкфурте, другие поспешили туда из Берлина, чтобы дожидаться американской оккупации. Для крупных немецких промышленников это был период беспокойного ожидания. Им было ясно, что наиболее благоразумным было ускользнуть от наступающей на запад русской армии. Но к кому направиться: к англичанам или к американцам? Другими словами, с чьей стороны они могли ожидать более мягкое обращение? Большинство деятелей ИГ Фарбениндустри, взвесив все доводы, предпочло попытаться попасть к американцам.

Сначала казалось, что они совершили большую ошибку. Крупнейшие деятели ИГ были арестованы и посажены в тюрьму в ожидании допроса. Но уже через полгода можно было усомниться — действительно ли они серьезно просчитались. А после того как прошло уже более года, вопрос все еще вызывает серьезные сомнения. Оккупация Германии длится уже второй год¹, а в ИГ Фарбениндустри все еще не покончено.

Однако первые месяцы, по крайней мере, были трудными для лиц, привыкших к другому обращению. Среди арестованных и допрошенных были: тайный советник Герман Шмиц, сменивший Карла Боша на посту председателя правления ИГ Фарбениндустри, один из влиятельнейших людей делового мира, д-р Макс Ильгнер, формально числившийся директором финансового отдела, а фактически являвшийся одним из основных организаторов ИГ и руководителем международной шпионской сети этого концерна, д-р Георг фон-Шницлер, глава отдела сбыта ИГ и главный его представитель в международных делах, и многие другие, включая большинство членов правления.

Постепенно из материалов допросов и из с трудом сопоставленных архивных данных картина стала проясняться. Некоторые из членов правления ИГ Фарбениндустри проявляли упорство и заносчивость, другие же говорили. Были обнаружены специально запрятанные

¹ Книга «ИГ Фарбениндустри» была закончена автором в конце 1946 г. и вышла в свет в 1947 г. (Прим. ред.)

конфиденциальные документы. Некоторые из них были зарыты в садах при домах членов правления. Часть была обнаружена среди пустых бутылок в винном погребе деревенского трактира.

История, которая стала таким образом выясняться, не изобиловала столь явными ужасами, как в Бухенвальде, с его камерами смерти и горами трупов. С ИГ Фарбениндурии дело было чисто. История ИГ была, собственно говоря, повестью об успехах. Руководители ИГ Фарбениндурии были оборотистыми, но почтенными деловыми людьми, нажившими себе огромное состояние на создании нацистской военной машины.

Без ИГ Фарбениндурии Гитлер не мог бы затеять войну. Основной специальностью ИГ Фарбениндурии была химия, но в наше время химия охватывает много отраслей. ИГ производил 43 основных продукта. 28 из них имели первостепенное значение для немецких вооруженных сил. Важнее всего было то, что ИГ сумел разрешить две важнейшие для Германии проблемы дефицита сырья — нефтяную и каучуковую. ИГ Фарбениндурии производил весь синтетический каучук в Германии. Он производил все 100 % синтетических смазочных масел и часть синтетического бензина, а также большую часть взрывчатых веществ в Германии. Кроме того, он выпускал 90 % немецкой продукции пластмасс. Он также был в Германии пионером производства легких металлов, найдя и здесь пути для преодоления нехватки сырья.

Но производство военных материалов было лишь конечной фазой, а не главным содержанием военных замыслов концерна ИГ Фарбениндурии, который наряду с другими немецкими крупными концернами и картелями в полном смысле слова запланировал вторую мировую войну. Задолго до того, как нацистская партия превратилась в реальную политическую силу, промышленники уже начали приготовления к войне. Полученные при обследовании данные показывают, что в этой подготовке ИГ Фарбениндурии играл ведущую роль. Если в течение двенадцати лет можно было спросить о причинах, в силу которых Гитлер пришел к власти в Германии в 1933 г., то теперь стало ясно: Гитлер был выдвинут коалицией

руководителей тяжелой промышленности и милитаристов-юнкеров.

В Англии рассказывают такой эпизод из эпохи первой мировой войны. Англичане захватили у немцев полевую пушку и превратили ее в памятник бойцам, погибшим при ее захвате. На табличке сохранилось название фирмы, изготовившей эту пушку. Это была английская оружейная фирма Виккерс (Vickers).

Повидимому, этот урок периода первой мировой войны не был усвоен. Англия и Соединенные Штаты сражались во второй мировой войне, как впрочем и в первой, против врага, которому они же сами помогли вновь вооружиться. Хуже того, они вступили в войну, не позаботившись о своем собственном вооружении, что было результатом соглашений, заключенных между их крупными промышленниками и капиталистами вражеских стран. Вот в этом-то и заключалось крупнейшее военное достижение ИГ Фарбениндурии. В большей мере, нежели какая-либо другая крупная фирма, ИГ находился в центре паутины международных картельных соглашений. Обследование концерна ИГ Фарбениндурии показало также, как картельные связи, охватившие всю Европу и протянувшиеся через Атлантический океан в Соединенные Штаты и Латинскую Америку, превратились в неотъемлемую часть той системы, внутри которой выковалась война.

Шпионаж является обязательным элементом современной мировой политики. ИГ Фарбениндурии сослужил хорошую службу нацистской Третьей империи, создав новую систему шпионажа. Шпионы концерна ИГ удовлетворяли поставленным задачам потому, что они были невидимы. Принадлежа к уважаемым кругам общества, они могли действовать вполне легально: это были деловые люди, собиравшие и передававшие ценную информацию в самом процессе своей работы. Другие немецкие концерны действовали таким же путем. Но ИГ Фарбениндурии развил технику этого дела до столь высокого уровня, что его шпионская сеть стала основным оружием военной разведки и нацистской партии.

За все эти и многие прочие услуги концерну ИГ Фарбениндурии хорошо платили. Как только немецкая армия завоевывала какую-либо страну, ИГ Фарбен-

индустрии посылал туда своих представителей, которые начинали ее экономическое освоение, даже не дожидаясь окончания боев. В Чехословакии и Польше, в Норвегии и Франции ИГ Фарбениндурии захватил все сколько-нибудь значительные химические заводы. На захваченных заводах немедленно начинался выпуск продукции для гитлеровцев, чтобы помочь им завоевывать все новые и новые страны, в которых можно было бы захватывать все новые заводы. И в этом отношении ИГ Фарбениндурии также проложил путь, по которому последовали все крупные банковские и промышленные концерны Германии. Нацисты хорошо платили концерну ИГ Фарбениндурии. Расчеты же его с Объединенными нациями — это другое дело. Эти расчеты могут быть урегулированы только одним способом — ИГ Фарбениндурии должен прекратить свое существование. Первые военные директивы союзников могли создать впечатление, что окончательная ликвидация ИГ является делом ближайшего будущего. Но с самого начала было оказано контрдавление, направленное к тому, чтобы сохранить этот концерн. И теперь, более чем год спустя после окончания войны, этот вопрос все еще не разрешен.

Пока шла война, Гитлер имел лишь одну возможность выиграть ее: добиться раскола между Великобританией и США, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой. Он утратил этот шанс, ибо союзники держались сплоченно. Теперь вновь этот раскол является для ИГ Фарбениндурии и остальных крупных немецких концернов главным шансом уцелеть, выжить. Если концерну ИГ Фарбениндурии удастся вновь собраться с силами, то это произойдет потому, что его решили сохранить как оружие для другой войны, для той войны, к которой нацисты и их друзья никогда не переставали стремиться, — для «крестового похода» против Востока. Ибо если бы дело решалось на основании доказательств виновности в военных преступлениях, то ИГ Фарбениндурии не мог бы просуществовать и месяца.

* * *

Уроки истории ИГ Фарбениндурии весьма поучительны. Совершенно очевидно, что страх перед войной не исчез в мире сразу же после окончания второй мировой

войны. Если осведомленность о том, как развязывались войны в прошлом, сможет помочь предотвратить новую войну в будущем, то дело ИГ Фарбениндурии в этом отношении самое показательное. ИГ Фарбениндурии является особенно хорошим примером, потому что, может быть впервые в истории, громадный концерн, «делающий войну», был захвачен в момент военного поражения и все его действия стали доступны изучению. Обычно же о войне пишут как раз те люди, которые развязывают ее.

Из рассказа о том, как развивался концерн ИГ Фарбениндурии, становится ясным, каким путем целая нация, притом цивилизованная нация, предалась фашизму.

Это мрачная, неутешительная картина. Если некоторых нацистов и можно не принимать в расчет как сумасшедших, то руководители ИГ Фарбениндурии ни в какой мере не являются помешанными. До войны мало кто назвал бы их преступниками. Они располагали поддержкой и сотрудничеством своих компаньонов во всем мире¹.

Но прежде всего история концерна ИГ Фарбениндурии является наилучшей иллюстрацией того, как действовали международные картели и монополии, чтобы развязать войну.

¹ Оценки и выводы Сэсюли, разумеется, относятся только к капиталистическому миру. (Прим. ред.)

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНЦЕРНА ИГ ФАРБЕНИНДУСТРИ

На протяжении большей части своей истории люди создавали материальную культуру, используя природные богатства в том виде, в каком они их находили.

Но за последний период, начиная со второй половины XIX в., все это изменилось. Из обыкновенного угля оказалось возможным делать духи и бензин, красители и синтетический каучук. Основную составную часть взрывчатых веществ можно получить из окружающего нас воздуха; синтетический каучук — из нефти и алко-голя так же, как из угля. Используя те же основные ин-гредиенты — уголь, нефть, воздух, можно получать бук-вально тысячи разновидностей синтетического волокна и других материалов.

Техническая революция, которая берет здесь свое начало, имела такие же потрясающие последствия, как и промышленная революция, последовавшая за открытием способа получения паровой двигательной силы из угля. Влияние ее на промышленность не поддается учету. Но более того, она изменила также и структуру междуна-родных отношений. Факторы, доминировавшие в между-народных отношениях почти вплоть до второй мировой войны, радикально изменились.

В период первой мировой войны коалиция держав, возглавляемая Британской империей, смогла одержать по-беду благодаря блокаде старого типа: нефть и каучук имеют большое значение для войны, Германия же не имела внутренних источников снабжения этими натураль-ными продуктами, а от внешних источников снабжения ее отрезали, установив морскую блокаду. В конечном счете, поражение Германии объясняется крайним недо-статком сырья больше, чем какой-либо иной причиной,

Стратегия союзников во второй мировой войне была в основном такой же. Но Германия реагировала на нее

совершенно иначе. На сей раз вплоть до конца войны, длившейся шесть лет, Германия не испытывала серьезной нехватки какого-либо важного вида сырья, на сей раз она все производила внутри страны: бензин, каучук, искусственное волокно. Она имела в изобилии уголь и использовала все достижения органической химии для превращения угля во все необходимые ей виды сырья.

Борьба за источники стратегического сырья продолжается и сейчас — свидетельством тому является напряженное положение во всех экономически мало развитых странах мира, от Ирана до Индонезии. Но господство над этими важными районами не может само по себе обусловить тот или иной исход серьезного конфликта. Делом ИГ Фарбениндурии явилось превращение науки о новых материалах в самое сильное оружие войны.

* * *

На всех этапах своего развития концерн ИГ Фарбениндурии развивался параллельно истории Германии в целом. Он зародился тогда же, когда Германия стала объединяться. В 1863 г. было основано химическое предприятие в Хехсте всего с пятью рабочими; в 1855 г. было основано предприятие в Людвигсгафене с тридцатью рабочими. Эти маленькие химические заводы стали впоследствии центром целой промышленной империи — ИГ Фарбениндурии.

Следует напомнить, что тогда же, в 60-х годах, Бисмарк стал проводить политику, завершившуюся в 1871 г. созданием единого германского государства. В 1866 г., как раз тогда, когда начался рост немецкой химической промышленности, Бисмарк успешно провел Пруссию через войну с габсбургской Австрией, сделал тем самым неизбежным объединение Германии под главенством Пруссии и проложив путь к руководящему положению Германии в Европе. Таким образом, на протяжении тех же самых нескольких лет было положено начало и экономической и политической мощи Германии, что сделало ее в первой половине XX в. ведущей силой мировой агрессии.

До Бисмарка единой Германии не существовало. Но уже к 1900 г. Германия добилась равенства с Велико-

британией на мировой политической арене. Германия претендовала на обширные колониальные владения. Руководимая прусской военщиной немецкая армия стала самой сильной в мире. Мощностъ немецкой черной металлургии превысила мощностъ английской, и Германия готова была вступить с Англией в борьбу также за военно-морское первенство.

За тот же 35-летний период, к 1900 г. немецкая химическая промышленность стала величиной всемирного значения. Предприятие в Людвигсгафене, именовавшееся Бадише анилин-унд содафабрик (Badische Anilin- und Sodafabrik), насчитывало в 1875 г. 885 рабочих и имело капитал в 16,5 млн. марок; в 1900 г. на нем было занято 6700 рабочих, в 1914 г. — 11 тыс., причем завод занимал площадь в 200 га и простирался на 2½ километра по берегу Рейна при впадении в него Неккара.

Такими же темпами развивался и Хехстер Фарбверк (Hoechster Farbwerke). В 1880 г. там работало 1900 рабочих, а в 1912 г. — 7700, в том числе 380 квалифицированных химиков и инженеров.

Само собой разумеется, немецкая химическая промышленность приносила большие прибыли. Людвигсгафенский завод в 1900 и 1910 гг. дал своим акционерам по 25% дивиденда, а Хехстский в 1910 г. — 27%.

Этот быстрый рост немецкой химической промышленности может быть объяснен числом занятых в ней технических специалистов. В 1900 г. на шести крупнейших немецких химических предприятиях насчитывалось более 650 квалифицированных химиков и инженеров. В то же самое время во всей английской промышленности по переработке каменноугольной смолы работало не более 30—40 химиков.

Научная подготовка химиков, основы которой были заложены немецкими учеными Либихом и Гофманом, стала важнейшим элементом всей химической индустрии. Люди, получившие подготовку в лучших университетах и исследовательских институтах, неизменно направлялись на работу на химические предприятия. Практическая работа, проводившаяся на заводах, стала продолжением исследований, которые велись в лабораториях. И в свою

очередь, лучших своих людей и передовые свои достижения промышленность отдавала университетам, чтобы таким путем усилить процесс дальнейшего научного исследования.

Исследовательская работа стала означать прогресс промышленности. Но она привела также и к расколу внутри немецкой химической промышленности. Результаты исследовательских работ сделались важными коммерческими тайнами, которые стоило выкрадывать. Защита от иностранных конкурентов была введена установлением немецкой патентной системы в 1877 г.; от иностранцев, обращавшихся в Берлин за патентами, немецкие промышленники даже узнавали их производственные секреты. Но внутренний раскол в немецкой химической промышленности был делом более серьезным.

В целях устранения губительной конкуренции в 1884 г. было создано «Общество защиты интересов химической промышленности Германии». Общество представило имперскому правительству доклад, в котором детально описало формы практиковавшегося тогда промышленного шпионажа: на заводы фирм-конкурентов посылались рабочие с заданием выведать производственные секреты; широко практиковались в тех же целях взяточничество и прочие формы коррупции; даже инженеры и химики торговали сведениями, которыми они обладали. Общество пришло к заключению, что «...единственный выход заключается в законодательных мерах и, в частности, в усилении наказаний».

И, действительно, вскоре был издан ряд постановлений по вопросу о промышленном шпионаже, что помогло навести порядок в промышленности. Опыт же, накопленный в выведывании чужих секретов, пригодился впоследствии, во время двух мировых войн.

Внутренняя конкуренция и все большая концентрация промышленности привели к созданию картелей. Крупнейшим основоположником картелей в области химической промышленности был д-р Карл Дуисберг.

Дуисберг был коренастым, небольшого роста, немцем, полным энергии и организаторских планов, любителем длинных и пышных речей. Он представлял собой немецкий вариант сочетания дельца и научного исследователя:

перечень его почетных ученых званий составлял целый абзац. Являясь главой одной из крупнейших фирм химической промышленности — Эльберфельдского завода в Леверкузене, он стал во главе движения за создание картеля.

В известной мере картелизация химической промышленности пошла по обычному пути: сосредоточение контроля, удержание цен на определенном уровне путем обеспечения полного господства небольшой руководящей верхушки; устранение конкуренции и обеспечение устойчивого положения на рынке, огражденном пошлинами от иностранной конкуренции; осуществление некоторого повышения производительности путем выпуска продукции меньшим числом предприятий, но в большем масштабе. Но Дуисберг метил дальше и выше. Дуисберг стремился не более и не менее, как к упрочению господства Германии на мировом химическом рынке.

В первые годы XX в. Дуисберг произнес много речей и направил имперскому правительству много докладов, в которых упорно настаивал на осуществлении картелизации. В одном своем заявлении, сделанном в 1902 г., он утверждал, что если будет организован картель, то «ныне существующее мировое превосходство германской химической промышленности, особенно промышленности по производству красителей, будет, по моему мнению, обеспечено на будущее время».

Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан в 1904 г.; к тому времени на немецком химическом рынке господствовало шесть крупных компаний. Они образовали два блока, или картеля. В один входили: большой завод в Людвигсгафене — Бадише анилины — унд-содафабрик, предприятие самого Дуисберга — компания Байер в Леверкузене и берлинская компания АГФА. И до сих пор в США некоторые аспириновые таблетки и фотопринадлежности имеют марку Байер и АГФА.

Центром второго блока был завод в Хехсте — пригороде Франкфурта-на-Майне; в него входила фирма Леопольда Каселла и К^о, а затем к нему присоединилась также фирма Калле и К^о в Бибрихе.

Основы картельного соглашения были сходны у обоих картелей. Была установлена система квот. Прибыли сум-

мировались, а затем делились в соответствии с заранее установленной формулой.

Именно в это время вошел в употребление термин «ИГ» для обозначения германского картеля красителей. Как уже упоминалось выше, ИГ означает Interessengemeinschaft, т. е. общность интересов; это один из способов обозначения картеля. Разумеется, в то время в Германии были и другие крупные картели. Но картель красителей добился мирового господства в своей области. Он представлял собой наиболее совершенный образец картеля. Он мог обходиться простым названием ИГ, это был в подлинном смысле слова Картель (с большой буквы). Даже и после того, как отдельные фирмы, составлявшие красочно-химический картель, были в декабре 1925 г. слиты в единую акционерную компанию, слова «ИГ» были сохранены в названии новой фирмы: Акционерное общество ИГ Фарбениндустри.

Красители создали концерн ИГ. И тогда, как и в дальнейшем, производство красителей являлось основой концерна, его главным источником прибыли. Но ИГ быстро расширил круг своих интересов. Сотни химиков-исследователей, состоявших на службе ИГ, непрестанно производили опыты с бесчисленными производными каменноугольной смолы. Были испробованы и другие источники получения органических соединений. Это был неустанный процесс поисков новых химических комбинаций. Все было испробовано, все было зафиксировано в документах, ничто не было забыто.

ИГ занял ведущее положение и в производстве фотоматериалов. Научные работники ИГ разработали много новых аптекарских и фармацевтических продуктов. ИГ занялся также производством тяжелых химикалий. В поисках новых синтетических веществ — заменителей каучука, нефти и чилийской селитры — ИГ начал обширные исследования в области обработки химикалий при высоких давлениях и температурах. Уже тогда, за десять лет до первой мировой войны, на заводах ИГ велась интенсивная работа над продуктами, производство которых приобрело важнейшее значение во время войны.

Работа в области фармацевтики, проведенная концерном ИГ, бесспорно серьезно содействовала поддержанию

здоровья человечества. Но на ряде фактов, относящихся именно к этой области, ясно видно, каким образом деятельность картелей обращается во всем мире против интересов человечества, в данном случае — страждущего человечества.

Как и во всех быстро развивающихся отраслях экономики, в химической промышленности огромное значение имеют производственные секреты. Тщательность, с которой ИГ оберегал свои открытия, нашла подражателей во всех странах.

В конце XIX и начале XX в. Германия была центром передовой бактериологии и открытий лекарственных средств от различных болезней. И большая часть открытий, сделанных известнейшими немецкими учеными, была сокрыта в лабораториях ИГ и использована этим концерном как средство получения крупных прибылей и как оружие в войне.

Как пример возьмем немецкого химика Пауля Эрлиха. Эрлих был типичным лабораторным ученым, непрестанно искавшим способы излечения болезней. Он открыл сальварсан, 606-й по счету препарат после 605 неудачных опытов. Сальварсан — это средство, излечивающее сифилис, «магическая пуля», по выражению Поля де Крюи, первое реальное лекарство, поражающее бациллы сифилиса, не причиняя вреда человеку.

Но Эрлих работал в лаборатории близ Франкфурта, предоставленной ему концерном ИГ.

ИГ терпеливо ждал и поддерживал его, пока он продолжал производить свои неудачные опыты. Но когда, наконец, был найден сальварсан, то ИГ оказался обладателем полной монополии его производства, и на это почти магическое лекарство была установлена высокая цена. Но что еще более важно: когда началась первая мировая война, отправка сальварсана в Англию и США была прекращена; излечение сифилиса было этим затруднено. Были прекращены поставки и других важных медикаментов. Анестезирующие вещества также являлись немецкой монополией. Хирургия в Англии и Америке испытывала вследствие этого серьезные затруднения.

Прекращение поставок немецкой фармацевтической монополией было не только привходящим моментом блокады — руководители ИГ рассматривали его как элемент ведения войны. Это было настоящее начало бактериологической войны.

После первой мировой войны ИГ сделал новую серьезную попытку использовать лекарственное вещество в политических целях. Значительные области Африки были почти необитаемыми вследствие ужасного недуга — сонной болезни, распространяемой мухой це-це. ИГ разработал лекарство от этой болезни — «Байер 205» или германин. Вооружившись этим медикаментом, ИГ сделал англичанам, через медицинские круги, фантастическое предложение: отдайте нам обратно африканские колонии, и мы дадим вам «Байер 205». Сделка не состоялась, так как: а) англичане не согласились на нее, б) знаменитый французский химик Фурно разработал синтетическое вещество, аналогичное немецкому, и в) лекарство оказалось не совсем удачным.

Далее, история с сульфопрепаратами. Сульфаниламид и родственные ему медикаменты являются одним из самых эффективных когда-либо открытых человеком лечебных средств. Теперь ежегодно спасают многие и многие тысячи жизней, применяя сульфаниламидные препараты.

И все же весьма вероятно, что применение сульфаниламида было задержано на много лет, потому что этот препарат был сокрыт в лабораториях ИГ.

Дело обстояло так: в 1908 г. венский ученый Пауль Гельмо написал диссертацию о новом производном каменноугольной смолы, названном пара-аминобензолсульфонамид; это и есть то, что мы называем сульфаниламид. В то же самое время работники лаборатории ИГ во главе с д-ром Генрихом Герлейном настойчиво и систематически исследовали каждое новое соединение и в качестве красителя и в качестве медикамента.

Все могло оказаться полезным, поэтому они все подвергали испытанию. Весьма вероятно, что они испытали и вещество, описанное Паулем Гельмо. Это тем более вероятно, что годом позже, в 1909 г., д-р Герлейн получил патент на кирпично-красный краситель —

первый в серии новых сульфонамидных красителей. Сведения об использовании сульфопрепаратов уже должны были быть опубликованы, когда в 1913 г. немец Эйзенберг сообщил, что хризодин, коричневый краситель, тесно связанный с сульфаниламидом, уничтожает некоторые бактерии. И в этот момент внезапное и необъяснимое молчание охватило все немецкие лаборатории.

В 1919 г. два специалиста Рокфеллеровского института в США, д-р Гейдельбергер и д-р Джекобс, самостоятельно добились некоторых успехов в деле изучения сульфопрепаратов, но из Германии все еще не поступало никаких сведений. Следующий шаг был сделан лишь в 1932 г. В этом году два работника ИГ, д-р Митч и д-р Кларер, получили для ИГ патент на оранжево-красный краситель, являвшийся производным сульфаниламида. Он был назван красителем и выглядел, как краситель, но характерно, что в Америке он поступил в ведение фармацевтического агента ИГ по сбыту — фирмы Уинтроп кемикл компани. ИГ назвал новый медикамент «стрептоцон», затем «пронтозил»; в 1933 г. д-р Ферстер в Дюссельдорфе сообщил, что с помощью этого препарата он спас ребенка от заражения крови.

Теперь развитие событий ускорилося. Руководящему научному работнику концерна ИГ д-ру Гергарду Домагк было поручено вести исследовательскую работу с пронтозилом. В феврале 1935 г. он опубликовал работу о лечении болезней химикалиями.

Это вызвало большой интерес к новым красителям, могущим быть использованными в качестве медикаментов. Французский бактериолог Левадиди попросил образец пронтозила для анализа. В этой просьбе ему было отказано; ИГ попрежнему претендовал на монополию на все сильнейшие, когда-либо открытые средства, убивающие возбудителей болезней. Левадиди тогда обратился к Фурно — тому самому ученому, который параллельно открыл препарат «Байер 205». Фурно опять успешно проделал опыт. Он установил, что эффективное действие оказывает не недавно запатентованный препарат «пронтозил», а его главный компонент. А этот компонент и был тот самый сульфаниламид, который был

описан венским ученым Гельмо еще в 1908 г., а теперь стал общим достоянием.

Таким образом ИГ скрывал от мировой общности мощное средство сохранения человеческой жизни, потому что он хотел получить продукт, который можно было бы запатентовать и монопольно использовать. Но это не удалось. К 1936 г. сульфопрепараты стали общим достоянием, несмотря на все усилия ИГ Фарбен-индустрии, направленные против этого.

Но трудно и больно пытаться подсчитать, сколько человеческих жизней могло быть спасено, если бы сульфаниламид не был погребен в лабораториях этой огромной монополии, которая выжидала, в какой момент для нее будет наиболее выгодно предоставить новые лекарства в общее пользование.

В годы первой мировой войны концерн ИГ достиг совершеннолетия. В самый разгар войны, в 1916 г., был сделан крупный шаг в деле осуществления мечты Дуисберга — создания единого крупного картеля, охватывающего всю немецкую химическую промышленность. Вскоре после создания двух блоков в химической промышленности в 1904 г. между ними был установлен контакт, была устранена острая конкуренция. Например, синтетический индиго только начал выпускаться в большом количестве и являлся особенно прибыльным красителем — и оба картеля заключили соглашение о сбыте индиго. Военное производство уничтожило последние препятствия, и шесть крупных химических фирм объединились в единый картель ИГ. Вскоре после этого он поглотил две последние мелкие независимые фирмы — Грисгейм электрон и Фарбверк Мюльгейм, — и круг замкнулся. Оставался еще один, последний шаг: в 1925 г. фирмы, входившие в картель, слились в единое акционерное общество.

Первая мировая война продемонстрировала страшную силу ИГ как творца войны и его огромное влияние на германское руководство. Химия в целом достигла во время этой войны своего совершеннолетия. Как сказал Вудро Вильсон в 1919 г.:

«Тесная связь между производством красителей, с одной стороны, и взрывчатых веществ — с другой,

придала этой промышленности особое значение... Немецкая химическая промышленность, с которой мы вступили в конкуренцию, была и может опять стать тесно сплоченной монополией, способной осуществлять особо вредную и опасную конкуренцию».

В деятельности ИГ в годы первой мировой войны можно усмотреть в несколько уменьшенном масштабе все то, что сделало этот концерн сильнейшей опорой нацистского государства. С самого начала научные работники ИГ хорошо понимали значение своих исследований для военных целей. Еще в 1884 г. один из немецких химиков, Виктор Мейер, описал действие горчичного газа на кожу. В 1887 г. профессор Бейер в своих лекциях, прочитанных студентам Мюнхенского университета, указывал на военное значение слезоточивых газов — «лакриматоров».

Заклученная перед первой мировой войной Гаагская конвенция запретила газовую войну. И все же ИГ готовился к газовой войне.

Первая газовая атака произошла в апреле 1915 г. близ Ипра. Тактическая внезапность была полнейшей. Никакой другой способ нанесения удара не мог вывести армию из тупика окопной войны. Вполне возможно, что если бы немецкое командование более смело применило газ, то была бы одержана быстрая победа; по меньшей мере, немцы могли бы достигнуть портов на Ла-Манше.

Роль ИГ в развитии химической войны была так велика, что германской армии никогда не приходилось создавать свою специальную химическую службу, как это было сделано во всех армиях союзников. ИГ взял на себя все это ужасное дело. Сами газы производились на его заводах АГФА, в Хехсте и Леверкузене. Предварительные исследования были осуществлены в столь почтенном научном учреждении, как Кайзер-Вильгельминститут под личным руководством лауреата Нобелевской премии химика Габера, ближайшего сотрудника руководящих деятелей ИГ. Для подготовки войсковых химиков была создана газовая школа в Леверкузене.

Но газ был лишь одним видом оружия, деятельность же ИГ касалась всех видов военного производства.

В своих мемуарах генерал Людендорф упоминает о своем предложении в 1916 г. ведущим деятелям промышленности присоединиться к нему. Он пригласил двоих: стального магната Круппа и Карла Дуисберга.

Все дело производства взрывчатых веществ оказалось в руках ИГ, без него немецкая армия не могла сделать и выстрела. Что еще важнее и что является провозвестником роли ИГ во второй мировой войне, — кудесники из лаборатории ИГ получили задание найти заменители дефицитных сырьевых материалов.

Двумя основными заданиями ИГ было создание синтетических веществ, могущих заменить каучук и чилийскую селитру. Как известно, все европейские страны вынуждены ввозить каучук. Поскольку немецкие порты были накрепко заперты английской блокадой, нехватка каучука в Германии сделалась весьма серьезной. Подводная лодка «Дейчланд» прорвала блокаду и прибыла в США до вступления США в войну; она отправилась в обратный путь на родину с грузом, большей частью состоявшим из каучука. Но все же, несмотря на все принятые меры, к концу первой мировой войны Германия испытала острую нехватку каучука: к концу войны немецкие грузовые автомашины оказались без шин.

Дуисберг писал в 1918 г.:

«Из всех существенно необходимых для ведения войны импортных материалов наиболее дефицитным для нас был каучук». Он излагал трудности, связанные с разработкой процесса получения полноценного синтетического каучука, и следующим образом резюмировал частичный успех, которого удалось достигнуть: «Мы теперь можем ежегодно производить 2 тыс. т в год, что равняется одной восьмой части нашей потребности мирного времени... Будущее покажет, можем ли мы конкурировать с дешевым натуральным каучуком».

И, действительно, будущее показало, что в следующей войне, еще более грандиозной по масштабу и, в особенности, по степени механизации, дуисберговский концерн ИГ оказался в состоянии полностью снабжать германские вооруженные силы каучуком в течение всех шести лет войны.

Синтетический каучук имел в годы первой мировой войны лишь частичный успех. Однако успех метода связывания азота из воздуха был потрясающим. Без этого открытия Германия потерпела бы поражение не после четырех лет войны, а, пожалуй, через год. Без содержащих азот нитратов нельзя производить взрывчатые вещества. Бесспорно важнейшим источником азота для всего мира были залежи натуральной селитры в Чили, от которых Германия оказалась отрезанной. Новое решение проблемы было найдено Фрицем Габером, который изобрел метод буквально высасывания азота из окружающего нас воздуха. Метод Габера был практически осуществлен в широких масштабах концерном ИГ.

И снова Карл Дуисберг может отметить успех ИГ. Опыты по производству взрывчатых веществ из аммиака, полученного по методу Габера, заявил он, — «были поставлены по настоянию фабриканта взрывчатых веществ Дуттэнхофера, умершего в 1903 г., еще в начале XX в. предвидевшего, как опасно для Германии в предстоящей войне оказаться лишенной поставок селитры из Чили, т. е. важнейшего материала в производстве взрывчатых веществ. Баденский завод аммиака в Оппау был готов начать выпуск продукции в 1914 г.»

Таким образом, еще до 1914 г. на ИГ была уже возложена организаторская роль в деле подготовки Германии к ведению мировой войны.

В этот же период ИГ разработал свой собственный метод ведения войны без применения оружия — метод экономической войны.

Хотя это никогда и не представляло секрета, но первая мировая война ясно показала, что сильная химическая промышленность является орудием войны. Между тем и Англия и США вступили в первую мировую войну, в то время как химическая монополия находилась еще в руках Германии. Слабость английской и американской химической промышленности была в значительной степени делом рук ИГ. Это было очень выгодно для ИГ, но это имело еще и политическое значение.

Уже в 80-х годах XIX в. агрессивность немецкой химической промышленности играла значительную роль в международной политике. Германские фабриканты кра-

сок обманывали английских фабрикантов, жульнически используя их патенты. Английские патенты, заявленные в Германии, попросту выкрадывались немцами при содействии германского патентного бюро. С другой стороны, в Англии немецкие патентные права строго соблюдались; более того: отказывая англичанам в лицензиях на использование немецких патентов, немецкие фабриканты вынуждали их импортировать немецкую продукцию. С узко экономической точки зрения, английская промышленность от этого не испытывала вреда, кроме разве лишь фирм, собиравшихся изготовлять эти краски. Основным потребителем красителей являлась текстильная промышленность, а по своему значению в Англии она неизмеримо превышала промышленность по производству красок; текстильные же фабриканты были заинтересованы только в получении дешевых красителей из любого источника.

Но политическая сторона вопроса была более серьезна. В 1883 г. Джозеф Чемберлен, отец Невилля Чемберлена, провозвестник агрессивной торговой политики, указал на то, что проводимая немецкой химической промышленностью политика является лишь частью экономического наступления, которое в дальнейшем может подорвать основные виды промышленности Англии. Он заявил, что «при нынешнем законодательстве оказалось бы возможным, например, для немецкого изобретателя усовершенствованной доменной печи, путем отказа в выдаче лицензии на ее использование в Англии, уничтожить все доменное производство в Англии и буквально перенести его в Германию. Хотя этого не произошло с доменным производством, но это фактически произошло с производством искусственных красок из каменноугольных продуктов...»

Начавшая было развиваться американская химическая промышленность также была подавлена немцами в период, предшествующий первой мировой войне. Одним из средств, при помощи которого был достигнут этот результат, явилось снижение цен. В течение десяти лет, с 1903 по 1913 г., немецкие фабриканты продавали, например, салициловую кислоту в США на 25% дешевле, чем в самой Германии. Это также относилось и к бром,

щавелевой кислоте, анилину и другим продуктам. Подобным же средством был и «принудительный ассортимент»: чтобы купить какой-либо особенно нужный продукт из числа изготавливаемых немецкими фирмами, американцы должны были купить весь ассортимент продукции. Таким образом, происходило вытеснение с рынка американских фирм.

Когда началась первая мировая война, то стало очевидным, что заграничные представительства ИГ Фарбен-индустрии могут быть использованы в целях шпионажа. Вслед за вступлением США в войну в 1917 г. попечитель над иностранным имуществом конфисковал немецкие фирмы в США и обнаружил, что они посылали в Берлин подробные отчеты о всех сторонах деятельности американских фирм. Они также использовали свои позиции и связи в США для распространения пропаганды в пользу Германии. Это было началом той политики ИГ, которая достигла своего наибольшего развития через 20 лет.

К моменту окончания первой мировой войны ИГ Фарбен-индустрии еще не достиг полного расцвета своих сил и мощи, но уже являлся серьезным фактором агрессии. Британский офицер химической службы Виктор Лефебюр писал в своей книге «Загадка Рейна» (The Riddle of the Rhine):

«В лице ИГ мы имеем организацию, зловещие предвоенные разветвления которой господствовали над всем миром — путем гегемонии над снабжением органическими химикалиями, необходимыми и для мирных и для военных целей. Эта организация была своего рода кровеносной системой германской агрессивной военной машины. Из немецких источников нельзя узнать многого о военной деятельности и будущем значении ИГ. Над всем этим делом как бы опущена завеса тайны, но те, кто опустил эту завесу, хорошо понимают значение ИГ как козыря в будущей игре».

Разумеется, можно было увидеть факты. Но лишь немногие видели их.

1925 год

После ноября 1918 г., когда война была проиграна, немецкие войска вернулись на родину, а на фабриках и заводах и в лабораториях Германии началась другая война.

Война была проиграна, но оставались ИГ Фарбен-индустрии и металлургия Рура и вообще вся немецкая промышленность. Под экономическим руководством Вальтера Ратенау в годы первой мировой войны были усвоены полезные уроки. Потребовалось шесть лет, потребовался период дутого стиннесовского предпринимательства и инфляции, чтобы испытать на деле и проверить усвоение этих уроков. А затем Германия, со своими картелями и монополиями во главе, оказалась готовой вновь выступить с притязаниями на мировое господство.

Немецкие промышленники прошли суровую школу. Они поздно выступили на мировую арену. Им пришлось отвоевывать свои позиции и ожесточенно драться за каждое место на мировом рынке. Их ресурсы были скудны. Они не имели возможности спокойно и мирно строить, как это имело место в Америке, защищенной океанскими просторами и располагавшей нетронутыми ресурсами целого континента.

До тех пор пока немецкая экономика развивается быстрее, чем перед нею открываются новые рынки, Германия будет оставаться экономическим агрессором, ибо она может более всего выиграть от изменения положения. А экономическая агрессия периодически перерастает в войну.

То, что делают немецкие капиталисты, делают также и капиталисты других стран. Но немцы делают это более резко. Это верно по отношению к созданию картелей, к экономическому шпионажу, к торговой конкуренции,

к влиянию крупного капитала на правительство и к сознательному использованию войны ради получения экономических выгод.

Деятельность ИГ и вообще всей немецкой промышленности не является специфичной только для Германии. Это характерно для всего крупного капитала, действующего в особенно напряженной обстановке — в обстановке, когда обычные формы экономической деятельности не дают достаточных перспектив для получения прибыли и дальнейшего роста.

Военные и промышленные руководители Германии вышли из первой мировой войны вполне психологически подготовленными для того, чтобы начать думать о новой войне. У них было основание считать, что они не плохо проявили себя в первой войне. Они полагали, что знают, в чем заключаются совершенные ими ошибки, и готовы были исправить их.

Военные стратеги разрабатывали средства и способы, обеспечивающие возможность форсировать быстрый исход войны, избежать военных действий на два фронта, развить тактику прорывов и окружений, и в конце концов составили подробный план ведения молниеносной войны (Blitzkrieg). Перед деловыми людьми стояли две наиболее важные проблемы. Во-первых и прежде всего — вопрос о самообеспеченности. Германия потерпела поражение вследствие недостатка важнейших видов сырья. И делом всех монополий, и в первую очередь ИГ, было сделать Германию экономически независимой. Это была старая проблема: химия вместо колоний. Во-вторых, следовало ввести строгую организацию и более жесткий контроль во всей экономике.

Перед первой мировой войной Германия занимала ведущее место в мире по созданию картелей. В годы войны концентрация еще более усилилась. Эти уроки были усвоены; всего лишь через пятнадцать лет они привели к фашизму.

Руководителем экономики военного времени был Вальтер Ратенау. Это была одна из наиболее заметных фигур в Германии периода первой мировой войны. Сын основателя гигантского электроконцерна АЭГ (Всеобщая компания электричества), он затем и сам стал его пред-

седателем. Являясь представителем второго поколения промышленников, Ратенау был более утонченным человеком, он был более склонен к философским размышлениям о будущей судьбе капитализма, чем к непосредственной борьбе за место под солнцем¹.

Когда Ратенау впервые встал во главе немецкой военной экономики, он сразу же вступил в столкновение с немецкой бюрократией. Ему пришлось сперва удовлетвориться небольшим помещением в здании военного министерства. Но к концу войны его организация занимала ряд больших зданий.

Ратенау сосредоточивал свое внимание поочередно на одной какой-либо отрасли промышленности. Он начал с черной металлургии, затем перешел к цветной металлургии, потом к химии и, наконец, к кожевенной и каучуковой промышленности. В каждой отрасли был создан всеохватывающий картель. В черной металлургии было сравнительно легко сделать это — важнейшие фирмы уже входили в картели, а аутсайдеров удалось заста-

¹ Вальтер Ратенау (1867—1922), сын основателя крупнейшего электрического треста Германии — АЭГ (Всеобщая компания электричества). В 1899 г. он стал директором АЭГ, а после смерти своего отца, в 1915 г., — председателем этой компании. Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. Ратенау был руководителем отдела военного сырья в прусском военном министерстве. После войны он занимал пост министра восстановления, а затем министра иностранных дел в кабинете Вирта, одного из лидеров католической партии центра. В качестве министра иностранных дел Ратенау принимал участие в Генеуэзской конференции и подписал договор с СССР в Рапалло. Стремление улучшить отношения с СССР и выступления против насильственной ревизии Версальского договора сделали его особенно ненавистным в глазах немецких милитаристов: 24 июня 1922 г. он был убит членами фашистской террористической организации «Консул».

Ратенау являлся одним из идеологов германского империализма; он развил теорию так называемого «организованного капитализма». «Организованный капитализм» является у него синонимом всевластия капиталистических монополий, которые должны охватить все отрасли промышленности. Всевластие капитала прикрывается в сочинениях Ратенау фразами о «хозяйственной демократии», о «гармоничном обществе» и т. д.

Эти «теории» Ратенау нашли широкое распространение в либеральных и реформистских кругах, пытавшихся использовать их как средство борьбы против марксистско-ленинского учения об империализме. (*Прим. ред.*)

вить вступить в них. Еще легче было это сделать в области химии. Как уже упоминалось выше, руководители химической промышленности сами позаботились об объединении химических заводов, и в 1916 г. был образован ИГ. Ратенау даже сделал нескольких человек из аппарата этого концерна своими непосредственными помощниками. Так, одним из его помощников по организационным вопросам был Герман Шмиц — восходящее светило ИГ, который в дальнейшем сменил Дуисберга на посту председателя ИГ Фарбениндустрии и оставался во главе этого концерна вплоть до самого конца второй мировой войны.

В тех же отраслях промышленности, которые еще не были картелизованы и где отдельные промышленники склонны были идти каждый своим путем, Ратенау принуждал их организоваться. Жестко регламентировалось снабжение сырьем, устанавливались обязательные цены и квоты производства. Чтобы добиться максимального роста продукции, Ратенау стал закреплять за определенными заводами определенные производственные задания. Это привело к проверке конторских книг, к нарушению принципа коммерческой тайны и к обращению с отдельными отраслями промышленности как с единым целым независимо от положения дел на отдельных заводах, что привело к еще большей картелизации после войны.

Сам Ратенау был убежден, что Германия никогда уже не отойдет от созданной им военно-экономической системы. И хотя некоторые мысли Ратенау о праве наследования и о спекуляции казались его сотрудникам несколько странными, в общем он был «здравомыслящим» деловым человеком. Несмотря на жесткую централизацию всей немецкой военной экономики, она оставалась в руках частных предпринимателей. Глазными помощниками Ратенау были чаще влиятельные промышленники, вроде Германа Шмица из ИГ, чем чиновники или офицеры. Вскоре после окончания первой мировой войны Ратенау писал:

«Мы стоим перед лицом значительных сдвигов в экономической структуре и в экономическом мышлении. Война, по природе своей явление политическое, имеет мировое революционизирующее значение, что и потрясло

экономический и социальный строй Европы... Из развалин воздвигнется не коммунистическое государство и не система свободной игры экономических сил. Частному предпринимателю не будет дано большой свободы, но; с другой стороны, деятельности отдельных лиц будет сознательно предоставлено определенное место в экономическом организме, работающем на общество в целом...»

За всем этим слегка туманным многословием Ратенау скрывается понятие о полностью картелизованном государстве. Если к этому прибавить большую дозу полицейской грубости и создание нелепой «расовой теории», мы получим нацистское государство.

Проницательные лидеры буржуазии в последующие годы хвалили Ратенау за его дальновидность. Но ему самому не суждено было увидеть осуществление своих предсказаний. Он был настолько смел или неосмотрителен, что занимал ответственные посты в новой Веймарской республике. Он был ее первым министром восстановления, а затем министром иностранных дел. В качестве последнего он подвергся преследованию со стороны террористических банд ландскнехтов — этих предшественников гитлеровских штурмовиков, наводнивших Германию после первой мировой войны, и был ими убит.

Затем наступил период дальнейшего упрочения немецкой промышленности. Из хаоса, порожденного первой мировой войной, стали вырисовываться большие замыслы. Самым большим, пожалуй, и самым близким к немедленному осуществлению был проект промышленного пирата Гуго Стиннеса. Дальнейший рост концерна ИГ Фарбениндустри в значительной мере пошел по пути, который проложил Стиннес.

Стиннес преуспевал в Германии. Но, пожалуй, он лучше чувствовал бы себя в Америке в конце XIX в. Это был идеальный делец для спекуляции акциями железных дорог, пересекающих весь континент. Он достойно оценил бы попытку Джея Гульда захватить господствующее положение на мировом рынке золота¹. Сам

¹ Джей Гульд (1836—1892), крупный американский капиталист, известный своими финансовыми аферами и спекуляциями акциями различных железнодорожных компаний. В августе 1869 г., будучи президентом железнодорожной компании При в шта-

Стиннес стремился не больше не меньше, как занять подобное место в Германии.

Гуго Стиннес был наделен огромной энергией и, по-видимому, неограниченным честолюбием. Семья Стиннес в течение ряда поколений занимала видное положение в рурской угольной промышленности. Гуго Стиннес начал свою деятельность в 90-х годах прошлого века, когда он купил несколько угольных шахт. Затем он основал Германско-Люксембургскую горнопромышленную компанию, начав дело с дюжиной угольных шахт и железных рудников, несколькими доменными и сталеплавильными печами и с капиталом в 1 млн. марок. В течение десяти лет капитал этого нового акционерного общества Стиннеса возрос до 75 млн. марок, и оно владело уже целым рядом угольных шахт и металлургических заводов в Вестфалии и Рейнской области.

Вторым крупным начинанием Стиннеса было объединение рейнско-вестфальских электростанций; оно также было предпринято им еще до 1900 г., когда ему не было и тридцати лет. Этот концерн снабжал электроэнергией, газом и водой 25 населенных пунктов Рурского района. Стиннес подкупил муниципальных деятелей при помощи акций и постов директоров и вскоре стал контролировать большую часть трамвайных сетей и узкоколейных железных дорог Рура. Одновременно он увеличил при-

те Нью-Йорк, он совместно со своим компаньоном Джеймсом Фиском начал скупать золото по всей стране. При этом он рассчитывал на то, что в результате этой операции повысится цена на золото, а это, в свою очередь, приведет к повышению цен на пшеницу, вследствие чего фермеры западных штатов начнут продавать пшеницу и перевозить ее по принадлежавшей ему железной дороге на восток.

Эта спекуляция вызвала большое волнение в биржевых кругах, полагавших, что Джей Гульд желает установить свою монополию над мировым рынком золота. Вскоре вся эта афера лопнула, на бирже возникла небывалая для того времени паника (день паники — 24 сентября 1869 г. буржуазные историки называют «черной пятницей»), и цены на золото резко упали.

Своими мошенническими проделками, которыми лицемерно возмущается буржуазная историография, Джей Гульд нажил огромное состояние. Ему удалось сосредоточить в своих руках контроль над 16 тыс. км железнодорожных линий — одной девятой частью всех железнодорожных линий США того времени. (*Прим. ред.*)

надлежавшую его семье флотилию рейнских речных барж и сделал ее крупнейшей на Рейне, Эльбе и Одере.

Во время войны 1914—1918 гг. Стиннес стал одним из руководителей созданного В. Ратенау в Берлине Сырьевого бюро и ближайшим советником Людендорфа. Впоследствии методы Стиннеса послужили для Гитлера прообразом обращения с экономикой завоеванных стран. Стиннес руководил захватом предприятий, а затем изъятием горного и металлургического оборудования из оккупированных районов Франции и Бельгии. Он также ответственен за принудительную отправку многих тысяч рабочих этих районов на заводы в Германию. Стиннес и в дальнейшем не утрачивал своей склонности к захватам. До последнего дня своей жизни он взирал на горную и металлургическую промышленность Франции и Бельгии как на свою вотчину и после войны сделал, по крайней мере, три попытки организовать компании, которые должны были поглотить предприятия на оккупированной раньше территории. Он вполне оценил бы уменьше, проявленное концерном ИГ Фарбениндустри при грабеже других стран в годы второй мировой войны.

С окончанием первой мировой войны число новых приобретений Стиннеса возросло до такой степени, что их даже трудно было перечислить. Считают, что в последний период своего существования его «империя» насчитывала более 150 отдельных фирм, а общее число рабочих, подчиненных ему, достигало миллиона человек. Ничто не было слишком далеко, слишком велико или слишком мало для его аппетита. Он проглатывал отели и рестораны, газеты, леса и лесопилки, пароходства и верфи. Его интересы распространились на Австрию, Швецию, Данию, Италию, Испанию, Бразилию и, наконец, на Индонезию.

Осенью 1921 г. Стиннесу удалось создать всеохватывающий трест трестов. Назывался он Сименс-Рейн-Эльбе-Шуккерт-Унион. Стиннес уже провел до этого слияние ряда крупных угольных и металлургических концернов, из которых составил Рейн-Эльбе-Унион. Сименс-Шуккерт являлся единственным серьезным соперником немецкой Всеобщей компании электричества (АЭГ) в области электротехники. Сименс-Шуккерт был

крупным горизонтальным трестом, т. е. включал ряд фирм, работавших в одной и той же отрасли. Но слабость его заключалась в том, что он не имел своего собственного топлива и сырья. Стиннес осуществил слияние Сименс-Шуккерта и Рейн-Эльбе. В результате этого под его руководством оказался трест, являвшийся и горизонтальным и вертикальным, притом в невиданных дотоле в Германии масштабах,— независимая промышленная держава, достойный предшественник ИГ.

Но Стиннес явился для других немецких промышленников не только объектом уважения и почтения, но и примером. Его методы стали усваиваться. А понять эти методы было легко, потому что он действовал в спешке и не пытался скрывать их.

Не секрет, что во всех странах мира крупные дельцы связаны с политикой. Стиннес понимал необходимость политического контроля для упрочения своей промышленной державы и целиком ушел в политику. Он выставил свою кандидатуру в рейхстаг — и был избран. Но, что еще более важно, он упорно стремился оказывать влияние на общественное мнение. Он стал скупать газеты с такой поспешностью, что, возможно, одно время ему принадлежало большинство газет Германии. Чтобы упрочить положение своих газет, он стал покупать лесопильные заводы, бумажно-целлюлозные фабрики и типографии.

Стиннес употребил все влияние своих газет на поддержку монархистов и крайних националистов, проложив этим путь, по которому последовали ИГ Фарбениндустрии и весь крупный немецкий капитал. Так, например, во время берлинских муниципальных выборов 1921 г. утверждали, что вследствие агитации стиннесовских газет социалисты и демократы потеряли, а правые партии приобрели 100 тыс. голосов.

Что касается влияния на внешнюю политику, то Сти́ннес также проложил в этой области путь для целого поколения немецких капиталистов, в особенности для руководителей ИГ. Утверждают, что в заключительный период первой мировой войны Сти́ннес был одним из тех высокопоставленных советников, которые наиболее упорно сопротивлялись началу мирных переговоров. До

самых последних дней он надеялся настоять на аннексии бельгийской угольной и металлургической промышленности. После войны он имел свою агентуру во всех странах Центральной Европы и владел газетами в Вене, Будапеште и Праге, целью которых была, разумеется, агрессивная поддержка немецкого влияния и немецкой торговли.

Стиннес умер в 1924 г. В течение года созданная им «империя» обанкротилась и была ликвидирована советом опекунов во главе с председателем рейхсбанка Яльмаром Шахтом. Стиннесовская «империя» превратилась в обанкротившуюся дутую аферу Стиннеса, в стиннесовский «мыльный пузырь».

В общем, можно сказать (не объясняя ничего при этом), что стиннесовская «империя» распалась после его смерти потому, что она была чересчур необъятна и слишком разбросана для того, чтобы его сыновья могли с ней управиться. Можно также сказать, что роковой причиной ее слабости явился недостаток оборотного капитала, и поэтому отказ крупных немецких банков в конце 1924 г. предоставить кредит сыновьям Стиннеса повлек за собой крах. Но, в действительности, ни взлет, ни падение Гуго Стиннеса не могут быть объяснены без учета влияния инфляции. Именно инфляция обусловила возвышение Стиннеса и превращение его из просто крупного спекулянта в крупную фигуру немецкой экономики. Точно так же инфляция, в такой же степени как и пример Стиннеса, обусловили грандиозную концентрацию капитала в концерне ИГ Фарбениндустрии и других немецких монополиях и подготовку ими решительного наступления на остальной мир.

Инфляция в Германии после первой мировой войны была одним из наиболее странных экономических явлений нашего времени. Она причинила немецкому народу столько же страданий, сколько и война. Инфляция дала экономистам повод написать десятки книг, объясняющих ее. Она нанесла смертельный удар мелким предпринимателям, немецкому «среднему сословию», освободил поле деятельности для крупных трестов. Возможно, что появление Гитлера с его призывом к разоренному «среднему сословию», в котором причудливо переплетались

указания на «козлов отпущения» и демагогические выпады против крупного капитала, в большей мере было обусловлено инфляцией, чем непосредственно самой войной 1914—1918 гг.

В формальном смысле слова, инфляция началась с первых же дней войны. 31 июля 1914 г. рейхсбанк прекратил обмен банкнот на золото. До конца августа количество банкнот в обращении возросло до 2 млрд. марок. Девять лет спустя, к концу инфляции, в обращении находилось 93 триллиона бумажных марок. Чтобы нагляднее представить себе значение этой цифры, следует сказать, что в начале 1923 г. один американский доллар котировался в 60 тыс. немецких марок. До инфляции рабочий зарабатывал 1500—2000 марок в год; в 1923 г. эта сумма составляла около 3 центов в американской валюте, т. е. меньше стоимости пакета жевательной резинки. Прежде человек с доходом в 20 тыс. марок в год считался состоятельным; теперь же весь его годовой доход равнялся 30—35 американским центам, на которые можно купить всего лишь две пачки сигарет.

Люди буквально не знали, хватит ли их недельного заработка на один обед. Домохозяйки отправлялись на рынок с полной корзинкой бумажных денег. Твердый доход «среднего сословия» был уничтожен. Деньги все больше теряли свою ценность. Когда, более чем через 20 лет, в последние дни второй мировой войны американские войска вступили в Германию, они нашли целые кучи старых бумажных денег, сохранившиеся как воспоминание об этом тяжелом времени. Некоторые американцы думали, увидев банкнотные купюры достоинством в 1 млн. марок, что они обнаружили тайные денежные резервы нацистского государства.

Инфляция означала разорение «среднего сословия», обеднение всех лиц наемного труда, но также и фактическую ликвидацию всего внутреннего долга. Для людей, вроде заправил ИГ или рурских стальных магнатов, инфляция стала источником огромных прибылей. Они оказались в состоянии производить товары и оплачивать текущие производственные издержки ничего не стоящими деньгами и продавать эти товары за границей по дешевой цене; это помогло быстрому восстанов-

лению внешней торговли Германии. Они смогли также погасить все долги и уплачивать налоги (исчисляемые по старым ставкам), фактически ничего не тратя. Из инфляции немецкая промышленность вышла сильно укрепленной. Выгоды, полученные промышленностью, были вполне реальны. Они были получены частично за счет снижения уровня жизни рабочих, заработная плата которых не поспевала за ростом цен; но в еще большей степени промышленники выгадали на фактической ликвидации страховых полисов, ипотечных обязательств и вообще всех видов твердого, зафиксированного дохода.

Инфляция отчасти явилась результатом финансирования войны путем выпуска займов: только 6% военных расходов Германии покрывались налогами, необеспеченная государственная задолженность достигла 39 млрд. марок. Но подобный размер задолженности не особенно отличался от того, что имело место в других государствах: Шахт и другие руководители германских финансов возлагали всю вину за создавшееся положение на репарации и пассивный платежный баланс. Но в конце концов стало ясно, что немецкие репарации явились главным средством восстановления германской внешней торговли¹.

Истинные причины инфляции были ясны большинству немецкого народа и были сформулированы в заявлениях крупных промышленников. Филипп Даусон, член английского парламента и официальный наблюдатель в Германии, писал в 1925 г.:

¹ В этом утверждении Сэсюли отражается неправильное понимание им проблемы репараций. В действительности не репараций, а займы, полученные преимущественно от США, явились одним из важнейших средств восстановления немецкого военного потенциала. Германия получила свыше 20 млрд. марок иностранных займов, т. е. почти на 10 млрд. больше, чем она выплатила по репарациям. Страны Антанты, вопреки утверждению Сэсюли, не только не взымали с Германии репараций в натуральном виде, т. е. из текущей продукции, но упорно отказывались даже от рассмотрения этого вопроса, боясь, что репарационные поставки из Германии будут конкурировать с их собственными товарами и помешают развитию производства этих товаров в их странах. (Прил. ред.)

«После ряда бесед с виднейшими магнатами в области финансов, промышленности и сельского хозяйства, в каждом крупном центре Германии, у меня нет сомнений в том, что все они вместе взятые приложили согласованные, хорошо рассчитанные усилия на то, чтобы разрушить кредит своей страны в целях освобождения от всех и всяких обязательств и долгов военного времени.

Например, широкие массы немецкого народа считали, в частности, Стайнесса, особенно повинным в таких действиях и ответственным за падение марки и за положение, создавшееся в Германии вследствие этого».

Большинство немецких деловых людей отрицали это утверждение, по крайней мере публично. Но Стайнессу некогда было заниматься маскировкой своих мыслей. В ноябре 1922 г. он произнес на заседании Экономического совета Германии речь «Как спасти Германию». В этой речи он, между прочим, сказал:

«Если вы, господа, обвиняете меня и людей, мыслящих подобно мне, в том, что мы — решительно против стабилизации марки, то вы совершенно правы. Но в то же время я вам заявляю: надежды и интересы всех нас совершенно одинаковы. Мы лишь находимся в различном положении в отношении нашей способности противостоять бедствиям сегодняшнего дня...»

Стайнесс и «люди, мыслявшие подобно ему», занимались непосредственной спекуляцией с маркой. Они приобретали иностранную валюту на средства, предоставлявшиеся им рейхсбанком в виде займов, сбивали курс марки еще ниже и погашали полученные займы ничтожной долей полученных в свое время сумм. Более консервативно мыслявшие деловые круги также приложили свою руку к инфляции выпуском собственных денег («нотгельд») в большом количестве и без всякого обеспечения.

К осени 1923 г. цели инфляции были достигнуты. В ноябре этого года были выпущены новые деньги, так называемые «рентные марки», находившиеся под жестким контролем возглавляемого Шахтом рейхсбанка. Рентная марка, обеспеченная залогом всей земли в Германии, имела твердый курс обмена на иностранную валюту. Инфляция кончилась.

Из этого хаоса инфляции и стиннесовской аферы немецкая промышленность вышла более сильной, готовой вступить в соперничество со всем миром. После смерти Стиннеса принадлежавшие ему предприятия были рационализированы. На развалинах стиннесовского свертреста Сименс-Рейн-Эльбе-Шуккерт возник новый грандиозный стальной трест — Ферейнигте Штальверке, занявший главенствующее положение в черной металлургии Германии и в европейском стальном картеле. Успехи концерна ИГ в области химии также свидетельствовали о том, что Стиннес был всего лишь мелким дельцом.

В результате первой мировой войны производство красителей началось и в других странах, что явилось источником конкуренции с ИГ. Во всех остальных отношениях этот концерн вышел из войны более сильным, чем вступил в нее.

Крупн и другие стальные магнаты Рура были известны как руководители военного производства. Для виду, по крайней мере, они вынуждены были перейти к производству таких безобидных изделий, как лемехи и зубные коронки из нержавеющей стали. На продукцию ИГ не было наложено подобных ограничений. Лишь химики-специалисты и некоторые другие говорили о том, что военная продукция химической промышленности представляет собой опасность.

ИГ не пострадал от оккупации, последовавшей после первой мировой войны. Он ухитрился даже избежать сколько-нибудь серьезного инспекционного осмотра. Лейтенант военно-морского флота США Мак-Коннел пытался осмотреть завод синтетического аммиака в Оппау, принадлежавший этому концерну. Он писал в своем докладе:

«...немцы были вежливы, но замкнуты. Они соглашались на беглый осмотр, но упорно возражали против детального ознакомления с заводом. На третий день своего пребывания на заводе автор этих строк был извещен, что это вызывает серьезные возражения и что если он продолжит свой осмотр, то будет направлена жалоба по этому поводу мирной конференции».

Сами немцы вполне реально оценивали перспективы химической промышленности, когда в ходе первой мировой войны оккупировали часть Франции. Их войска заняли город Шони, где находился старый химический завод, на котором еще французский химик Гей-Люссак производил свои опыты с серной кислотой, а другой французский химик Куртуа открыл иод и где впервые было сделано зеркальное стекло. Немцы сняли с завода все его оборудование. Затем, перед своим окончательным отступлением, они разрушили весь завод: котлы, механизмы, здание, кирпич за кирпичом.

ИГ за годы войны развил новую отрасль химии — карбида. Он добился серьезнейших успехов в создании синтетического каучука. У него был накоплен богатый опыт в технологии высоких давлений, что обуславливало возможность получения жидкого топлива из угля; это осуществленное спустя несколько лет открытие вызвало сдвиг в соотношении экономических сил мира. А усовершенствованный габеровский процесс связывания азота из воздуха открыл концерну ИГ блестящие перспективы в области производства искусственных удобрений или же взрывчатых веществ.

Между концерном ИГ и правительством Германии установились наилучшие отношения. В течение нескольких лет немецкие промышленники находились под угрозой революции в стране. Но вскоре главы ИГ убедились, что руководители Веймарской республики весьма считаются с ними. Так, один из членов немецкой мирной делегации в Версале был членом правления ИГ.

Правительство предоставило картелю ИГ ряд льгот. Для работ в области связывания азота ему был предоставлен заем. Его заводы по производству красителей были освобождены от всех налогов на десятилетний срок, — таким образом, концерну была оказана полная правительственная поддержка в его стремлении отвоевать утраченный было внешний рынок. ИГ было предоставлено преимущество в получении каменного угля — этого важнейшего вида сырья, бывшего в тот период остродефицитным во всей Европе. И, наконец, правительство приняло участие в создании под руководством ИГ

синдиката, охватывающего всю азотную промышленность Германии.

Теперь картелю ИГ оставалось только принять меры по упорядочению своих внутренних дел — пройти по предложенному Стиннесом пути к полной концентрации. Дело в том, что между ведущими членами картеля все еще происходили трения. Даже Дуисберг, который в каждом своем публичном выступлении говорил о сотрудничестве, испытывал известные затруднения. Его собственный завод в Леверкузене являлся современным и хорошо оборудованным предприятием, но завод в Людвигсгафене все же опередил его в некоторых отношениях.

Во главе этого завода стоял профессор Карл Бош — выдающийся ученый и делец в одно и то же время. Он провел ряд важных технологических работ с процессом Габера, в результате чего завод в Людвигсгафене получил — внутри ИГ — монополию на производство связанного азота. Но и Дуисберг стремился получить доступ в это прибыльное производство. Препятствием к тому явились правила им же созданного ИГ: ни одна входящая в картель компания не была в праве увеличивать свой капитал (что было необходимо для того, чтобы начать какое-либо новое производство) без разрешения картеля в целом. Но Бош не соглашался открыть кому-либо другому доступ к производству связанного азота. В конце концов, он уступил свой процесс связывания всему картелю ИГ, но лишь после того как ему пришлось обратиться к другим членам картеля за финансовой помощью для постановки в широком масштабе опытов по получению бензина из угля.

В то же самое время было также установлено, что все крупные предприятия, входящие в ИГ, производят полный ассортимент красителей. В этом деле имелось явное и расточительное дублирование. Но до тех пор пока не была полностью исключена возможность распада ИГ, ни один участник картеля не желал отказываться от своих позиций в прибыльном производстве красителей.

Но, что было важнее всего, подлинным расточительством было содержание с полдюжины сбытовых органи-

заций отдельных фирм, в то время как долгом картеля ИГ перед самим собой и перед фатерландом было завоевание внешних рынков. В счастливые времена инфляции это не имело особого значения. Как показал обследователям во время допроса летом 1945 г. сотрудник ИГ Пауль Хефлигер, вопросы себестоимости продукции, продававшейся в период инфляции, мало интересовали руководителей концерна:

«...ибо издержки производства оплачивались в постоянно падающих деньгах, между тем как, например, столь важный экспорт красителей давал выручку преимущественно в твердой иностранной валюте, которая, будучи переведена в Германию, представляла в перечислении на марки сумму, неизмеримо превышавшую сумму производственных издержек, так что на бумаге можно было показать большие прибыли даже с меньшим, чем довоенный, объемом экспорта красок...»

Но, как показал Хефлигер, когда стабилизация марки в 1923 г. положила конец этой выгодной спекуляции с иностранной валютой, руководящие участники ИГ «не могли более позволить себе роскоши иметь каждый отдельно сбытовую организацию мирового масштаба, которые, вопреки всем принятым в Германии постановлениям и общим (sic) соглашениям, фактически конкурировали между собой в деле получения заказов».

Все, таким образом, указывало на необходимость превращения ИГ в единую акционерную компанию. Переговоры об этом закончились в конце 1925 г. По соглашению всех участников ИГ, фирма Бадише анилины и нитрофабрик в Людвигсгафене поглотила все остальные фирмы, и ее название было изменено в акционерное общество Interessengemeinschaft Farbenindustrie. Процесс концентрации, начавшийся в 1904 г. созданием двух картелей, с последовавшим затем созданием единого картеля ИГ в 1916 г., был теперь завершен. ИГ готов был выступить на завоевание мира.

* *

1925 год был годом парадоксов для Германии. Это был, казалось, год возвращения к нормальному положению после кошмара послевоенной инфляции. Но это был

также и год, когда были сделаны первые шаги к созданию новой немецкой военной машины.

Социал-демократы оставались сильнейшей политической партией Веймарской республики, но «юнкер из юнкеров», фельдмаршал фон Гинденбург был избран президентом республики.

Министр обороны Отто Гесслер заявил, что если немецкий генеральный штаб организуется в форме корпорации, то это будет законно.

На развалинах стиннесовской промышленной империи организовался трест Ферейнигте Штальверке.

Начал работать первый оружейный завод фирмы Рейнметалл-Борзиг. И появилась сплоченная монополия — концерн ИГ. В новогоднем обращении один из рурских магнатов заявил:

«Германия теперь показала самой себе и всему миру, что она все еще знает обратный путь к величию — и путь вперед к выполнению ее вековой миссии, невзирая на пацифистскую шумиху и малодушную, не свойственную немцам, нерешительность, из которых несколько лет назад родились серьезные трудности для нее».

«СПАСИТЕЛЬ»

«Зарождается государственный социализм нового типа, совершенно отличный от того, о котором мы думали или мечтали. Частная хозяйственная инициатива и частнокапиталистическая экономика не будут ликвидированы, но будут подвергнуты регулированию с точки зрения государственного социализма, при котором концентрация капитала будет происходить в национальной экономике и этот капитал будет получать единую направленность.

Этот сдвиг капитализма естественно и логически требует перестройки движения, являвшегося прежде противовесом ему,— интернационального социализма. Последний превратится в *национальный социализм*, избирательным лозунгом которого будет: работа, а не громкие фразы».

Это было написано в 1916 г. немецким химиком Вернером Дайтцем, работавшим в качестве директора на одном из заводов ИГ. После того, как Гитлер пришел к власти, писания Дайтца были широко распространены информационным отделом ИГ, быть может, как доказательство правоты и как указание на то, что немецкая химическая промышленность всегда и во все времена была нацистски настроена.

Разумеется, ИГ не изобрел национал-социализм. Адольф Гитлер также не изобрел его. Нацистская идеология выработалась как оружие определенных кругов в ходе ожесточенной внутривластной борьбы в Германии. В этой борьбе победил Гитлер при мощной поддержке капиталистической верхушки, включая ИГ Фарбениндурии. Без поддержки ИГ и других немецких монополий и концернов Гитлер не выиграл бы политического сражения. Немецкие же промышленники видели, что без Гитлера их господство рухнет.

В период от 1933 г. и до начала второй мировой войны многих трудно было заставить поверить в зверства, совершаемые гитлеровцами. Но после того как началась война, в этом отношении произошел резкий перелом. Теперь уже в самых респектабельных кругах общества заговорили о нацистском варварстве. Быстро и прочно укоренилась новая теория: все дело в особых свойствах немецкой крови. Нацисты победили потому, что немцы в глубине своей души являются варварами. Даже их хромозомы, передвигаясь по их кровеносным сосудам, маршируют солдатским шагом.

В действительности же эта последняя теория означала в конечном счете победу гитлеровских расистских идей. В настоящее время совершенно очевидно, что фашизм может стать опасностью повсеместно; с другой стороны, одно из самых сильных антифашистских оппозиционных движений имело место именно в Германии.

Дорого пришлось уплатить за исторические уроки последних пятнадцати лет, и поэтому-то следует особенно хорошо усвоить их. Один из самых очевидных уроков недавнего прошлого заключается в том, что люди становятся героями или преступниками не потому, что в их жилах течет особая кровь. Иоганн Себастьян Бах был немцем, но есть также немцы, совершенно лишенные музыкального слуха. Гиммлер был немцем, но были и немцы, мужественно умиравшие за свободу человечества.

По окончании первой мировой войны также наблюдались серьезные социальные брожения и потрясения. Центром их была побежденная Германия. Точно так же в течение первого года после окончания второй мировой войны произошли коренные изменения в государственном строе более чем десятка европейских государств с общим населением свыше 200 млн. человек.

Для немецких промышленников годы, следовавшие за первой мировой войной, были годами страха и опасности. Точнее говоря: они боялись выступлений своих рабочих, они боялись социалистической революции.

Тенденция такого рода выявилась еще до окончания войны. Армия германской империи разбила своего

противника на Востоке. Молодому советскому правительству был навязан Брестский мир. Условия его были по меньшей мере столь же жестоки, как и условия подписанного годом позже Версальского мира. Помимо уплаты огромной контрибуции, Россия теряла 32% своей сельскохозяйственной площади, 34% своего населения, 54% своей промышленности и 89% своих угольных шахт. Устанавливалось полное немецкое господство над Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией; в Финляндии, Грузии и Украине созданы были марионеточные правительства.

Брестский мир вызвал в России глубокую длительную ненависть к немцам. Этот мир был обв. ель-ным приговором германскому империализму в глазах всего человечества. Но удивительно, что он вызвал сильную реакцию против себя и в самой Германии. Можно утверждать, что он ослабил волю немцев к продолжению войны. В рейхстаге обличали этот договор. Возникали забастовки протеста против него. Гитлер вспоминал, что когда несколько лет спустя он произносил зажигательные речи против Версальского договора, то из толпы слушателей ему кричали: «А как насчет Бреста?»

В период непосредственно после заключения перемирия, в ноябре 1918 г., рабочие фабрик и заводов по всей Германии объявили себя хозяевами предприятий. Это произошло и на заводах ИГ в Рейнской области. Директоры заводов вернулись на свои посты лишь тогда, когда в область вступили английские войска, оказавшие им покровительство.

Такое же покровительство, и вполне сознательно, оказала им и французская армия. Как только она перешла Рейн, французский генерал Гиршауэр заявил:

«Пусть всем будет ясно: никаких советов и тому подобных глупостей».

Многое уже было написано о бандитских группах молодых офицеров кайзеровской армии, которые терроризовали всю Германию вскоре после окончания войны. Генрих Гаузер, участник одной из этих банд «волонтерского корпуса Меркера», описывает ожесточенные столкновения в г. Галле. Гаузер и его сотоварищи были осаждены в здании тюрьмы. Против них выступали

вооруженные рабочие, захватившие принадлежавший ИГ большой завод в Лейна близ Галле.

«... в верхнем этаже над тюремной больницей дочь смотрителя играла на фортепиано: она неумоимо повторяла одни и те же гаммы, как бы для того, чтобы заглушить стоны умирающих.

За стенами тюрьмы раскинулся погруженный в темноту город и в нем — тысячи рабочих завода Лейна, осаждавшие нас, но внутри тюрьмы были солдаты; в эту темную ночь они лежали, прижавшись к земле, укрываясь за свежерытыми могильными рвами, ожидая бунта заключенных. Я не был с ними, но слышал выстрелы и видел убитых солдат — бритоголовых, в мундирах. Через полчаса мы пошли в кабачок напротив тюрьмы. Там подавали устриц и шампанское, и певичка с крашеными волосами пела: «Вы сделали меня тем, что я есть, — надеюсь, вы досольны».

* * *

Первая волна революции в Германии была подавлена. К 1924 г. вооруженные столкновения прекратились. Политические партии направили свои усилия на избирательную борьбу за господство в парламенте. Больше чем в какой-либо другой стране мира в Германии можно было наблюдать повседневную борьбу всех классов общества между собой.

На крайнем правом фланге допрежнему сохранились крепко окопавшиеся последыши феодализма. Они были особенно сильны в северо-восточной Германии, где сконцентрировались юнкерские поместья. Юнкеры почувствовали облегчение, когда в результате инфляции были фактически списаны долги, обременявшие их поместья. Что касается прусского офицерского корпуса, состоявшего из сыновей юнкерских фамилий, то он сохранил свое почетное положение независимо от перемен происшедших в государственном строе Германии.

Как и всегда в Западной Германии, в промышленных центрах Рейна и Рура господствовали крупные промышленники. Когда-то они боролись с юнкерами. Но в моменты, когда слева угрожала серьезная опасность, они оказывались в одном лагере со своими старыми врагами.

Где были заводы и фабрики, — там существовало также и организованное рабочее движение и левые политические партии. В течение всего периода от первой мировой войны и до прихода Гитлера к власти в 1933 г. социал-демократы оставались крупнейшей партией. Веймарская конституция была творением социал-демократии. На выборах 1919 г. социал-демократы получили более 11 млн. голосов. Занявшая второе место партия — католический центр — получила всего около 6 млн. голосов.

К 1924 г. политическая ситуация стала заметно изменяться. При выборах в рейхстаг в мае этого года социал-демократы получили лишь немногим более 6 млн. голосов. Около 4 млн. (точнее, 3,7 млн.) левых избирателей предпочли голосовать за коммунистическую партию. Наибольший успех имела правая партия немецких националистов: в 1919 г. она собрала 2,7 млн. голосов, в мае 1924 г. — 5,8 млн. Первые годы после войны были тревожными для германских аристократов и капиталистов. Правящая социал-демократическая партия провозгласила программу национализации промышленности. Но вскоре стало ясно, что со стороны социал-демократов не грозит серьезной опасности.

Ни одна отрасль промышленности не была национализирована. В самые напряженные моменты полиция по распоряжению социал-демократов убивала лидеров крайне левого крыла. В связи с быстрым экономическим оживлением в середине 20-х годов промышленники вновь выступили на политическую арену; их партиями были немецкая национальная и немецкая народная партии, которые смогли, по крайней мере, уравновесить левое крыло в рейхстаге, а пост президента Германии достался фельдмаршалу фон Гинденбургу, кандидату блока юнкеров и промышленников.

К 1930 г. произошли еще более резкие сдвиги. Германию не миновали бедствия, вызванные мировым экономическим кризисом. Больше трети рабочих стали безработными. Партии, тесно связанные с крупным капиталом, например, немецкие националисты, потерпели сильнейшее поражение. Число голосов, поданных за них, сократилось более чем вдвое. Социал-демократы и

коммунисты одержали победу. Левые взгляды стали популярными в Германии; это можно было наблюдать в театре, в литературе, в искусстве всех видов. Так, например, в течение трех лет в Берлине не сходила со сцены сильная и острая сатира на капиталистическое общество — «Опера нищих».

Выборы 1930 г. показали, что на германскую политическую арену выступила новая сила. Впервые Адольф Гитлер и его нацистская партия добились серьезного успеха: они получили почти 6,5 млн. голосов, и 107 нацистов, одетых в коричневые рубашки, заняли места на крайних правых скамьях рейхстага. Через три года Гитлер оказался у власти; социал-демократические и коммунистические деятели перешли на положение преследуемых беглецов; немецкая военная машина была пущена на полный ход.

В течение периода с 1914 по 1945 г. старинное ремесло убийства людей было доведено до высокого уровня. Число погибших в результате двух мировых войн, наиболее разрушительных на всем протяжении человеческой истории, достигло, вероятно, ста миллионов. Были полностью опустошены и разрушены многие города и целые районы различных стран с их веками складывавшейся культурой. Но самой ужасающей повестью этого периода является повесть об Адольфе Гитлере и его так называемой «национал-социалистской партии Германии».

История Гитлера уже рассказывалась много раз. Еще много томов придется написать, прежде чем окончательно станет понятно, как Гитлер в середине XX в. смог восстановить худшие проявления варварства всех предыдущих веков и как сумело это нацистское варварство охватить целый цивилизованный народ.

Напомним некоторые моменты необычайной карьеры Гитлера. Перед первой мировой войной он ютился в муниципальном ночлежном доме в Вене. В любой стране, и в частности в Америке, вы можете найти его двойников на Мэйн-стрит в Лос-Анжелосе, на Говард-стрит в Сан-Франциско или в ночлежках в районе Уэст-Медисон в Чикаго. Он был озлоблен, недоволен человечеством; у него были большие художественные

претензии, но никакого таланта; он зарабатывал гроши, рисуя почтовые открытки, и научился сильно ненавидеть.

Во время войны он был солдатом. В американской армии его называли бы ревностным служакой. Судя по нескольким сохранившимся его письмам, он любил это кровавое ремесло.

В хаосе послевоенной Германии он понял, как начать карьеру. Его инстинкты неизбежно привели его на службу крайних немецких националистов и реакционеров. Он, пожалуй, впервые стал работать: он сделался шпионом-provокатором немецкого военного ведомства. Ему поручено было шпионить в кругах радикального рабочего движения, которое немецкая реакция считала своим злейшим врагом. Он был мелкотравчатым шпииком, и его поэтому посылали шпионить в политические партии, не имевшие большого значения. Партия, в которую он вступил и которая со временем стала всемогущей национал-социалистской партией, насчитывала в то время только 7 членов.

С самого начала гитлеровская партия имела сильную поддержку. Генерал Людендорф поддержал своим личным престижем неудавшийся гитлеровский путч в Мюнхене в 1923 г. После этого путча Гитлера на короткое время посадили в тюрьму в Ландсберге, где баварские чиновники предоставляли ему всяческие льготы. Финансовую поддержку ему оказывали рурские стальные магнаты, в особенности Кирдорф и Тиссен.

Для своих закулисных покровителей Гитлер являлся противоядием от социализма и коммунизма. Его штурмовики-коричневорубашечники устраивали бесконечные уличные стычки, особенно с коммунистами.

К избирателям нацисты обращались с другими, несколько более сложными призывами. Пережившим потрясение и необеспеченным ветеранам войны Гитлер мог предложить эффектные мундиры, церемониал и дисциплину полувоенной организации. Эта сторона политической агитации обходилась недешево, и поэтому Гитлер всегда зависел от финансовой поддержки. Сбитой с толку и обозленной мелкой буржуазии, которая после инфляции находилась под угрозой утраты даже своей внешней респектабельности, Гитлер

предлагал старинную мишень для ненависти — евреев. Для националистически настроенных немцев он выдвинул внешнеполитические причины в качестве объяснения всех бедствий, переживаемых Германией: все зло, утверждал он, произошло от Версальского договора и потери колоний. Наконец, для полноты своих демагогических лозунгов Гитлер включил в свою программу также и нападки на крупный капитал, — этим он отдавал дань распространенной в Германии идее социализма. Крупных капиталистов, поддерживавших Гитлера, это не смущало; и то, что произошло после 1933 г., показало, что они были правы.

Когда в 1929 г. в Германии начался экономический кризис, оказалось, что программа Гитлера — это хитро состряпанная смесь всякой всячины. На каждых следующих выборах его успех все возрастал. Наибольшего успеха нацисты добились в июле 1932 г., когда они собрали 13,7 млн. голосов. Следующее место заняли социал-демократы, получившие на этот раз только 8 млн. голосов. Из 670 депутатских мест в рейхстаге нацисты получили 230, социал-демократы только 133, а коммунисты — 89.

Казалось, победа нацистов близка. Но вслед за успехами начались неудачи.

Нелепая мешанина нацистской программы имела наибольший успех в самых неустойчивых прослойках немецкого общества. Извращенный интеллект Адольфа Гитлера, его фантастические представления о «тайне крови» и судьбе произвели особенно сильное впечатление на наиболее извращенных и неустойчивых людей из числа его слушателей.

Внимание таких людей — и их избирательные голоса — можно было завоевать так же легко, как и потерять. Кроме того, хотя единый фронт противников нацизма и не был создан, но тем из них, кто понял, куда метит Гитлер, это внушило тревогу. В отдалении корпоративное итальянское фашистское государство Муссолини могло выглядеть привлекательным; культ милитаризма, откровенная проповедь реванша, вооружения и призывы к войне производили впечатление на многих немцев. Но, по мере того как нацисты становились

сильнее, к ним стали присматриваться более внимательно. И коричневорубашечники предстали в своем истинном виде, как грубые убийцы-садисты, организовавшиеся в политические банды.

Падение нацистской партии было более стремительным, чем ее возвышение. На следующих всеобщих выборах в ноябре 1932 г. число голосов, поданных за нацистов, снизилось с 13,7 до 11 миллионов, а число их депутатских мандатов — с 230 до 196. Социал-демократы и коммунисты вместе взятые получили 221 депутатский мандат.

Падение популярности нацистов вызвало соответствующее и даже еще более сильное сокращение денежных пожертвований. Настроение в нацистской партии стало ухудшаться. С того времени как Гитлер жил в венской ночлежке, он сделал большую карьеру, но казалось, что теперь карьера окончена, что нацистам приходит конец.

Геббельс, главный нацистский пропагандист и второй (после Геринга) подручный Гитлера, дал удивительно откровенное описание ситуации, сложившейся в нацистской партии непосредственно вслед за ноябрьскими выборами.

Вот выдержки из его дневника за декабрь 1932 г., опубликованные в 1935 г.:

«Глубокое уныние во всей организации. Чувство крайней усталости; хочется хоть на несколько недель отойти от всех этих дел...

Телефонный разговор с Леем: положение в партии с часу на час ухудшается.

1932 г. принес нам сплошные неудачи... Прошлое — неутешительно, будущее представляется темным и мрачным. Все надежды как будто исчезли.

Фюрер часами ходит взад и вперед по своей комнате в гостинице. Он явно находится в глубоком раздумье... Внезапно он остановился и сказал: «Если партия развалится, — я сейчас же застрелюсь».

Во всем чувствовалось уныние. И действительно, было от чего Гитлеру и его приспешникам притти к унынию. Хуже всего для них было то, что влияние коммунистов продолжало усиливаться. Они не одерживали

таких эффектных побед, как нацисты, но начиная с 1924 г. они неуклонно шли вперед. К концу 1932 г. они заняли почти равное с социал-демократами положение в качестве ведущей силы немецкого рабочего движения: они собрали 6 млн. голосов против 7 с лишним млн. голосов социал-демократов. Число голосов, собранных социал-демократами и коммунистами вместе, — 13 миллионов — было значительно больше числа голосов, поданных за нацистов.

И, тем не менее, через несколько месяцев Гитлер стал канцлером; быстро и жестоко была уничтожена демократия в Германии. В критический момент Гитлер получил столь мощную поддержку, о какой он не смел и мечтать. Крупнейшие промышленники и финансисты Германии, во главе с руководителями ИГ Фарбениндустри, сплотились и оказали Гитлеру полную поддержку.

* *

Ни для кого не секрет, что крупный капитал во всех странах ведет экономическую и политическую борьбу против организованного рабочего движения. Нет никакой тайны и в том, что немецкие капиталисты боролись с рабочим движением. В период своего наибольшего успеха Гуго Стиннес находил время обращаться к рабочим с призывом отказаться от 8-часового рабочего дня и напряженно работать ежедневно по десять часов. В 20-х годах Яльмар Шахт стоял во главе рейхсбанка; он имел репутацию человека, стабилизировавшего марку и покончившего с инфляцией. В те времена трудно было вообразить себе, что Шахт когда-либо предстанет перед Международным трибуналом как военный преступник.

Он также выступал против 8-часового рабочего дня. В своей книге, озаглавленной «Конец репараций», изданной в 1931 г. как призыв к англичанам и американцам, он фактически просил помощи у капиталистов всего мира для борьбы с немецкими рабочими. Он выступал против социального страхования, потому что оно, по его утверждению, ослабляет моральную стойкость; его аргументы могли бы быть повторены республиканцами в США в первые годы президентства Рузвельта.

Капиталисты были также настроены явно в пользу поддержки яростного немецкого национализма. Руководящим органом немецкой внешней экспансии была Пангерманская ассоциация (Der Alldeutsche Verband). Официальными ее целями были: «возрождение немецкого самосознания, поддержка германизма за рубежом и оказание содействия энергичному представительству немецких интересов в Европе и за морями, в особенности же действенная колониальная политика». Крупный капитал был главной опорой Пангерманской ассоциации; когда в 1920 г. была опубликована официальная история Ассоциации, то это произошло при содействии и поддержке Федерации немецких промышленников (Reichsverband der deutschen Industrie). Шахт выразил мнение своих коллег, когда сказал:

«Для немецкой промышленности колонии, равно как и заводы за границей, являются надеждой на будущее, возможным выходом из все более усложняющихся условий капиталовложений и производства в Германии».

Деловой мир поддерживал самые агрессивные положения нацистской программы. И в данном случае опять-таки можно привести слова Шахта. Он категорически отвергает Версальский договор, заявляя:

«То, что называют Версальским мирным договором, не является договором, и он не принес мира». И еще более угрожающим тоном продолжает:

«... пусть сегодня Германия беспомощно стоит перед этим договором; ее протесты против него будут держать мир в напряжении до тех пор, пока судьбами человечества не станут снова вершить справедливость и мораль».

Даже и гитлеровская идея о расе господ была включена в понятие Шахта о «справедливости и морали», которые опять станут вершить судьбами человечества. Касаясь города Мемеля, он писал в 1931 г. в своей книге, предназначенной для распространения в Англии и Америке:

«Мемельская область — в основном преимущественно немецкая — была передана, против своего желания, под господство литовцев. Подумайте только, что это

значит, когда часть высоко культурного и образованного немецкого народа попадает под господство небольшой ветви рода человеческого, которая, если даже уважать ее, явно стоит далеко позади немцев по уровню своей культуры и цивилизации».

И все же, при всем сходстве их программ, Гитлер не мог сразу получить поддержку всех немецких капиталистов. Свирепый антисемит генерал Людендорф хотел использовать Гитлера для того, чтобы самому стать военным диктатором. Промышленники типа Кирдорфа и Тиссена также смотрели на Гитлера как на свое оружие. Но среди значительной части немецких капиталистов существовали серьезные сомнения относительно Гитлера, по крайней мере в первые годы. Нелегко было забыть, что Гитлер жил в ночлежках и был мелким шпиком военного ведомства. Нацисты-штурмовики были хулиганами, их дебоши в пивнушках внушали отвращение солидным людям.

Как и во многих других областях, концерн ИГ Фарбениндустрии проложил путь и в области политики. Уже в 1925 г. Карл Дуисберг в своей речи перед членами Федерации немецких промышленников говорил:

«Будьте едины, едины, едины! Таков должен быть непрестанный призыв, обращенный к партиям... в рейхстаге... Мы надеемся, что наши слова, произнесенные сегодня, будут претворены в жизнь, что найдется сильный человек, который найдет для всех общую платформу... ибо он (сильный человек) всегда необходим нам, немцам, как в свое время необходим был Бисмарк».

В другой речи Дуисберг вновь высказался за диктатуру. Он сказал:

«Если Германии суждено вновь быть великой, то все классы нашего народа должны осознать, что для этого необходимы лидеры, могущие действовать, не считаясь с капризами масс... Надо надеяться, что в Германии найдется достаточное число таких людей, которые и станут вождями нашего народа. И только тогда она сможет освободиться от своих бедствий и достигнет благого величия».

Дуисберг дал ясно понять, что концерн ИГ бросит всю свою мощь на борьбу против требований повыше-

ния заработной платы, или сокращения рабочего дня, или сохранения социального страхования. В другой своей речи, также произнесенной в 1925 г., он сказал:

«Нет сомнения, что немецкое хозяйство может существовать и выполнять свои функции только при условии, если будет ограничено лежащее на нем бремя заработной платы, налогов, транспортных расходов и — что весьма важно — взносов на социальное страхование...

Немецкие профессиональные союзы... должны отныне считать своим первейшим долгом заботиться совместно с предпринимателями об увеличении продукции... и тогда вопрос о заработной плате не будет иметь того исключительного значения, какое он, к сожалению, имеет в настоящее время...»

Но ИГ не особенно спешил поддерживать нацистов, хотя в конечном счете и оказалось, что все намеченные Дуисбергом цели были осуществлены именно в период пребывания Гитлера у власти. Дело в том, что ИГ не был сторонником неограниченной поддержки какой-либо одной партии или одного политического лидера; он предусмотрительно поддерживал ряд партий: какая бы из них ни победила — ИГ оказывался ее другом.

Имелся небольшой секретный Политический комитет ИГ, непосредственно подчинявшийся двум руководителям концерна — д-ру Бошу и д-ру Дуисбергу. Каждый из четырех членов этого комитета нес ответственность за связь ИГ с какой-либо одной политической партией: д-р Калле поддерживал контакт с немецкой народной партией, д-р Гасслахер — с партией немецких националистов (это были наиболее популярные среди немецких капиталистов партии); д-р Гуммель осуществлял связь с немецкой демократической партией, а д-р Ламмерс — с католическим центром.

Таким путем ИГ обеспечил себе связь со всеми правыми немецкими партиями. Как заявил барон Шницлер в своих показаниях о деятельности ИГ, мысль о том, «что ИГ ввиду его большого государственного значения должен иметь связи с различными политическими партиями, принадлежит покойному д-ру Дуисбергу». Шницлер, далее, показал, что ИГ расчетливо

использовал денежные средства для оказания влияния на исход выборов в рейхстаг. По его подсчетам, каждые выборы в рейхстаг обходились концерну примерно в 400 тыс. марок.

В 1930 г. стало ясно, что нацисты заслуживают внимания с этой точки зрения, несмотря на некоторые свои отталкивающие черты. В 1931 и 1932 гг. ИГ сделал ряд денежных взносов в партийную кассу нацистов. Некоторым молодым членам руководства ИГ было поручено установить и поддерживать контакт с нацистами. Одним из них был Макс Ильгнер, племянник Германа Шмица, того самого Шмица, который в годы первой мировой войны был помощником Ратенау и в годы второй мировой войны председателем правления ИГ. Ильгнер был молод, способен, чрезвычайно энергичен и честолюбив. Именно он создал международную шпионскую сеть ИГ. Он давно уже установил контакт с нацистской верхушкой. При допросе его американскими следователями в 1945 г. Ильгнер жаловался на то, что нацист Функ¹ обманным путем получил в 1931 г. деньги из возглавляемого им отдела; другие нацисты вымогали деньги в то же самое время и в тех же целях из других отделов ИГ.

Еще более тесные связи поддерживались через Гаттино — другого деятеля ИГ. Он был личным секретарем сперва Дуисберга, затем Боша. Он также ведал в аппарате ИГ вопросами, связанными с печатью, поэтому он встречался с Гитлером и Геббельсом. При помощи Гаттино Герман Шмиц стал членом рейхстага после прихода Гитлера к власти.

Но все эти связи с нацистами ИГ поддерживал до поры до времени ради перестраховки, на всякий случай. Первоначально симпатии ИГ принадлежали более респектабельным реакционерам типа Брюнинга. Именно при возглавлявшихся им, а затем Папеном и Шлейхером консервативных правительствах 1930—1932 гг. ИГ чувствовал себя лучше всего.

¹ Функ, бывший министр хозяйства в гитлеровском правительстве, был казнен в октябре 1946 г. по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. (Прим. ред.)

Руководители ИГ избегали сами занимать правительственные посты. Так, например, Шмиц отклонял неоднократно делавшееся ему Брюнингом предложение занять специально для него намечавшийся пост «комиссара немецкой промышленности». Это соответствовало курсу политики, сформулированному Дуисбергом: не связываться открыто с правительством, но оказывать на него давление на тайных совещаниях. Либеральный журналист Гельмут Викель писал в 1932 г.:

«В полном соответствии с пожеланиями Дуисберга дела теперь (в 1931—1932 гг.) решаются не рейхстагом, а безответственными совещаниями промышленников, из числа коих Шмиц является важнейшим и влиятельнейшим».

Однако концерн ИГ послал в состав правительства своих второстепенных деятелей. Так, член правления концерна профессор Вармбольд стал министром народного хозяйства в правительстве Брюнинга. До этого в состав правительства входил профессор Мольденгауэр. Сам же Шмиц являлся непосредственным советником Брюнинга; так, например, он сопровождал Брюнинга при его поездке в Лондон в 1931 г.

В этой системе политического контроля, осуществлявшегося через Брюнинга и консервативные партии, имелся, однако, один слабый пункт: Германия все еще была демократией, и для того чтобы оставаться у власти, партиям нужны были голоса избирателей. Между тем старые партии правого направления быстро теряли голоса. Гитлер был вульгарен, неотесан, крайне неприятен, многоречив. Но все же среди всех крайних националистов и реакционеров у него было больше всего шансов собрать нужное количество голосов.

Но когда даже и гитлеровская политическая организация осенью 1932 г. начала терпеть поражения на выборах, верхушка германского крупного капитала оказалась перед лицом серьезнейшего кризиса.

Исключительно откровенное изложение того, что думали в эти критические дни 1932 г. лидеры немецких капиталистов, дано в серии писем, распространявшихся в качестве частного информационного бюллетеня под названием «Deutsche Führerbriefe» (письма к немец-

ким руководителям). Уже с 1918 г. капиталисты опасались победы социализма и национализации промышленности. Капиталистические круги быстро оценили социал-демократов; в течение четырнадцати лет социал-демократы были влиятельнейшей партией в Германии и ни в малейшей мере не пошатнули позиции крупного капитала; к тому же правые партии в рейхстаге всегда могли отвести всякую угрозу такого рода. Но теперь Германия находилась в тисках сильнейшего экономического кризиса. Правые партии — националистическая и народная — быстро теряли свое влияние. Социал-демократов сменяли коммунисты, а коммунисты знали, чего хотели. Если при такой ситуации нацистской партии Гитлера предоставлено было бы развалиться, песенка немецких картелей и монополий была бы спета. В одном из «Писем к немецким руководителям» (в сентябре 1932 г.) создавшееся положение было охарактеризовано следующим образом:

«Переходный период, который мы сейчас переживаем вследствие того, что экономический кризис разрушает все эти (социал-демократические) достижения, ведет к весьма опасной стадии, так как с ликвидацией этих достижений перестанет действовать основанный на них механизм раскола рабочего класса. В результате рабочий класс может повернуть в сторону коммунизма и господствующая буржуазия столкнется с необходимостью ввести военную диктатуру. Это будет означать начало неизлечимой болезни буржуазного строя. Так как уже больше невозможно умиротворять недовольство рабочих небольшими уступками, то единственный способ спасения буржуазного строя от гибели заключается в том, чтобы расколоть рабочий класс и привязать его к государственному аппарату иным, и притом более прямым, способом. В этом-то и заключаются положительные возможности и задачи национал-социализма».

Итак, приход Гитлера к власти был признан единственным выходом из создавшегося положения. Гитлер получил полную поддержку немецких промышленников и финансистов, и эта поддержка позволила ему быстро создать фашистское государство.

Деятели ИГ играли, разумеется, главенствующую роль в тех важнейших переговорах, которые привели Гитлера на пост канцлера Германии. В течение двенадцати лет пребывания Гитлера у власти циркулировали всевозможные слухи об этих совещаниях. Наконец, летом 1945 г. Георг фон Шницлер описал допрашивавшим его американцам тот вечер, после которого Гитлер получил окончательную и решительную поддержку руководителей германского капитализма. Следует при этом отметить, что фон Шницлер принадлежал к числу виднейших руководящих деятелей ИГ: он был начальником отдела сбыта этого концерна и вообще его представителем во всех торжественных случаях. По его словам дело происходило в начале 1933 г.: «Четыре члена правления ИГ Фарбениндустри, в том числе д-р Бош и я, получили приглашение от председателя рейхстага принять участие в собрании в его доме... Я поехал на это собрание, в котором участвовало около 20 человек, в большинстве своем крупнейшие русские промышленники».

Среди людей, названных Шницлером, были Шахт, Крупп фон Болен и Альберт Феглер, председатель правления немецкого стального треста (Ферейнингте Штальверке). Как описывает Шницлер: «Собранием руководил д-р Шахт. Я ожидал появления Геринга, но в комнату вошел Гитлер, пожал каждому руку и сел за стол на председательское место. Он произнес длинную речь, в которой говорил главным образом об опасности коммунизма и утверждал, что он, Гитлер, только что одержал над ним решительную победу.

... Крупп фон Болен поблагодарил Гитлера за его речь. После этого Гитлер удалился. Д-р Шахт предложил присутствующим собрать 3 млн. марок для проведения избирательной кампании...»

Деньги были даны. Шницлер поговорил об этом деле с Бошем. Он рассказывает: «Д-р Бош... ничего не сказал по поводу моего сообщения и лишь пожал плечами». Как подобало фирме такого масштаба, как ИГ, она внесла десятую часть всей названной суммы.

Теперь Гитлер мог действовать. Казна нацистской партии была полна; бандитов в коричневых рубашках

спустили с цепи. 27 февраля 1933 г. нацисты подожгли рейхстаг и объявили, что это дело рук «красных». Нацистским штурмовикам были даны полицейские полномочия, десятки тысяч антифашистов всех направлений были избиты, арестованы и даже убиты.

Путь для выборов, которые должны были состояться в марте 1933 г., был расчищен. Гитлер располагал теперь деньгами. Он располагал поддержкой влиятельнейших деловых, а вследствие этого также и официальных кругов. Оппозиция была терроризована, по крайней мере частично. Мартовские выборы принесли нацистам выигрыш в 6 млн. голосов. В ближайшие же месяцы оппозиционные партии в рейхстаге были запрещены, а профсоюзы сломлены.

Победа нацистов была полной. Немецкая промышленность получила возможность всерьез взяться за подготовку войны.

ТАЙНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

В 1918 г. истощенная войной Германия потерпела поражение. В 1923 г. в Германии царил хаос, вызванный инфляцией. К 1931 г. она восстановилась настолько, что сотрудник американской экономической организации «Национальный комитет промышленных конференций» (National Industrial Conference Board) мог утверждать: «Продукция немецкой промышленности находит сбыт во всем мире; оборудование промышленности находится на должном уровне; немецкая денежная система имеет надежное золотое обеспечение; внешняя торговля Германии невероятно возросла».

Германия вновь стала величайшей угрозой миру. И эта опасность усугублялась тем, что в значительной мере восстановление Германии базировалось непосредственно на воссоздании военной промышленности и вооруженных сил. Можно вполне определенно утверждать, что весь период от окончания первой мировой войны и до вступления Гитлера на пост канцлера характеризовался стремлением Германии вновь вооружиться, вопреки постановлениям Версальского договора.

Возможно и даже вероятно, что основная масса немецкого народа не знала, что Германия вновь вооружается и готовится к войне. Но некоторые немцы очень хорошо понимали, что именно они делают. И, к величайшему несчастью десятков миллионов людей, которым суждено было погибнуть во второй мировой войне, это были как раз те немцы, от которых зависели принимаемые решения.

Карл Дуисберг, глава концерна ИГ Фарбениндустри, был одним из этих немцев, хорошо знавших, что именно происходит. Он вполне отдавал себе отчет в том, какие силы внутри Германии толкают ее на внешнюю

экспансию. Он знал о грозящей опасности войны, и он и возглавляемый им концерн ИГ занимали ведущее положение в деле подготовки к тому, что могло произойти. Необходимо было действовать в высшей степени осмотрительно и втайне. Как сказал сам Дуисберг группе журналистов:

«Перед войной 1914 г. мы зачастую сами слишком много трубили на весь мир о нашей мощи и о нашем значении и этим вызывали зависть во всем мире. Теперь, когда значительная часть того, чего мы достигли, прямо или косвенно отнята у нас, мы должны, будучи бедными, говорить как можно меньше».

Но как бы ни был осторожен Дуисберг, он не мог полностью вытравить из своих публичных выступлений отзвуки грома готовившейся войны. В одной из своих речей перед Центральным советом немецких промышленников он произнес следующее:

«Господа! Вы можете поверить мне, что никто не станет охотно признавать слабость своей страны. И все же я считаю своим долгом сказать всем в Германии и вне ее раз и навсегда: война для Германии невозможна, ибо мы разоружены... Так возьмемся же снова за дело. Германия стала великой и могущественной благодаря своим мирным достижениям. Весь мир знал ее, и весь мир должен снова узнать ее. Мы должны восстанавливать... Возьмемся за работу!»

Дуисберг и его коллеги взялись за работу, и с большим успехом. Уже через несколько лет отпала необходимость признавать, что война для Германии невозможна.

Согласно условиям Версальского договора, Германии было разрешено иметь постоянную армию в 100 тыс. человек; выпуск военных материалов для снабжения этой армии разрешен был лишь нескольким немецким заводам. В первые годы после заключения договора воинственно настроенным юнкерам и всем прочим милитаристам приходилось, начиная дело нового вооружения страны, действовать в величайшей тайне.

Первым шагом в деле создания новой армии была реабилитация старой армии, только что потерпевшей

поражение. Хотя и необходимо было создавать новую армию в глубочайшей тайне, но слава германского оружия должна была быть сохранена. Офицерская каста должна была попрежнему пользоваться почетом. Для поддержания надежд на будущее должен был быть сохранен ореол непобедимости. И именно в этих целях была сотворена легенда о том, что немецкая армия во все не была разбита на поле боя.

Еще до того как окончилась война, генералы подготавливали версию об «ударе ножом в спину»,— это стало излюбленным мотивом всех германских милитаристов. В действительности, немецкое верховное командование осознало проигрыш войны тотчас же после провала большого «весеннего наступления» 1918 г. В августе 1918 г. Людендорф заявил на коронном совете, что войну невозможно выиграть. Вскоре после этого баварский кронпринц Рупрехт, командовавший одной из трех армейских групп, писал, что Германия должна поскорее заключить мир, чтобы избежать полной катастрофы. В сентябре Людендорф и Гинденбург обратились непосредственно к кайзеру: они требовали, чтобы американцам была направлена просьба о перемирии. А в первых числах октября Гинденбург в письме рейхсканцлеру принцу Макс Баденскому повторил требование армии о заключении перемирия.

Но, сумев убедить гражданские власти в том, что война проиграна и необходимо скорее покончить с нею, генералы вскоре пошли на попятный и повели двойную игру. Во второй половине октября Людендорф выступал с энергичными заявлениями о необходимости бороться до конца и о том, что для армии бесчестно сдаться, не будучи разбитой. Гражданские власти действовали, всецело руководствуясь мнением генералов, но ведение переговоров о перемирии было поручено именно гражданским лицам. В окончательном урегулировании условий перемирия участвовал только один видный военный — генерал фон Винтерфельд, да и то лишь в качестве офицера связи. В своих мемуарах принц Макс Баденский писал: «Основным нашим чувством было удовлетворение тем, что, по крайней мере, армия не должна была поклониться Фошу».

Новая армия численностью в 100 тыс. человек не могла включить всех молодых офицеров, выходцев из юнкерских семей, которые желали доказать, что им был нанесен удар в спину и что их армия остается непобедимой. Но многие из них нашли место в добровольческих корпусах, которые были организованы для подавления революционного движения немецких рабочих. Уже упоминавшийся выше ландскнехт Генрих Гаузер, выходец из юнкерской семьи, рассказывает, как был организован добровольческий корпус, в котором он служил:

«Мы представляли собой группу молодых и среднего возраста офицеров... Мы собирались тайно, в штатском платье, ибо город находился под властью Рабоче-солдатского совета. ...Один из нас, командир подводной лодки, не сдал, как и многие другие, свое судно Англии. Оно было потоплено где-то в Балтике, на мелком месте. Оно не было повреждено и было полностью снабжено всем необходимым; достаточно было водолазу проникнуть туда, чтобы поднять лодку на поверхность моря. Командир подводной лодки предложил нам (а мы, юноши, охотно согласились с ним) продолжать войну с Англией самостоятельно».

Но нашлось дело и поближе. Как сообщает Гаузер, начиная с декабря 1918 и по апрель 1919 г. его рота участвовала во взятии шести городов, захваченных революционерами-спартаковцами. Они повели жизнь наемных вояк.

«В захваченном замке в г. Брауншвейге, — пишет Гаузер, — я спал в желтой мраморной ванне принцессы Брауншвейгской, а все мои люди были одеты в шелковые рубашки с вышитыми на них брауншвейгскими гербами; они сшили их из дворцовых занавесей.

Когда мы взяли Мерзебург, нас расквартировали на фабрике гробов. Каждому солдату был дан гроб вместо койки и в придачу детский гробик — для вещей».

В дальнейшем эти добровольческие корпуса были частично объединены в «черном рейхсвере», который к тому времени, когда Гитлер вновь ввел всеобщую воинскую повинность, представлял собой еще добровольческую организацию. Из добровольческих корпусов и

«черного рейхсвера» вышли офицеры гитлеровской регулярной армии. Эти офицеры добровольческих корпусов шли на службу во все армии мира, полностью сохраняя при этом немецкие военные традиции; они наложили свой отпечаток, в частности, на армии большинства стран Южной Америки. А для того чтобы доказать, что в Германии нет места для пацифистов и пораженцев, молодые убийцы из числа этих ландскнехтов убивали таких людей, как Эрих Бергер и Ратенау (реакционеры считали их теми гражданскими лицами, из-за которых была проиграна война).

Прошло всего лишь несколько лет, и полувоенные организации стали действовать более открыто. «Стальной шлем» — организация участников войны — поддерживал в своих рядах военную дисциплину. Нацистские штурмовики имели форменную одежду и оружие и широко практиковались в его применении в уличных стычках с евреями и «красными».

Рейхсвер — сотысячная регулярная армия — оказалась организационно достаточно гибким. Когда, например, документ о призыве выписывался на какое-либо распространенное имя, вроде Генриха Мюллера, то оказывалось возможным призвать и обучить десять человек с таким именем. Осуществляя смену личного состава в пределах 100 тыс. человек, оказалось возможным подготовить первую очередь унтер-офицеров и офицеров для развернутой армии при Гитлере.

Немецкий пацифист Карл Мертенс подсчитал, что уже в 1930 г. Германия имела под ружьем одновременно 374 тыс. человек, обученных военному делу. Эта цифра составлялась следующим образом: 99 тыс. человек в регулярном рейхсвере; 110 тыс. в обученной военному делу полиции, пограничной охране и железнодорожной охране; 150 тыс. в полувоенных организациях, вроде «стального шлема», и гитлеровских штурмовых отрядах, и, по меньшей мере, 15 тыс. гражданских лиц, состоящих при рейхсвере на работах, которые в других странах выполняются солдатами.

Но важнее всего было то, что нервный центр германской армии сохранился в неприкосновенности.

Основная цитадель юнкерства — генеральный штаб — продолжал существовать под разными названиями. Официально он был упразднен Версальским договором. Но Веймарской республике разрешено было иметь министерство обороны. А в рамках этого министерства было организовано Общевойсковое управление. Никогда не было дано точного определения функций этого управления, но первым его начальником был назначен генерал фон Сект, один из старших чинов генерального штаба. В течение ряда лет персонал этого управления комплектовался преимущественно из офицеров генерального штаба.

При республике было проведено также значительное расширение штата Потсдамского имперского архива, формально созданного для изучения первой мировой войны. Потсдамский архив также был укомплектован преимущественно офицерами генерального штаба. В дальнейшем выяснилось, что эти офицеры уже тогда усиленно разрабатывали планы кампаний второй мировой войны.

Но, несмотря на помощь правительства, возрождавшийся генеральный штаб нуждался в деньгах. Генерал фон Шлейхер создал частное Немецкое общество по изучению военной политики и военных наук. Обществу предоставлена была широкая возможность получать большие пожертвования от видных националистски настроенных промышленников. Один из германских министров — Отто Гесслер отметил, что «в мирном договоре нет пункта, запрещающего нам восстановить генеральный штаб в виде корпорации с ограниченной ответственностью».

После второй мировой войны генеральный штаб был вновь упразднен. Но вызывает некоторые опасения то, что и поныне в Германии участники войны пользуются почетом и что в британской зоне немецкая армейская организация ликвидируется лишь под сильным давлением и крайне медленными темпами¹.

¹ Факты говорят о том, что гитлеровские военные формирования до сих пор продолжают существовать как в английской, так и в американской зонах оккупации. В английской зоне эти формирования маскируются под названием «рабочих групп». Они

Параллельно с созданием тайных армий осуществлялось также и тайное производство вооружения. На Нюрнбергском процессе немецких главных военных преступников были представлены доказательства того, что производство вооружения в Германии возобновилось в период, когда еще не успели высохнуть чернила, которыми был подписан Версальский договор. Предполагалось, что заводы Круппа ограничивались производством столь мирных предметов, как плуги и пишущие машинки. Но уже в 1920 г. германское правительство предоставило Круппу заем в 48 млн. долларов, который был использован для «поддержания на должном уровне техники вооружений для Германии». Эти 48 млн. долларов были переведены Круппу в строгой тайне через берлинские и амстердамские банки.

Подсудимый на Нюрнбергском процессе, гросс-адмирал Эрих Редер признал, что Германия возобновила строительство подводных лодок вскоре после окончания первой мировой войны. Англо-германское морское соглашение 1935 г. вновь разрешило Германии это строительство. Характерно, что первая немецкая подводная лодка официально вступила в строй всего лишь через 11 дней после подписания соглашения. Казалось, что она строилась с быстротой, способной устыдить все прочие верфи мира. В действительности же, как показал Редер, подводные лодки строились для немецкого флота уже в 1924 г. через подставную фирму в Голландии.

В первые годы после окончания первой мировой войны деятельность по восстановлению немецкой военной

сосредоточены главным образом в Шлезвиг-Гольштейне. В американской зоне значительные контингенты эсэсовцев и штурмовиков сосредоточены в так называемых «лагерях для перемещенных лиц». Эти лагеря превратились в своеобразные эсэсовские казармы, в которых эсэсовцы проходят обычную муштру и подвергаются соответствующей «идеологической обработке». Кроме того, в американской оккупационной зоне сохраняются фашистские польские, югославские и венгерские формирования, а также белогвардейский корпус Рогожина. Все это говорит о том, что англичане и американцы открыто нарушают Потсдамское соглашение о роспуске всех фашистских военных формирований в Германии. (*Прим. ред.*)

мощи в значительной степени осуществлялась через агентов в иностранных государствах. Авиацционная фирма Дорнье основала свой филиал в Швейцарии, а фирма Хейнкель — в Швеции. Помимо подводных лодок, построенных в Голландии, в чем признался адмирал Редер, по крайней мере одна подводная лодка была построена в Испании.

Но военные материалы производились и в самой Германии. В 1943 г. руководитель фирмы Рейнметалл-Борзиг, д-р Карл Ванингер произнес в Германии речь о деятельности своей фирмы в области вооружения. Ванингер рассказал, что эта фирма открыла в Берлине бюро, «замаскированное под транспортное бюро», но в действительности руководившее производством артиллерийского вооружения. Об этом бюро стало известно межсоюзной военной контрольной комиссии, но его так и не обнаружили. В 1922 г. бюро было переведено в Дюссельдорф, где, по словам Ванингера, оно продолжало свою деятельность «под самым носом у французских оккупационных властей». В глухой части Люнебургской пустоши был создан артиллерийский полигон, и, наконец, в 1925 г. «был создан и, невзирая на всевозможные затруднения, начал работать новый небольшой пушечный завод. Первый заказ на пушки, выполненный фирмой Рейнметалл после 1918 г., был предназначен для крейсеров «Кенигсберг», «Карлсруэ», «Кельн», «Лейпциг» и «Нюрнберг». Мы выполнили этот заказ к полному удовлетворению немецкого военного флота и в то же время впервые проложили путь в деле строительства в Германии тройных орудийных башен...»

Несмотря на все и всяческие трудности, изобретательные и находчивые промышленники изыскивали пути производства всех видов вооружения, нужных генеральному штабу для маневров, в ходе которых он разрабатывал свою теорию молниеносной войны (Blitzkrieg). Как было упомянуто выше, самолеты производились за границей. Летчики тренировались на планерах. Танки были запрещены, но было дозволено производство некоего количества бронеавтомобилей, и их превратили в опытные танки. Пушки всех калибров производились тайно в самой Германии.

Наконец, еще задолго до Гитлера все германское военное производство координировалось министерством обороны. Министерство в сотрудничестве с Ассоциацией немецких промышленников разработало план промышленной мобилизации, который позволил каждому промышленнику знать о том, какое количество заказов он получит после объявления промышленной мобилизации. Точно так же, еще задолго до Гитлера, правительство стало субсидировать важнейшие, с военной точки зрения, отрасли промышленности: черную металлургию, производство легких металлов, авиамоторостроение.

Разумеется, происходившее вооружение нельзя было сохранить в полной тайне. Из Германии стали просачиваться различные слухи. В 1925 г. некий Вальтер Буллерьян был подвергнут суду при закрытых дверях и приговорен к 25 годам тюремного заключения; в дальнейшем выяснилось, что он был обвинен в разглашении сведений о ходе вооружения Германии. В Гамбурге в 1928 г. произошел таинственный взрыв, в результате которого было убито 11 человек; полагали, что этот взрыв произошел на заводе отравляющих веществ. Известный пацифист Карл фон Осецкий был осужден по обвинению в государственной измене за разглашение в своем журнале военных тайн: речь шла о тайном вооружении.

Позднее стали поступать все новые и новые сведения из Германии. Тайна немецкого вооружения стала своего рода открытой тайной, она поддерживалась только с общего согласия. В 1929 г. тринадцать стран, в том числе Франция, Китай, Япония, Испания и Бельгия, сообщили Лиге наций, что Германия является для них главным поставщиком оружия и боеприпасов. В деле вооружения немцы проявили ловкость и железную настойчивость, но они не справились бы одни с этим делом. Для этого необходимо было, по меньшей мере, терпимое отношение остального мира, а подчас и прямая его поддержка.

Из данных опроса, проведенного возглавляемой сенатором Най комиссией сената США по обследованию военной промышленности, ясно видно, что высшие американские должностные лица могли игнорировать вооружение Германии, лишь сознательно закрывая на это

глаза. Комиссия указывает в своем докладе, что на совещании в присутствии министра торговли Гувера и делегатов США на Женевскую конференцию по вопросам торговли оружием «... г-н Даллес (из государственного департамента) заявил, что, невзирая на то общеизвестное обстоятельство, что Германия экспортирует оружие и боеприпасы, с дипломатической точки зрения невозможно упоминать Германию или какую-либо из центральных держав в этой связи, поскольку считается, что они соблюдают договоры, положившие конец мировой войне».

В тех же сенатских данных имеется выдержка из сообщения полковника Саймонса (из концерна Дюпон) о беседе, которую он имел в государственном департаменте в 1925 г.:

«До сведения г-на Даллеса дошло, что, если американские фирмы откажутся построить пороховой завод, турки, вероятно, обратятся за помощью к немцам. Г-н Даллес сказал, что он хорошо знает это и что он также знает, что порох и другие боеприпасы постоянно вывозятся из Германии при попустительстве союзников, поскольку выручка от продажи вооружений и боеприпасов увеличивает репарационный фонд».

Другие материалы из архива концерна Дюпон показывают, что уже в 1924 г. немцы были главными конкурентами концерна Дюпон в Европе по производству бездымного пороха, опередив французских и итальянских фабрикантов. Вполне понятно, что немцев приветствовали при их возвращении в картель фабрикантов вооружения. Тесный контакт между фирмами по производству вооружения в различных странах общеизвестен. Если новые вооружения в Германии вызывали дрожь в некоторых европейских странах, то это совершенно не беспокоило руководителей военной промышленности этих стран, ибо было выгодным делом. В докладе комиссии сената США приводится заявление полковника Тэйлора (из концерна Дюпон) о том, что «англо-германская группа пытается контролировать военные поставки в Европе для того, чтобы обеспечить себе большие прибыли при том вооружении европейских стран, которое должно иметь место в будущем».

Когда после прихода Гитлера к власти немецкая военная промышленность заработала полным ходом, то это оказало влияние и на военную промышленность других стран. Так, например, заводы Шкода в Чехословакии были наводнены заказами и вынуждены были нанять дополнительно несколько тысяч рабочих. Вице-председатель американской фирмы Кольт компани сказал по поводу этого: «Что делается на заводах Шкода... я прямо не знаю, как это выразить словами... А мы здесь готовы производить военные материалы и ничего не получаем».

Но даже и международное сотрудничество руководителей военной промышленности мало что значило для Германии по сравнению с помощью, которую она получала от иностранных капиталовложений. Как только с инфляцией было покончено и марка стабилизировалась, в Германию буквально хлынул поток иностранных займов. Между 1924 и 1930 гг. внешний долг Германии возрос более чем на 30 млрд. марок. Большая часть этой задолженности представляла собой частные займы. В сумме своей они, по крайней мере, возмещали то, что немцы уплатили в качестве репараций.

При помощи иностранного капитала немецкая промышленность была в широком масштабе обновлена и модернизирована. Все хозяйство страны было приведено в порядок и подготовлено к возобновлению военного производства, которое произошло уже при нацистах. При этом некоторые займы были получены фирмами, самым непосредственным образом занимавшимися производством вооружения.

Фигура Круппа была символична для всей германской военной промышленности. Фирма Круппа, являвшаяся семейной собственностью, была спасена в декабре 1924 г. благодаря займам в 10 млн. долларов, полученным от нью-йоркских фирм Халльгартен энд компани и Гольдман, Сакс энд компани. При помощи этих американских долларов крупповские заводы были реорганизованы и подготовлены к новой войне.

Трест Ферейнигте Штальверке был, пожалуй, еще более важен как крупнейший производитель стали. Он получил долгосрочные займы на сумму более 100 млн. долларов. Как указывается в отчете за 1945 г. амери-

канского управления по экономической деятельности за границей, «сомнительно, был бы этот трест в состоянии осуществить свою программу расширения и модернизации без поддержки американского капитала».

Та Германия, над которой установил свое господство Гитлер, успела уже пройти немалый путь от Версаля. И в этом ей оказали большую помощь ее вчерашние и завтрашние противники.

* * *

Концерн ИГ Фарбениндустри не производил ни пушек, ни самолетов, ни танков. Насколько можно установить, ИГ не создавал наемных отрядов во времена «черного рейхсвера». И все же ИГ сыграл исключительно важную роль в деле подготовки Германии к войне. Густав Штресман, министр иностранных дел Веймарской республики, говорил в 1927 г.:

«Какие еще козыри есть у меня в руках, кроме ИГ и угольной промышленности?»

Пусть другие фирмы производят пушки и самолеты; это сравнительно простое дело. ИГ взялся за самые трудные проблемы вооружения и разрешил их. И, разрешая их, стал еще более богатым и еще более могущественным.

Разумеется, концерн ИГ имел прямое отношение и к более явным видам вооружения. В 1926 г. ИГ заключил ряд соглашений, в результате которых он стал контролировать основные предприятия немецкой промышленности взрывчатых веществ. Под его контролем оказались два крупнейших в этой отрасли акционерных общества: Динамит-Нобель (Dynamit-Nobel) и Рейниш-Вестфалише Шпренгштоффверке (Rheinisch-Westfälische Sprengstoffwerke).

Через Динамит-Нобель, сокращенно именуемое ДАГ (DAG), ИГ стал участником международной деятельности производителей вооружения. К 1925 г. ДАГ уже успел провести небольшую «войну цен» с американскими фирмами Дюпон и Геркулес-Паудер (Hercules Powder Co) из-за поставок пороха в Мексику. Одновременно ДАГ пытался проникнуть «с черного хода» и на рынок США, но был остановлен угрозой американцев начать с ним борьбу на всех иностранных рынках.

В дальнейшем ИГ имел прочные, и с каждым годом становившиеся все более тесными, связи со всей немецкой тяжелой промышленностью. У ИГ были свои угольные шахты, и он стал играть видную роль в Рурском бассейне. Даже в правление фирмы Крупп, являвшейся чисто семейным предприятием, входил Герман Шмиц, который в годы второй мировой войны стоял во главе ИГ. Кроме того, Шмиц был председателем правления, по меньшей мере, семи других фирм и членом правления, по крайней мере, еще десяти других, в том числе Ферейнигте Штальверке — крупнейшего стального треста. ИГ приобрел 12% акций Ферейнигте Штальверке и стал вторым по значению, после германского правительства, акционером этого треста.

Однако важнейшим достижением ИГ было открытие заменителей основных, наиболее дефицитных военных материалов. Ликвидация нехватки азотных веществ, осуществленная ИГ, помогла затянуть первую мировую войну. Габеровский процесс связывания азота, являющегося важнейшей составной частью взрывчатых веществ, был разработан и готов для промышленного использования в 1913 г. После войны ИГ упрочил свое господство в промышленности синтетических азотных соединений как для военных целей, так и для производства искусственных удобрений. Уже к 1928 г. Германия господствовала на мировом рынке азотных продуктов как натуральных, так и синтетических. В этом году во всем мире было произведено 1700 тыс. т азотистых веществ; из них 920 тыс. т приходилось на долю синтетических, из которых в свою очередь 677 тыс. т было произведено в Германии. Таким образом на ее долю приходилось три четверти производства синтетических азотных веществ, т. е. почти половина всего производства. Былая зависимость от чилийских залежей натуральной селитры исчезла навсегда.

Производство азотных веществ в Германии сосредоточилось в руках ИГ. В 1919 г. все производители их в Германии объединились по инициативе правительства в единый синдикат — и ИГ был важнейшим участником этого синдиката. Но в первые годы после войны в Германии были еще сильны идеи государственного контроля

Германское правительство сохраняло за собой право назначения и отзыва руководителей синдиката. В 1924 г. правительство без шума ушло со сцены и оставило эту отрасль промышленности в руках ИГ. Был введен новый порядок голосования в правлении синдиката, в силу которого ИГ, ранее имевший только пять голосов из семнадцати, теперь получил двадцать голосов из тридцати трех, т. е. абсолютное большинство.

Итак проблема снабжения азотными продуктами была разрешена. Следующей на очереди стояла проблема жидкого топлива.

Производство красителей являлось основой ИГ. Красители оставались, пожалуй, самым стабильным источником его доходов. Тем не менее директора ИГ без всяких колебаний выделяли капиталы и исследователей для изыскания синтетического жидкого топлива и синтетического каучука, хотя это дело и не обещало быстрого оборота капитала и получения прибылей; оно скорее являлось частью большого дела вооружения Германии и возможных в дальнейшем завоеваний.

Германское правительство проявило большой интерес к деятельности ИГ в области синтеза жидкого топлива. Эта развивающаяся новая отрасль промышленности была поставлена под защиту таможенных пошлин. К 1931 г. ИГ достиг на своем основном заводе в Лейна потенциальной производственной мощности в 300 тыс. т синтетического жидкого топлива в год. В том же году правительство Брюнинга в интересах ИГ провело дальнейшее повышение импортных пошлин на бензин, вследствие чего субсидия, выданная правительством для обеспечения выпуска 300 тыс. т синтетического бензина, на деле стала означать около 24 млн. марок в год.

Тем временем успешно шла работа и над синтетическим каучуком. В ноябре 1927 г. Артур фон Вейнберг, работник правления ИГ во Франкфурте, объявил, что «проведенные в небольшом масштабе опыты по получению синтетического каучука определенно доказали надежность научной химической формулы... (но еще существовали проблемы производственного характера), и поэтому пройдет еще год-два до появления этого искусственного продукта на рынке».

К этому времени ИГ работал уже более двадцати лет над искусственным каучуком. На эти исследования были израсходованы крупные суммы, и в дальнейшем намечалось израсходовать еще больше. В 1927 г. ИГ затратил на исследовательские работы с синтетическим каучуком 100 тыс. марок. В 1928 г. эта сумма была сразу увеличена до 2 700 тыс. марок, а в 1929 г. — до 3 300 тыс. марок. Когда Гитлер пришел к власти и проблема обеспечения каучуком стала одной из важнейших военных проблем, ассигнования на эти исследовательские работы были сразу увеличены почти до 8 млн. марок.

Технические проблемы, связанные с получением синтетического каучука, вызывали большие трудности. Работа ИГ в этой области была начата еще в 1906 г., когда Карл Дуисберг поручил д-ру Ф. Гофману, химику Leverkusенского завода, заняться синтезом каучука. В течение ряда лет работа не давала серьезных результатов. Однако и возможная выгода была велика. С чисто коммерческой точки зрения, высокие цены, которые искусственно удерживались на высоком уровне монополистами — обладателями натурального каучука на Дальнем Востоке, открывали широкие перспективы обогащения всякому обладателю заменителя каучука.

В годы первой мировой войны Германия сильно страдала от недостатка каучука. После окончания войны, когда союзнические оккупационные войска проезжали на автомобилях с резиновыми шинами, немецкие экипажи медленно катились, громыхая своими стальными ободами. В планах второй мировой войны проблема каучука имела еще большее значение, чем в первой.

В первую мировую войну ИГ добился лишь ограниченных успехов в деле получения искусственного каучука. Он произвел около 2500 т так называемого «метилового каучука», который применялся для аккумуляторных батарей подводных лодок. Дуисберг имел также, по крайней мере, один образец автомобильной шины, сделанной из искусственного каучука, который он возил с собою на съезды химиков как образец будущих достижений.

После первой мировой войны ИГ сделал серьезный шаг вперед, открыв дешевый способ получения бута-

диена из кокса и известняка. Затем были найдены способы смешения бутадиена с другими веществами, как например стирен, и в конечном результате были получены ставшие впоследствии знаменитыми марки искусственной резины «буна-N» и «буна-S», с помощью которых Германия вела вторую мировую войну. Когда пошли на синтетическом бензине бронемашины с шинами или гусеницами, изготовленными из «буна-S», германский генеральный штаб мог констатировать, что вооружение Германии вступило в свою последнюю фазу. Теперь война могла начаться, как только Гитлер подаст сигнал к ней.

ТАЙНАЯ ВОЙНА

И до Гитлера Германия усиленно вооружалась. С приходом же Гитлера к власти в 1933 г. Германия прямо пошла к войне. Прошло шесть напряженных лет, прежде чем раздались первые выстрелы. Но, в действительности, война началась задолго до этого. Это была тайная война: война пропаганды, война шпионажа, но прежде всего и больше всего — экономическая агрессия.

Разъяснение смысла экономической войны было дано Карлом Дуисбергом в заявлении о внешней политике ИГ, сделанном в марте 1931 г.:

«Для окончательного разрешения европейской проблемы должен быть решен вопрос об экономических отношениях с Францией; должен быть создан тесный экономический блок от Бордо до Одессы, являющийся стеновым хребтом Европы».

В значительной степени немцы вели экономическую войну в форме нормальных деловых операций. Многие из того, что немцы проделали, могло быть квалифицировано просто как создание картелей. В этом отношении ИГ является, бесспорно, ведущим концерном в Германии и, вероятно, во всем мире. В период между двумя войнами ИГ неустанно ткал паутину картельных связей, которая под конец покрыла почти весь мир. Почти во всех случаях ИГ становился господствующим членом того картеля, в который он вступал.

Картели оказались весьма эффективным оружием в руках немецких капиталистов, работавших на благо фатерланда. Так, например, через систему картелей, которые создал ИГ, картельные центры, находившиеся в Германии, могли фактически диктовать размер продукции всех химикалий почти во всех странах Европы. А химикалии, конечно, так же важны для войны, как и для любой мирной отрасли хозяйства, например текстильной

промышленности или земледелия. ИГ хотя и полагался на своих собственных химиков в деле поддержания своего первенствующего положения в области технологии, но в то же время внимательно следил за всеми новыми открытиями в других странах при помощи соглашений о взаимном использовании патентов.

Еще несколько шагов в этом направлении — и экономическое давление, пока еще сохранявшее форму торговых сделок в условиях острой конкуренции и, быть может, не вполне благовидных, переходило границы допустимого и превращалось в совершенно явную агрессию. Широко разветвленная сбытовая организация ИГ была использована для создания сети нацистских агентов во всех важных пунктах мира. Эта международная сеть агентуры ИГ была использована для выкачивания всевозможной информации из других стран и передачи ее разведывательным центрам нацистской партии и военного ведомства. В детективных романах шпион — фигура зловещая, в маске, появляющаяся с самого «дна» общества. Полную противоположность этому составляли лучшие агенты немецкой разведки, которые были солидными, внешне респектабельными деловыми людьми, торговавшие отличными товарами и передовыми техническими методами.

После окончания первой мировой войны ИГ, казалось, был изгнан с внешних рынков. И его патенты, и его иностранные представительства были захвачены союзниками. Развивавшаяся международная картельная организация была, казалось, надломлена. Но ИГ сохранил свои заводы в Германии и, что важнее всего, сохранил свои технические достижения. ИГ остался таким же опасным конкурентом, как и прежде, и фирмы по производству красителей и химикалий в других странах жадно стремились, как и прежде, получить доступ к его патентам. В течение десяти лет ИГ восстановил свое положение на внешних рынках, а по истечении двадцати лет, к моменту начала второй мировой войны, он стал центром всей международной системы картелей.

Первые его шаги, предпринятые уже вскоре после окончания войны, свелись к заключению пока еще не особенно тесных союзов с швейцарскими и французскими

производителями красителей. Три крупнейших швейцарских концерна — Сибя (Siba), Сандоз (Sandoz) и Гейги (Geigy) заключили в 1920 г. картельное соглашение между собой и вскоре совместно заключили соглашение с ИГ. Французское производство красителей было сосредоточено в основном в руках двух концернов: Кюльман (Etablissement Kuhlmann) с подчиненной ему фирмой Сен-Клер-дю-Рон (St. Clair du Rhône) и Сосьетэ де Матьер Колорант де Сен-Дени (Société des Matières Colorantes de St. Denis).

К 1926 г. французские и швейцарские фирмы уже сотрудничали с ИГ в силу устного соглашения. В 1927 г. было заключено также и письменное предварительное соглашение между немцами и французами. А в 1929 г. эти отношения завершились созданием Континентального картеля красителей. Он имел шесть участников: три швейцарских концерна, два французских концерна, упоминавшиеся выше, и ИГ. Эти шесть концернов вместе взятые давали в 1927 г. 80% по стоимости всего мирового производства красителей. По условиям картельного договора ИГ имел 75% всей экспортной квоты. Весь мир, за исключением СССР и США, был разделен на замкнутые сферы сбыта. Картель имел объединенные сбытовые конторы. Теперь ИГ мог конкурировать с аутсайдерами на ограниченном мировом рынке, имея за собой всю европейскую промышленность красителей.

Следующим шагом было вовлечение в картель английской химической промышленности. Следуя примеру ИГ, крупнейшие английские химические фирмы организовались в 1926 г. в единый концерн — Империл Кемикл Индастрис (ИКИ). По своему размеру и мощи он уступал во всей Европе только одному ИГ. С самого начала установились картельные связи между ИКИ и ИГ. В состав ИКИ входила английская группа Нобеля, уже имевшая соглашение с фирмами ДАГ и Кельн-Ротвейль — участниками международного соглашения по боеприпасам со стороны Германии (и ИГ). В 1932 г. руководители ИКИ вынуждены были признать, что они не могут больше конкурировать с руководимым ИГ континентальным блоком, и вступили в картель. Ожесточенная борьба между английскими и германскими

концернами, правда, продолжалась еще в Чехословакии, Румынии и на Среднем Востоке, но в основном англичане признали руководящую роль ИГ.

Венцом достижений ИГ в деле создания картелей был ряд соглашений, заключенных с американскими концернами. На базе использования разработанного ИГ процесса превращения угля в бензин было заключено широкое союзное соглашение со Стандард ойл ов Нью-Джерси. Тесные связи были установлены и с компанией Форд. Менее успешными были переговоры с ведущим американским химическим концерном Дюпон. Переговоры между ним и ИГ велись годами, но общее соглашение так и не было достигнуто. Однако поскольку и Дюпон и ИГ имели широкие соглашения с английским концерном ИКИ, оба эти гиганта химической промышленности избегали решительной схватки между собой; им приходилось, по крайней мере, соблюдать свои соглашения с ИКИ.

Богатство и ресурсы Америки сделали ее конечной целью любого плана экономической агрессии. О том, как глубоко ИГ проник в Северную и Южную Америку и насколько он ослабил американские военные усилия после Пирл-Харбора, будет рассказано в последующих главах.

Некоторые из иностранных компаний, вступивших в возглавляемые ИГ картели, были достаточно сильны, чтобы иметь дело с немцами на более или менее равных началах. Многие же другие были попросту скуплены концерном ИГ.

Вместе с собственными отделениями ИГ за границей это означало создание концерном ИГ системы иностранных капиталовложений и активов, охватывающей 93 страны во всех частях света. Перечисление всех иностранных фирм, подконтрольных ИГ, было бы только утомительно и вызвало бы ошеломляющее впечатление — их было около 500. Некоторые из них сами являлись крупными концернами. Так, например, компания Норск-Гидро, вступившая в область интересов ИГ в середине 20-х годов, являлась крупнейшей промышленной фирмой Норвегии и значительным производителем азотных продуктов. Для начала ИГ приобрел 26% акций Норск-

Гидро, большинство же акций оставалось в руках французских финансистов; но после поражения Франции в 1940 г. и оно перешло к ИГ. Картельное соглашение отвало норвежцам определенное место в немецкой системе производства и сбыта. В конце концов, ИГ стал представителем по сбыту всей продукции Норск-Гидро.

Во время второй мировой войны предприятия Норск-Гидро явились объектом воздушных бомбардировок, о которых много говорилось. Сообщалось, что там производились опыты с тяжелой водой — те самые опыты, которые доставили немало беспокойства разведке союзников, пытавшейся установить, как далеко зашли нацисты в разгадке тайны расщепления атома. Ныне предприятия Норск-Гидро работают в освобожденной Норвегии на полную мощность. Это одна из самых важных частей прежней сети предприятий ИГ. Согласно данным, занесенным в протоколы американской сенатской комиссии Килгора, американский агент ИГ Карл Петерс прибыл после второй мировой войны в Германию в качестве американского чиновника. Его пришлось отправить обратно в США, так как он использовал свое официальное положение для восстановления старых утраченных связей. Характерно, что он был особенно заинтересован в возобновлении контакта с Норск-Гидро.

Как видно из конторских книг ИГ, этот концерн в 1943 г. имел долю участия в 248 иностранных компаниях. Однако тщательное расследование, проведенное после войны, показало, что истинное число примерно вдвое больше этого. Разницу в цифрах объяснить можно лишь маскировкой; это трудное искусство, и Германа Шмица его коллеги считали мастером этого дела.

По всем внешним признакам, замаскированная фирма не имела сколько-нибудь существенных связей с ИГ. Считалось, что собственниками ее являются граждане страны, в которой расположена фирма. Детальное рассмотрение показало, однако, что операции ее фактически контролируются агентами ИГ, но, с точки зрения закона, фирма является независимой. Лучшим примером такой маскировки в США является фирма Дженерл анилин энд фильм корпорэйшн (General Aniline and Film Corporation). В момент вступления США во вторую

мировую войну эта фирма называла себя независимой корпорацией, не имеющей ничего общего с ИГ. Но первоначально она была создана концерном ИГ Фарбениндустри под названием «Америкэн ИГ». Акционерный капитал ее предусмотрительно принадлежал не ИГ, а другой, подставной фирме, созданной концерном ИГ в Швейцарии,— ИГ Хеми. Следует отметить, что в тот период, в конце 20-х годов, ИГ еще не стеснялся наклеивать на свою иностранную агентуру ярлык ИГ. Но когда началась война, Герман Шмиц проделал все юридические формальности по прекращению связи между ИГ Фарбениндустри и швейцарской ИГ Хеми. Он, конечно, надеялся, что в результате этого юридического акта столь ценная собственность, как Дженоерл анилин энд фильм, перейдет из категории немецкой и, следовательно, вражеской собственности в мирную гавань нейтрального имущества. К слову сказать, если кого-либо удивляло, почему Германия во время войны не захватила Швейцарию, то в изложенном выше он сможет отчасти найти ответ на этот вопрос. Поскольку теперь ИГ Хеми стала называться независимой и нейтральной швейцарской фирмой и поскольку ИГ Хеми продолжала владеть значительной частью акций Дженоерл анилин энд фильм, последняя также имела себя нейтральной фирмой, свободной от немецкого контроля. Как немецкая организация, она была бы секвестрирована правительством США. Но если бы ей удалось выдать себя за нейтральную, она могла бы продолжать свои дела, как обычно.

Прошло уже более года после окончания войны, а статус фирмы Дженоерл анилин энд фильм все еще не установлен,— надо признать, что Герман Шмиц сплел свою юридическую сеть маскировки с чрезвычайным искусством.

ИГ Хеми являлась, пожалуй, важнейшим звеном в цепи замаскированных частей ИГ Фарбениндустри. Эта фирма была учреждена в 1928 г. в Швейцарии под названием «Интернационале гезельшафт фюр хемише унтернемунген» (Internationale Gesellschaft für Chemische Unternehmungen). ИГ Хеми была создана концерном ИГ Фарбениндустри. Председателем правлений обеих

фирм был Герман Шмиц. ИГ Фарбениндустрii гарантировал дивиденды, которые должна была выплачивать ИГ Хеми. Предусмотрено было также, что ИГ Фарбениндустрii в любой момент может перенять весь актив ИГ Хеми по бухгалтерской стоимости.

И вот одним росчерком пера Шмиц объявил ИГ Хеми независимой фирмой: ИГ более не гарантирует дивидендов швейцарской фирмы и не может при желании перенять ее, Шмиц — более не председатель ее правления.

На самом деле старые связи, конечно, были сохранены. Банк, обслуживавший финансовые операции ИГ Хеми, — Г. Штурцнеггер и К^о (H. Sturznegger und Co), являлся одним из заграничных агентств концерна ИГ. Этот банк также сохранил своих друзей (и агентов) в правлении ИГ Хеми. Но все юридические формальности строго соблюдались и все сохранившиеся связи были глубоко законспирированы.

По этому вопросу американские исследователи подробно допрашивали личного секретаря Шмица — пожилую нервную женщину. В ряде заявлений, прерывавшихся частыми обмороками и истериками, она упорно повторяла, что она ничего не знает о делах Шмица с ИГ Хеми после разрыва. Под конец, исчерпав все средства допроса, исследователи пришли к убеждению: Герман Шмиц настолько хранил все в секрете, что даже его личный секретарь не всегда знал, что он делает.

Тайный советник Шмиц практиковался в искусстве маскировки компаний не только ради показа своей виртуозности в этом деле. Было совершенно ясно, что Германия идет к войне и что следует всячески скрывать заграничные активы, для того чтобы они не были захвачены возможными противниками. Попутно были и другие выгоды от этой маскировки — например возможность уклонения от налогов. Меморандум, адресованный отделам правления, найденный в делах ИГ во Франкфурте, дает откровенное изложение причин, в силу которых прибегали к маскировке. Согласно этому документу, ИГ начал маскировку своих заграничных агентов вскоре по окончании первой мировой войны. Главными моментами конспирации были: «создание компаний в качестве фирм, учрежденных по закону соответствующей страны, и рас-

пределение акций этих фирм таким путем, чтобы не было видно участие в них ИГ».

Выгод от этого было много: «Маскировка в прошлом не только давала большую выгоду в коммерческом и налоговом отношении, выражавшуюся во многих миллионах, но в результате минувшей войны маскировка дала нам также возможность в значительной мере сохранить нашу организацию, наши капиталовложения и возможность предъявления многочисленных претензий».

Помимо уклонения от уплаты больших налогов, установленных в ряде случаев для иностранных концернов, замаскированные агентства ИГ были также гарантированы от бойкота. Не было затруднений и в отношении валютного регулирования. Детали операций ИГ скрывались. А после того как союзники установили блокаду Германии, заказы ИГ выполнялись этими замаскированными агентствами.

Некоторые, более откровенные нацистские агенты высказывались против системы маскировки, применявшейся ИГ. Они хотели, чтобы мощь гитлеровской империи открыто провозглашалась всеми возможными способами. Как говорится об этом в меморандуме ИГ:

«В случае победы в этой войне могущественное положение рейха делает необходимым пересмотр системы маскировки. С политической точки зрения часто высказывалось пожелание, чтобы немецкий характер наших сбытовых организаций выражался открыто. В этом направлении иностранная организация нацистской партии уже до войны высказывала настойчивые пожелания».

Но, независимо от того, была бы война выиграна или нет, ИГ не имел намерения раскрыть маскировку своей агентуры во всех странах. Американский антидемпинговый закон 1921 г. был препятствием, которое немцы намеревались и впредь обходить. Как говорится далее в меморандуме:

«Антидемпинговый закон в США сохранится. Поэтому нужно сохранить маскировку также в Австралии и Канаде, хотя бы для того, чтобы иметь двух-трех независимых импортеров в этих странах» (которым будут посылаться немецкие товары по сниженным ценам для сокрытия факта осуществления демпинга в США).

Использование частными фирмами агентов осведомительной службы, в том числе и шпионов, не является чем-то новым. Напомним знаменитую историю о том, как барон Ротшильд получил сведения о битве при Ватерлоо раньше правительственных чиновников и, используя информацию, сделал на бирже блестящие дела. Гуго Стиннес имел свою личную осведомительную службу с сетью агентов по всей Европе; некоторые из них вполне могли бы фигурировать в детективных романах. Но шпионская деятельность ИГ развернулась в невиданных до того масштабах. Она доставляла такие основательные сведения о всех сторонах жизни в иностранных государствах, что стала одной из главных опор как военного ведомства, так и разведывательной службы нацистской партии.

Во главе шпионской сети ИГ стоял Макс Ильгнер. Он занимал пост члена правления ИГ и официально именовался финансовым директором. Но его контора, расположенная в Берлине, выполняла далеко не финансовые функции.

Как и его дядюшка Шмиц, Ильгнер высоко ценил секретность. Он управлял своей конторой твердой рукой, и никто из его помощников не имел полного представления о всех его делах. Ильгнер давно вступил в нацистскую партию и поддерживал отношения с такими ее лидерами, как Геббельс. Когда один из деятелей ИГ — Гаттино — оказался замешанным в деле Эрнста Рема¹ (кровавая «чистка» 1934 г.) и был заключен в тюрьму, влияние Ильгнера в нацистских партийных кругах оказалось достаточным, чтобы добиться его освобождения. Но в ходе

¹ Эрнст Рем — руководитель гитлеровских штурмовых отрядов (СА), убитый гитлеровцами при расправе с руководством СА 30 июня 1934 г. Рем являлся одним из основателей фашистской партии и штурмовых отрядов, объединявших большое количество выходцев из средней и мелкой буржуазии. Среди последних после прихода Гитлера к власти распространились оппозиционные настроения в связи с тем, что демагогические обещания гитлеровцев «среднему сословию» оказались невыполненными. Используя эти настроения, Рем замыслил организовать путч с целью захвата власти в свои руки. План Рема был раскрыт Гиммлером, и над ним и его сторонниками была учинена кровавая расправа. (Прим. ред.)

его допроса американцами стало ясно, что Ильгнер с особенным удовольствием вспоминает период до прихода Гитлера к власти, когда он, Ильгнер, встречался с избранным обществом Германии в «Клубе господ», где собирался узкий круг юнкеров и финансистов, включая фон Папена и генерала Шлейхера.

Крупнейший отдел его конторы, выполнявший важнейшие разведывательные функции, носил внешне невинное название статистического отдела. Функции этого статистического отдела один из работников ИГ описал следующим образом:

«Наше дело было: готовить... всякие документы, досье, доклады, карты и цифровые данные, какие нам приказывали (sic!) офицеры верховного командования вооруженных сил; пополнять их материалами как нашего отдела, так и архивов, находившихся в распоряжении верховного командования вооруженных сил; готовить доклады и карты о промышленности и сельском хозяйстве за границей, особенно об «узких местах» в производственных мощностях и в снабжении сырьем; делать запросы о производстве... и готовить доклады об экономическом положении иностранных государств».

Все эти функции входят в круг обычной деятельности разведывательной службы. Что здесь замечательно, так это тот факт, что верховное командование вооруженных сил, хваставшееся, что оно имеет наилучший в мире штаб, обращалось к частной фирме, чтобы последняя выполняла для него подобного рода работу. Еще примечательнее признание самого Ильгнера о том, что отношения с верховным командованием вооруженных сил были установлены еще в 1928 г.

Как всегда, операции ИГ были внешне респектабельны. Руководителем статистики у Ильгнера был д-р Рейтингер, считавшийся одним из лучших специалистов по статистике Германии. Он много путешествовал по разным странам, включая США, Англию, Россию и Францию (самые серьезные потенциальные противники Германии), и в каждой из этих стран встречался с виднейшими статистиками и экономистами, общался с ними на

почве научных интересов и договаривался о взаимном обмене статистическими данными.

О том, насколько высоко ценило военное ведомство осведомительную службу ИГ, свидетельствует письмо, которое главный руководитель сбытовой организации ИГ Георг фон Шницлер получил от офицера контрразведки верховного командования вооруженных сил — полковника Пикенброка:

«Я хотел бы сообщить вам, что я покидаю свой нынешний пост и вскоре уезжаю из Берлина, получив командную должность на фронте. Я особенно хочу поблагодарить вас за ваше ценное сотрудничество с моим учреждением. Я всегда сохраню приятное воспоминание о личном и служебном сотрудничестве с вами.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы просить об оказании такого же содействия моему преемнику по должности подполковнику Ганзену».

Военное ведомство настолько высоко ценило разведывательную службу ИГ вообще и, в частности, некоторые определенные ее работы, вроде составления обзоров объектов авиационных бомбардировок, что одной из серьезных забот Ильгнера было предотвращение захвата, в буквальном смысле слова, ряда отделов его конторы верховным командованием вооруженных сил. Вопрос, в конце концов, был разрешен тем, что некоторые более молодые сотрудники были зачислены на военную службу и одели военную форму, но остались на своих старых постах в разведывательной службе ИГ.

Контора в Берлине была центром этой службы, но периферия ее находилась в иностранных государствах, в том числе и в США. Поразительно мало информации о нацистском шпионаже и о борьбе с ним дошло до сведения американской общественности как в годы второй мировой войны, так и в предшествовавшие ей годы нарастающего политического напряжения. Такое положение было полным контрастом тому, что происходило в годы первой мировой войны, когда в шпионаже оказались замешаны такие видные дипломатические фигуры, как Франц фон Папен¹.

¹ В то время германский военный атташе в США. (Прим. ред.)

Федеральное бюро расследований США незадолго до начала второй мировой войны провело несколько расследований и создало этим делам большую газетную рекламу. Но результаты их были не особенно значительны. Два нацистских агента — д-р Игнац Грибль и Вернер Гуденберг ускользнули от ареста и бежали из США на немецких пароходах. Несколько других, явно мелких сошек, были арестованы, в том числе парикмахерша Иоганна Гофман, бывший солдат Гюнтер Румрих, авиамеханик Отто Фосс, солдат авиации Эрих Глазер. Когда началась война, облава на нацистских шпионов и диверсантов была приостановлена, после того как на восточном побережье США удалось задержать вражеских агентов, высаженных с подводной лодки.

И все-же так и не были опубликованы доказательства наличия разветвленной и эффективной системы нацистского шпионажа. Как саркастически отметил Ричард Уильмер Роуэн, автор книги «Тайные агенты — против Америки», в 1939 г.:

«Во время великого расследования нацистского шпионажа, в котором не был задет ни один крупный нацистский шпион, представители правительства Соединенных Штатов разработали метод, с помощью которого дело оставалось, в конце концов, в том же положении, в каком оно было начато. Всякий раз, как немецкий агент появлялся перед федеральными чиновниками в Нью-Йорке и заявлял им, что он будет рад рассказать все, что знает, он тотчас же переставал быть подозреваемым, хотя бы действительно рассказал все, что знает. Это оказалось безошибочным способом быть освобожденным и затем поехать прямо домой, в Германию».

Тот факт, что публиковалось мало сведений о нацистском шпионаже, не означал, конечно, что в США не было нацистского шпионажа. Это даже не означало, что федеральное бюро расследований и военная разведка не принимали контрмер. В деле контрразведки является аксиомой, что слежка за вражеским агентом может привести к дальнейшим разоблачениям; если же он арестован, все нити обрываются. Но ясно также, что малое количество опубликованных сведений вводило страну в заблуждение, хотя бы в том отношении, что нацисты

имели в качестве своих агентов не только парикмахеров или армейских дезертиров.

Вслед за крахом германской кайзеровской армии в 1918 г. немецкие военные руководители подвергли пересмотру все свои действия. Они расследовали, они критиковали, они планировали заново. Из поражения родились новые идеи. Людендорф и фон Сект стали проповедовать внезапную и тотальную войну. Глава разведывательной службы германского генерального штаба полковник Вальтер Николаи использовал концепцию Людендорфа и создал то, что Курт Рисс¹ назвал «тотальным шпионажем».

Согласно немецкой военной теории, разработанной в период между двумя мировыми войнами, все ресурсы страны, вся ее экономика, все ее политические учреждения должны быть организованы для полной поддержки механизированной и хорошо обученной армии, которая должна нанести удар внезапно и с потрясающей силой. Это хорошо известный план «блицка» — молниеносной войны. Этой системе молниеносной войны соответствовала совершенно новая концепция шпионажа. По мнению полковника Николаи, Мата Хари² и шпион-военнослужащий, орудующий в полудюжине различных военных мундиров, так же устарели, как и окопная война. Зловещий шпион-специалист, вышедший из преступного мира, также неуместен. Для сбора информации и передачи ее в центр осведомительной службы должны быть использованы все внешние связи страны.

Что же могло лучше соответствовать этому новому типу шпионажа, как не коммерческие концерны, торгующие со всеми частями света и соприкасающиеся в ходе своих повседневных дел с важной технической информацией? Во многих странах, во всех концах света имелась наготове сеть ИГ Фарбениндустри.

¹ Курт Рисс — немецкий публицист, эмигрировавший из Германии в США и выпустивший там несколько книг о гитлеровской Германии, из которых наибольшую известность получили книги «Величие и падение германских генералов» (1944 г.) и «Нацисты уходят в подполье» (1945 г.). (Прим. ред.)

² Мата Хари — известная немецкая шпионка. (Прим. ред.)

Соединенные Штаты занимали такое видное место в немецких планах, что ИГ счел нужным создать здесь специальную организацию, называвшуюся Кемнико инкорпорэйтед (Chemnuso Inc.), для выкачивания из США технической информации, имеющей военное значение.

Кемнико была небольшой фирмой; она имела всего лишь около 30 служащих, причем большей частью они были американскими гражданами. Считалось, что ее акции принадлежат американцам. Многие из видных руководителей ИГ были в тот или иной период времени связаны с Кемнико. Таковы Вальтер Дуисберг, сын известного Карла Дуисберга; Дитрих Шмиц, брат Германа Шмица, и Рудольф Ильгнер, брат Макса Ильгнера. Руководители ИГ посылали в Америку в качестве своих представителей людей, которым они могли вполне доверять. Если же прочие работники Кемнико и не были родственниками главных руководителей ИГ, то во всяком случае это были вполне «надежные» американские граждане немецкого происхождения с совершенно определенными симпатиями. Так, например, последним председателем правления Кемнико был химик Карл Хохсвендер. Он получил подготовку в немецких университетах и в аппарате ИГ в Германии. Затем в 30-х годах он был направлен в США для переговоров со Стандард ойл, остался там и стал американским гражданином.

Хохсвендер преуспел в США. Он вел образ жизни зажиточного обитателя нью-йоркского пригорода, был членом хороших клубов, равно как и «Немецкого ферейна». Он жертвовал на «Немецкий дом» при Колумбийском университете, на Американский комитет немецкого фонда помощи, на Немецко-Американское благотворительное общество и Немецко-Американскую школьную ассоциацию.

К Хохсвендеру обращались при проведении кампании по привлечению симпатий к нацизму. Так, в октябре 1938 г. он получил письмо от Фридриха Гейзера, директора «Немецкого дома» при Колумбийском университете, в котором говорилось:

«Университет наводнен антинемецкими книгами. Поэтому весьма желательно, чтобы была представлена и немецкая сторона... Вы должны помочь нам для того,

чтобы мы сумели поддержать это начинание в интересах лучшего понимания Великой Германии».

В мае 1939 г. он вновь получил письмо от Гейзера: «Отправляясь в конце недели в Европу, отчасти по делам «Немецкого дома»,... могу ли я просить Вас сделать такое же пожертвование, как и в прошлом году?

Я не хотел бы быть назойливым, но вы поймете, что я очень озабочен нашей работой, никогда не имевшей такого большого значения, как сейчас».

Официально Кемнико представляло собой агентство по «техническому обслуживанию». Единственным его клиентом был ИГ. Как именно такое агентство могло извлекать военно-промышленную информацию, — ясно видно из меморандума ИГ, обнаруженного в Германии, в котором обрисованы функции Кемнико:

«Совершать по заданию ИГ посещения, осмотры, обследования и оценки технического, финансового, экономического и промышленного порядка, касающиеся любой существующей или планируемой отрасли промышленности... и представлять, если нужно, подробный доклад.

Знакомиться по заданию ИГ с американскими патентами, процессами, изобретениями с научной, технической, коммерческой и практической точки зрения...

Если интересы ИГ того потребуют, то выполнять такие же задания и в Канаде».

Значительная часть информации, добытой фирмой Кемнико, так и останется неизвестной внешнему миру. Когда агенты правительства США вскоре после Пирл-Харбора явились для изъятия бумаг Кемнико, то они обнаружили, что Рудольф Ильгнер уничтожает те бумаги, которые он, видимо, считал наиболее важными. Но все же осталось достаточное количество материалов, которые представили большой интерес для офицеров военной разведки США.

Так, имелись подробные обзоры более чем по 50 странам, аппарат для секретной связи, аэрофотоснимки Нью-Йорка и его окрестностей и много промышленных чертежей. Была и информация, касающаяся железных дорог и шоссе. Особенно полной являлась коллекция карт фирмы Кемнико: тут были карты угольных шахт и линий

электропередачи; диаграммы промышленных установок; карты нефтяных районов, нефтеперегонных заводов, нефтепроводов и маршрутов танкеров; имелись топографические карты побережья США и портов; а на одной карте значился заголовок: «Острова Вест-Индии и подступы к Панамскому каналу».

Как уже было указано выше, берлинским центром ИГ по сбору иностранной информации был статистический отдел берлинской конторы (известный как ФОВИ), руководимый странствующим статистиком Рейтингером. Рудольф Ильгнер направлял всю добытую им информацию в ФОВИ Рейтингеру и через него военному ведомству. Когда началась война, связь стала затрудненной, но все же информация продолжала передаваться. 11 октября 1939 г. Рудольф Ильгнер писал своему секретарю:

«Как сообщает ФОВИ, последнее наше письмо, полученное ими, датировано 18 августа. Сообщите, пожалуйста, г-же Коннер, чтобы она впредь пользовалась двумя конвертами, на одном из которых будет значиться адрес: г-ну Рейтингеру, Берлин, Унтер-ден-Линден, 82; этот конверт должен быть помещен в другой конверт с адресом: ARCA — Ациенде Риуните Колоранте, Аффини S. A., Милан — 5/6, виа Луиджи Гальвани, 12, почтовый ящик 3593».

После вступления Америки в войну фирма Кемнико была секвестрирована правительством США и к апрелю 1942 г. была ликвидирована. Но люди, работавшие в Кемнико, остались. Никого из них не тронули в течение всего периода войны.

Так, например, Рудольф Ильгнер временно отошел от дел и занялся хозяйством на своей ферме Редлин, близ г. Канаан, в штате Коннектикут.

Ильгнер — уроженец Кельна. Он был участником первой мировой войны, награжден железными крестами I и II класса. Затем он служил в добровольческом корпусе, действовавшем в Рейнской области. Он начал деловую карьеру в одном из берлинских банков, а затем служил в одной из подчиненных ИГ фирм. В 1923 г. он был послан в Нью-Йорк, в 1930 г. он стал американским гражданином. Вся его деловая карьера прошла в химических фирмах, связанных с ИГ. Он возглавлял статисти-

ческий отдел фирмы Америкэн ИГ (напомним, что отдел Рейтингера в Берлине также назывался статистическим), а в 1937 г. вместе со всем своим отделом перешел в Кемнико в качестве вице-председателя этой фирмы.

Ильгнер был преуспевающим деловым человеком. Война прервала его работу для ИГ, но по мере восстановления мирного положения ничто не могло помешать ему вернуться в американскую деловую жизнь.

Когда американские войска оккупировали Германию, роль ИГ как поджигателя войны была уже достаточно ясна. Все, что было обнаружено и установлено в ходе проведенного в Германии расследования, доказало, что ИГ и его руководители должны были бы предстать в числе военных преступников на Нюрнбергском процессе. А между тем представители ИГ в Соединенных Штатах, в том числе и люди, замешанные в прямой шпионской деятельности против своей второй родины, провели всю войну в безопасности и комфорте и продолжают оставаться весьма уважаемыми гражданами.

В большинстве стран, в которых ИГ не имел специальных филиалов, вроде Кемнико, его берлинская контора была представлена специальными агентами, так называемыми *Verbindungsmänner* — агентами связи. Обычно это были представители ИГ по сбыту, имевшие прочное положение; их шпионская деятельность происходила под прикрытием повседневной деловой активности. Чтобы заинтересовать их в этой деятельности, им уплачивалась из Берлина определенная сумма денег.

Часть деятельности этих специальных агентов сводилась к обычной коммерции; так, например, они представляли обзоры положения, перед тем как ИГ предпринимал строительство новых заводов за границей. Частично они были заняты информированием ИГ о политической ситуации. Но они также занимались прямым военным шпионажем. Так, доклады из Латинской Америки включали подробные сведения о портах, движении судов и караванов, отгрузке военных материалов, сооружении важнейших шоссе и мостов, развитии военно-морских и воздушных баз.

Разветвленная и эффективная заграничная агентура ИГ неизбежно должна была быть использована нацистской партией для ее политической деятельности за границей. Заграничная агентура нацистов называлась «Auslandsorganisation» (АО). Вначале происходили трения между давно сидевшими на своих местах агентами ИГ и новыми пришельцами из АО. Но энергичный Макс Ильгнер вскоре все это урегулировал. Вернувшись в Германию из поездки по Латинской Америке в 1936 г., он мог сообщить:

«Сотрудничество с германскими властями за последние годы улучшилось и стало более интенсивным, в особенности сотрудничество с заграничной организацией нацистской партии — оно постоянно развивается во все более позитивном направлении».

Причина этого все более успешного сотрудничества с нацистской партией разъяснена в другом докладе Ильгнера в 1937 г.:

«Ни в коем случае не будут посланы в наши заграничные компании лица, не принадлежащие к немецкому «Трудовому фронту» и не проявившие положительного отношения к «новому порядку». Посылаемые лица должны считать своим особым долгом представлять немецкий национал-социализм... Вступая на службу в наши компании, они должны установить контакт (с местными организациями партии)... и регулярно участвовать в собраниях последних... Отдел сбыта должен позаботиться о соответствующем снабжении их национал-социалистской литературой».

Услуги, оказываемые ИГ нацистам за границей, были многочисленны. Исходя из теории, что немец всегда останется немцем, фирмы за границей обязаны были поддерживать немецкую культуру путем создания чисто немецких учреждений. ИГ щедро жертвовал на строительство немецких школ, церквей, больниц и клубов во всем мире. ИГ дал также большие суммы для финансирования заграничных организаций нацистской партии. Данные, обнаруженные в его главном архиве во Франкфурте, указывают, что с 1940 по 1942 г. заграничным нацистским агентам было послано около 10 млн. марок только через Байеровские агентства ИГ.

Когда дело касалось поощрения нацистской пропаганды, ИГ использовал свое влияние непосредственно, не обращаясь к каким-либо посредникам. Если иностранная газета недружелюбно относилась к нацистскому государству, то ИГ переставал помещать в ней объявления. ИГ принудил одного из своих американских сателлитов — фирму Стерлинг Продактс — проводить такую же линию. В 1936 г. эта фирма получила от ИГ письмо, в котором было высказано требование, чтобы она включала в свои будущие договоры на рекламу «юридический пункт, в силу которого договор может быть немедленно аннулирован, если позиция газеты по отношению к Германии изменится». Чтобы подкрепить это указание, было послано письмо одному работнику фирмы Стерлинг, немцу по происхождению, о том, что «он должен знать, что нацистская партия в Германии следит за ним и за его действиями».

Одним из значительных достижений пропаганды, проводившейся ИГ в пользу рейха, было привлечение на службу Айви Ли. Напомним, что Айви Ли был в Америке пионером искусства обработки общественного мнения. Он посвятил себя трудному делу превращения всем известного Джона Рокфеллера из индустриального пирата с крепкими кулаками (согласно изображению Иды Тарбелл и Линкольна Стеффенса) в добропорядочного старого филантропа, делающего добрые дела при помощи сверкающих пяточков (согласно изображению Айви Ли). При проведении конгрессом США (комиссией Дикштейна) расследования в 1934 г. выяснилось, что Ли усердно распространяет прогитлеровскую пропаганду.

Ли, защищаясь от обвинений, заявил, что он нанялся на службу не нацистского государства, а ИГ Фарбен-индустри. В действительности же ИГ выступал как посредник от имени Германии. Возможно, что мысль о привлечении Ли родилась в результате тесных связей между ИГ и «Стандард ойл ов Нью-Джерси»: что было пригодно для Рокфеллеров, то было заведомо пригодно и для ИГ. Так или иначе, Макс Ильгнер ангажировал Ли, привез его в Германию и ввел его в самые высшие правительственные круги для того, чтобы облегчить его работу.

Как показал сам Ли: «д-р Ильгнер представил меня ряду министров. Он вместе со мною посетил Геббельса, вице-канцлера фон Папена, министра иностранных дел фон Нейрата, министра хозяйства Шмидта».

Нет данных о том, какую пользу Ли принес Германии. Но во всяком случае он и ИГ попытались сделать это. Ли показал, что встретился с Гитлером и что дал указания пропагандистского характера ряду высших немецких чиновников. Он признал также, что получил и использовал целые кипы нацистской литературы, включая антисемитскую пропаганду. Как он сам сказал, пожалуй, с некоторым огорчением: «Мы получали книги, брошюры, газетные вырезки и документы без конца».

Давление, оказываемое через картели, маскировка капиталовложений, поддержка нацистских агентов, пропаганда в пользу нацистской Германии — всеми этими способами ИГ вносил свой вклад в дело гитлеровской тайной войны. Но, пожалуй, наиболее тесная связь с военным ведомством осуществлялась через специально созданное Армейское бюро связи, именовавшееся *Vermittlungsstelle W* (бюро связи W). Д-р фон Шницлер так характеризует причины создания этого нового бюро связи:

«В 1934 г. вооруженные силы приобрели большое значение, а с 1936 г. они все в возрастающей степени стали осуществлять все более значительные капиталовложения для выпуска продукции решающего военного значения... С 1936 г. эта тенденция окончательно приняла военный характер, и военные соображения выступили на первый план. Параллельно с этим отношения между ИГ и вооруженными силами стали все более и более тесными, и установление постоянной связи между деятелями ИГ, с одной стороны, и представителями вооруженных сил, с другой, явилось следствием такого положения».

Функции этого бюро связи W заключались, согласно отчету ИГ от декабря 1935 г., «в создании внутри ИГ организации по вооружению, которая легко могла бы войти в существующие рамки... В случае войны ИГ будет рассматриваться соответствующими инстанциями, ведающими вопросами вооружений, как единый большой

завод, который... сам будет регулировать свои дела без всякого вмешательства извне... К сфере деятельности бюро связи IG относится... постоянное сотрудничество в вопросах вооружения и техники между имперскими властями и предприятиями IG».

Все это как будто уже известно. На первый взгляд эти отношения не особенно отличаются от тех, которые установились между американскими промышленниками и правительством США во время войны. Но есть разница по существу: IG стал работать для нацистского государства, которое определенно вступило на путь агрессии с целью мирового господства. Есть также и разница во времени: тесное сотрудничество между правительством и деловыми кругами Америки фактически началось 7 декабря 1941 г.; в Германии же подобное сотрудничество началось в 1934 г. И в этом тоже был свой смысл: для немцев война началась в 1933 г., когда Гитлер стал канцлером.

Какое серьезное значение имело Армейское бюро связи, видно хотя бы по тому, кто был поставлен во главе его. Профессор Карл Краух был одним из самых видных руководителей IG, он сочетал в себе качества ученого и администратора в духе традиции Боша и Дуисберга. Многие из специалистов IG считали, что он скорее, нежели тайный советник Герман Шмиц, должен был быть преемником Боша в качестве председателя правления IG. Краух оказался таким ценным специалистом, что был поставлен во главе всего строительства химических предприятий по четырехлетнему плану Геринга и оставался на этом посту все время войны.

В результате работы, начатой Армейским бюро связи, IG расширил свою программу военного производства. Все исследовательские работы велись совместно с офицерами вооруженных сил (хотя IG никогда не забывал при этом оформлять свои патентные права). Военное министерство и IG сносились между собой непосредственно, без всяких бюрократических препон.

И, наконец, IG напрактиковался в искусстве беспрепятственного проведения своих операций во время войны. Начиная с 1934 г. бюро связи организовало так называемые «военные игры». Инженеры IG и офицеры воору-

женных сил сообща устанавливали задания для каждого завода, указывая, что следует делать, если воздушные силы Геринга не добьются полного успеха и последуют воздушные налеты союзников. Благодаря «военным играм» они смогли установить, где следует разместить бомбоубежища, каковы наиболее уязвимые места заводов и как подготовиться к замене их. Эти подготовительные меры полностью оправдали себя: в результате воздушных бомбардировок ИГ потерял только 13% своей производственной мощности.

* * *

ИГ Фарбениндустри, может быть, и относился к Гитлеру без особых симпатий в первые дни его прихода к власти, но когда дело было налажено, ИГ указал путь всей немецкой промышленности в оказании самой тесной поддержки нацистскому правительству. Поддержка Гитлера оказалась выгодным делом вплоть до самого конца войны. Можно было спокойно позабыть о нацистах с безумными глазами, о рядовых нацистах, о тех, кто вначале поверил первым речам Гитлера и его угрозам расправиться с крупными монополиями. Грубые манеры штурмовиков — это пустяк по сравнению с ростом прибылей.

Дело в том, что Гитлер понял лучше своих предшественников в германском правительстве, насколько ИГ сможет удовлетворить потребности Германии в предстоящей войне, обеспечив ее всем необходимым. Он оказал химическому тресту более значительную поддержку, чем даже собственный ставленник треста — Брюнинг.

Возьмем для примера вопрос о синтетическом жидком топливе. Это был венец достижений ИГ. Брюнинг поддержал синтетические продукты ИГ введением импортного тарифа. Но даже и этого было недостаточно. Стоимость опытов выражалась в сотнях миллионов марок. Натуральный бензин был дешев, и синтетический плохо окупал себя. В 1932 г. правление ИГ даже обсуждало вопрос, не бросить ли все это дело. В это время два наиболее видных нациста из числа членов правления ИГ — Бютефиш и Гаттино были посланы с поручением к Гитлеру. Он хорошо принял их, заверив, что производ-

ство синтетического бензина входит в его программу. Став канцлером, он позаботился о дальнейшем повышении таможенных пошлин на бензин.

Два «достижения» Гитлера завоевали ему симпатии не только руководителей ИГ, но и всех крупных предпринимателей. В фашистской Германии не было стачек, а через год после прихода Гитлера к власти в Германии не было уже организованного рабочего движения, существовало лишь героическое и численно все уменьшавшееся подполье, переставшее быть ко времени начала войны политически значимым фактором. Не нужно было также разрешать никаких проблем заработной платы и условий труда. Реальная заработная плата оставалась после 1933 г. на низком уровне. 60-часовая рабочая неделя стала обычным явлением, даже до начала войны. Это и был ответ на призывы Стиннеса, Шахта, Дуисберга в 20-х годах: больше работы, меньше социального обеспечения. Одним из результатов удлинения рабочего дня был рост числа несчастных случаев на производстве (с 34 на тысячу рабочих в 1932 г. до 60 в 1938 г.). Какой предприниматель не уделит бы часть своих прибылей за возможность вести дела, не опасаясь стачек и не занимаясь переговорами о заработной плате? Гитлер дал им все это даром. От них требовалось только работать на войну, которая сама по себе была прибыльным делом.

В период экономической войны при Гитлере ИГ Фарбениндустри достиг наибольшего размаха в своей производственной деятельности. Начав с красителей, ИГ перешел к тяжелым химикалиям, к связыванию азота, к производству искусственного жидкого топлива и синтетического каучука, к производству фотоматериалов, фармацевтики, взрывчатых веществ. Помимо того, он добывал значительное количество угля и других важных видов сырья. Теперь, на последних этапах подготовки ко второй мировой войне, ИГ Фарбениндустри находил все новые и новые сферы деятельности. Вполне естественно, что он стал производить пластмассы. Он проник в промышленность легких металлов, утроив свое производство магния за шесть лет, с 1935 по 1941 г.

В 20-х годах профессору Бошу приходилось заботиться о том, где взять капиталы для поддержки своих

новых начинаний. Эти времена прошли. В течение десяти лет гитлеровского режима, с 1933 по 1943 г., ИГ имел возможность инвестировать более 4 млрд. марок в новые предприятия или в расширение старых. Значительная часть этого капитала была предоставлена гитлеровским правительством.

Все мечты стали сбываться. Карл Дунсберг годами толковал о сотрудничестве между промышленностью и сельским хозяйством, об увеличении производительности последнего. Теперь Гитлер выдвинул свою программу обеспечения Германии собственным продовольствием в максимально возможной степени. Более интенсивное сельскохозяйственное производство означало большую потребность в удобрениях; больше удобрений — это значит больше азотных продуктов из воздуха на заводе ИГ в Лейна и больше прибылей, как и предвидел Дунсберг.

Для статистика прозанческий баланс ИГ Фарбен-индустри с 1932 по 1943 г. звучит как победный рапорт. ИГ всегда был жаден до прибылей. Даже в худшие годы кризиса он показывал доход. Но после 1932 г. он поистине нашел золотые россыпи. Каждый год его оборот и прибыль свидетельствовали о дальнейшем росте. Валовой доход за 1943 г. был в шестнадцать раз больше, чем в 1932 г. ИГ Фарбениндустри был гигантским концерном уже в момент своего создания, в 20-х годах. Но валовой его доход в 1943 г., выражавшийся в 822 млн. марок, был больше, чем весь его капитал в 1925 г.

Однако самое лучшее было еще впереди. До начала молниеносной войны дела еще ограничивались нормальной практикой купли-продажи. Но после того как немецкая армия начала свой триумфальный марш, весь европейский континент оказался открытым для германского грабежа. Когда нацистские завоевания достигли наибольшего размаха, осуществилась мечта Дунсберга об экономическом блоке от Бордо до Одессы.

КРОВАВАЯ ЖАТВА

По всей Германии происходили торжества, когда в последний день сентября 1938 г. был подписан Мюнхенский пакт. Без единого выстрела Чемберлен и Даладье отдали Гитлеру пограничные районы Чехословакии, открыв тем самым ему стратегические ворота ко всей Центральной и Восточной Европе. На следующий день войска генерал-полковника фон Лееба пересекли Богемский лес, чтобы овладеть добычей.

Среди телеграмм с поздравлениями, наводнивших имперскую канцелярию в Берлине, была телеграмма и от председателя правления ИГ Фарбениндурии:

«Фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, Берлин. Под глубоким впечатлением возвращения Судетско-исмецкой области рейху, которого достигли вы, мой фюрер, акционерное общество ИГ Фарбениндурии передает в ваше распоряжение полмиллиона рейхсмарок для использования в Судетско-немецкой области. Герман Шмиц».

Шмиц не изображал из себя льстивого придворного, когда заявлял, что это произвело на него глубокое впечатление. За неделю до подписания Мюнхенского пакта он заключил сделку с нацистским правительством, в силу которой к ИГ переходил контроль над крупнейшими фабриками красителей в Чехословакии. 500 тыс. марок — это была не покупная цена, даже не взятка. Спустя неделю после перехода немецких войск через границу представитель ИГ уже заправлял чехословацкими фабриками красителей.

Для немецкого крупного капитала вторая мировая война открыла невиданные дотоле возможности грабежа. Сотрудничество с армией пригодились для этой цели как нельзя лучше. Представитель немецкого генерального штаба заявил:

«Противник не должен больше иметь возможности производить. Он не должен больше отравлять нам жизнь своей конкуренцией. Он не должен больше иметь мощную промышленность, которая дала бы ему возможность затеять новую и, быть может, более успешную для него войну. Он должен поэтому быть раздавлен, а его производительные силы должны быть отняты у него».

Летним днем 1945 г., когда война была уже позади, а немцам оставалось лишь взирать на свои разрушенные бомбардировками города и планировать новое возрождение, на улице Франкфурта директор ИГ остановил одного американского офицера. Директор был настроен оптимистически; многие из его коллег-директоров сидели в тюрьме в ожидании допроса. Его миновала эта участь, и он полагал, что перед ним открываются широкие перспективы. Американец принадлежал к группе полковника Бернштейна, занимавшейся расследованием деятельности ИГ. Немец спросил его:

«Зачем вы закрываете наши предприятия? Мы бы подобных вещей не делали». И он усмехнулся: «Если бы мы завоевали вашу страну, то заводы работали бы невиданными темпами — производили бы для нас».

Германская армия последовательно захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию и все остальные страны Центральной Европы. История ее продвижения была запечатлена в заголовках газет. Продвижение немецких промышленников не было описано в газетах, но они захватили такое же пространство. ИГ захватил, например, ценное имущество в каждой стране, завоеванной нацистами. По этому вопросу выводы, сделанные комиссией Бернштейна, были так убедительны, что даже Макс Ильгнер, никогда не признававшийся в том, от чего можно отречься, вынужден был сказать:

«Общий курс политики нацистского правительства в завоеванных странах заключался в том, чтобы взять от них как можно больше... ИГ играл важную роль в приспособлении промышленности этих стран для надобностей нацистской военной машины... ИГ приобрел новые компании, увеличивал долю своего участия в других

компаниях и осуществлял огромные капиталовложения в захваченных странах».

Другой член правления ИГ Фарбениндустри, д-р Кюпер сделал еще более определенное заявление:

«Насколько я знаю, ИГ Фарбениндустри, его директора и служащие полностью оправдывали и одобряли нацистскую агрессию против Польши, Чехословакии и Франции. ИГ получал большие выгоды от этих завоеваний».

Вообще говоря, летопись ИГ изобилует примерами всех тяжких преступлений, совершенных нацистами во время второй мировой войны. В то время как рядовой фашистский солдат посылал домой все, что ему удавалось захватить, — от колбасы до обуви, ИГ грабил и приходоовал целые заводы. ИГ сыграл свою роль в деле отправки миллионов невольников из завоеванных стран на работу в Германию. ИГ имел свою тайную, но достаточно отвратительную долю участия в использованных ужасных фабриках смерти в Освенциме, Майданеке и др.

Единственным гитлеровским преступлением, которое уважаемые немцы осуждали в разговоре с американцами, была кампания истребления евреев. Может быть, в этом признавались потому, что слишком уж открыто это провозглашалось в течение ряда лет. Неизменно директора ИГ, желавшие создать себе хорошую репутацию в глазах американцев, выкапывали из прошлого историю с каким-либо евреем, которому помогли выбраться за границу или остаться удел несколько дольше, чем другим. Между тем, несмотря на все это, как видно из данных о грабежах во всех странах, ИГ час-тенъко обогащался, захватывая «не-арийское» имущество.

Австрия. Захват Австрии значился в программе немецких националистов еще задолго до Гитлера. Напомним, что причина, выдвинутая Гитлером для оправдания вступления в Австрию в марте 1938 г., заключалась в притеснениях, чинимых австрийской нацистской партией. Как бы там ни было, нацисты вступили в Вену и остались в ней. Американский еженедельник «Нью

рипаблик» возмущенно заявил, что это «самая ужасная ошибка Гитлера», т. е., что на сей раз Гитлер настолько задел чувства цивилизованного мира, что он уже не сможет выпутаться из создавшегося положения. К сожалению, прошел ряд лет, прежде чем удалось отобрать у Гитлера его пропитанную кровью империю, да и то удалось это союзным войскам лишь постепенно, применяя силу, а отнюдь не в результате одного негодования.

Добычей ИГ в Австрии стал ведущий химический концерн — Пульверфабрик Шкода верке Ветцлер. ИГ уже в течение ряда лет зарился на это предприятие, но не мог откупить его у австрийского концерна. Пребывание немецких войск на австрийской территории положило конец всем спорам.

Процедура захвата Шкода верке Ветцлер типична для всей деятельности немцев в захваченных странах Европы. Фактический контроль над этой фирмой принадлежал крупному венскому банку — Кредитанштальт, в котором господствовала группа Ротшильда. Но после аншлюсса к Ротшильдам был применен высший закон нацизма, гласивший, что в Европе нет места никому, в чьих жилах течет еврейская кровь. Кредитанштальт был захвачен берлинским Дейче банк, принадлежавшим к числу шести крупнейших немецких банков. Он имел то преимущество, что был крупным, надежным и чисто арийским. Вместе с остальными пятью большими банками он делал большие дела: фасад respectable банка скрывал склад награбленного имущества.

Переговоры о контроле над австрийской химической промышленностью поручено было вести Максу Ильгнеру. После того как нечистая кровь Ротшильдов была очищена Дейче банком, Ильгнер сообщил правлению ИГ о том, что «руководство Кредитанштальт и Шкода верке Ветцлер... изменилось. Перед нами — новая ситуация».

Теперь, наконец, правление ИГ Фарбениндустри получило разрешение нацистского правительства приобрести акционерный капитал Шкода верке Ветцлер. Представители ИГ быстро расширили свой австрийский плацдарм. Они захватили еще ряд химических предпри-

ятий, некоторые из них ликвидировали, а оставшиеся слили в новый концерн — Донау-хеми, акционерное общество. Через это общество ИГ держал в своих руках всю австрийскую химическую промышленность.

То, что Донау-хеми создано на основе награбленного имущества, было очевидно. Д-р фон Шницлер так описывает эту сделку: «ИГ приобрел Шкода верке Ветцлер от Дейче банк, который, в свою очередь, приобрел эти предприятия, соучаствуя вместе с нацистским правительством в краже».

Теперь пришла очередь ИГ оказать услугу нацистам, поставив австрийскую химическую промышленность на службу Гитлеру.

Они не только сделали это, но и сильно увеличили производственную мощность Австрии по выпуску столь важных военных материалов, как смазочные масла, высокооктановый бензин, магний и хлор. Программа увеличения производственной мощности потребовала капиталовложений в сумме около 200 млн. марок, около половины которой было предоставлено нацистским правительством.

Чехословакия. В Чехословакии имелась только одна крупная химическая фирма — Ауссигер Ферейн, четвертая по величине химическая компания Европы. На нее-то и устремил ИГ свои взоры, когда Гитлер начал летом 1938 г. кампанию за присоединение Судетской области Чехословакии к Германии.

Повидимому, директора ИГ правильно оценили намерения западных держав. За много месяцев до того, как с благословения Чемберлена в Мюнхене Гитлер устремился на Восток, правление ИГ провело совещание со своими представителями. В июле было составлено подробное описание предприятий Ауссигер Ферейн, и концерн ИГ подготовился к немедленному захвату его, как только с одобрения Англии и Франции чехословацкая граница окажется открытой.

За неделю до вторжения в Судетскую область ИГ заключил сделку с гитлеровскими властями. Два директора ИГ — Вурстер и Куглер — были назначены комиссарами предприятий Ауссигер Ферейн. А спустя

неделю после аннексии Вурстер и Куглер уже заняли свои новые посты на чешских химических заводах. Отныне ИГ мог не беспокоиться о том, что чешская промышленность красителей и прочая химическая промышленность попадет в другие руки, и меньше всего, что она останется в руках самих чехов.

ИГ планировал свои грабительские операции «с перспективой». Он редко прибегал к открытому бандитскому захвату какой-либо компании и не довольствовался чисто физическим захватом. ИГ был консервативной организацией. Ведь вопросы о юридическом праве на владение и о законных претензиях могут вновь всплыть после войны. Поэтому ИГ приходил вслед за немецкой армией в оккупированные страны не просто для того, чтобы *захватить*, а для того, чтобы *купить* предприятия на выставленных им самим условиях.

Вурстер и Куглер распоряжались чешской фирмой, но акции ее все еще находились в руках нескольких чехов и бельгийцев. ИГ начал переговоры о немедленной покупке акций. Чешские акционеры оказались упрямыми; они держались за свои акции или, быть может, не видели причин пассивно относиться к тому, что их грабят, и тем самым придать этому характер законности. Так или иначе, потребовался дальнейший нажим.

На этот раз ИГ действовал через Дрезднер банк, также принадлежавший к числу шести крупнейших немецких банков. Дрезднер банк оказал давление на чешский Живностенка банк, угрожая ему, что он будет секвестрирован германским правительством. Поскольку Живностенка банк владел крупным пакетом акций Ауссигер Ферейн, он сумел убедить директоров этой фирмы пойти на сделку с ИГ.

О последней фазе переговоров Шницлер рассказал: «Редко когда заключалось так быстро, как в этом случае, важное международное экономическое соглашение, включающее так много пунктов и охватывающее так много областей экономики. Соглашение было в принципе достигнуто в течение одного дня и была установлена паушальная сумма... (В течение последующего

месяца) соглашение и все приложения к нему были подписаны».

В Чехословакии, как и в Австрии, ИГ полностью использовал совершенный им прорыв. Он захватил также и прочие фабрики красителей, равно как угольные копи, что позволило превратить всю чешскую промышленность красителей в филиал ИГ.

Польша. В Польше имелось три фирмы по производству красителей, на которые зарился ИГ: Борута, «Воля» и Винница. Тотчас же после 4-недельной кампании, в ходе которой польская армия была разгромлена, ИГ принял меры к тому, чтобы подчинить себе все эти три фирмы.

Как видно, во всех этих случаях ИГ особенно стремился подчинить себе всякого возможного конкурента по производству красителей. Производство красителей являлось старейшей и основной специальностью ИГ. Из года в год оно продолжало приносить большую прибыль. Чрезвычайная продукция для военных нужд могла оказаться невыгодной и сократиться, но что касается производства красителей, то ИГ рассчитывал, что оно всегда будет выгодным делом.

Относительно польских фирм имелись и другие соображения. Нападение на Польшу, в конце концов, вовлекло Англию и Францию в войну. Прошло еще около года, прежде чем начались серьезные военные действия на Западном фронте, но когда они все же начались, то старые, основные предприятия ИГ в Западной Германии оказались уязвимыми. Большой завод в Людвигсгафене находился, например, всего в 48 км от французской границы. Даже сами нацисты не рассчитывали, что кампания во Франции закончится так быстро, как это в действительности произошло. Заводы в Польше должны были служить гарантией на случай любого риска на Западе.

Переговоры о польских фирмах начались через неделю после начала вторжения. Уже через два дня после падения Варшавы нацистское министерство хозяйства поручило двум деятелям ИГ взять в свое ведение все три польских завода красителей.

Следуя обычному порядку, ИГ приступил к покупке этих предприятий. Крупнейшим из трех был Борута, и ИГ сперва сделал предложение его владельцам. Но на этот раз получилась осечка.

Грабеж стал широко развитой системой в нацистской державе. При этом применялись самые разнообразные способы. Правительственное учреждение, именуемое ХТО, выступало в роли попечителя награбленного имущества в восточных странах; оно отказалось продать завод Борута концерну ИГ. На этот раз ИГ пришлось иметь дело не с банкирами, а с эсэсовцами.

Но, в конце концов, летом 1940 г. ХТО известило ИГ о возможности продажи завода Борута. Прошло еще полтора года, прежде чем сделка была совершена. Нет данных, кому и сколько было дано взяток для улаживания этого дела, но Шницлер в одном из своих писем дал следующие указания:

«При сем прилагаются копии писем, которыми я обменялся с д-ром Эйхенауэром... Как вы знаете, д-р Эйхенауэр сыграл большую роль в том, чтобы склонить группенфюрера СС Грейфельта к продаже Боруты ИГ, и я поэтому прошу, чтобы д-ру Эйхенауэру было послано самое сердечное приглашение».

Со вторым заводом красок — Винница — дело обстояло гораздо проще. Считалось, что эта фирма принадлежит Кюльману, французскому партнеру ИГ по картелю. В действительности, ИГ владел 50% акций Винницы, а Кюльман фигурировал лишь в качестве подставного лица. После завоевания Польши ИГ попросту сбросил маску и перевел свою долю капитала на собственное свое имя. Когда и Франция присоединилась к длинному списку побежденных стран и Кюльман превратился из союзника в подконтрольную фирму, то ИГ стал полным хозяином Винницы, притом без неудобства торговаться с эсэсовцами.

Но легче всего оказалось покончить с фирмой «Воля». Шницлер попросту указал министерству хозяйства, что владельцы фирмы не арийцы. Завод был закрыт, его оборудование и материалы проданы. Часть оборудования ИГ купил для себя. Выручка от продажи исчезла по разветвленным каналам нацистского грабежа. Семья,

владевшая заводом «Воля», не получила ничего. Шницлер ничего не сказал в своих показаниях, помог ли он этой семье выехать из страны.

Лишь одна фирма в Польше, производящая красители, осталась вне досягаемости ИГ. Это была фирма Пабьянице, подконтрольная швейцарскому картелю красителей. Швейцарцев спросили, не хотят ли они продать эту фирму, но они отказались сделать это. Пабьянице так и осталась самостоятельной фирмой. Так как мало вероятно, что Германия опасалась швейцарской армии, поэтому кажется вероятным, что немцы считались с правом собственности швейцарцев в обмен на иные услуги, оказываемые швейцарцами,—услуги, выражавшиеся, например, в охране скрытой связи между ИГ Фарбениндустри и ИГ Хеми и большими активами ИГ в США.

Франция. К удивлению генеральных штабов всего мира, включая и германский, ставшая жертвой предательства французская армия была разгромлена после шести недель немецкого наступления. Париж — этот чудесный «город света» — погрузился во мрак. Для французов начался тяжелый период гитлеровского «нового порядка», четыре года голода, унижений и сопротивления, связанного со страданиями.

Катастрофа Франции была большой удачей для ИГ. Во Франции был лишь один действительно крупный химический концерн — компания Кюльман; на всем континенте Европы он уступал по своей мощности только самому ИГ. Кюльман был давнишним партнером ИГ по участию в картелях. Как заметил Шницлер, «отношения между немецкой и французской химической промышленностью всегда были несколько более тесными, чем отношения между другими фирмами в области промышленности красителей». Теперь прежнего партнера, попавшего в трудное положение, соглашались взять в слуги. Первоначальный план ИГ заключался лишь в том, чтобы обеспечить работу французских заводов для военных надобностей Германии. Но вскоре выяснилось, что это излишне: руководители французской химической промышленности, во главе с Жозефом Фроссаром, быстро

изъявили готовность оказывать всяческое содействие. В результате этого аппетиты ИГ возросли. Ведение переговоров и в этом случае было поручено Шницлеру. Вот как он описывает свою тактику:

«Я счел целесообразным предоставить им (французам) вариться в своем собственном соку и решил ждать, когда они попросят начать переговоры официальным путем, через комиссию по перемирию».

Фроссар был озабочен отклонением своего предложения о сотрудничестве. Представитель ИГ прислал следующий отчет о своей встрече с Фроссаром в Париже:

«После вступления, во время которого г-н Фроссар прослезился, он стал говорить о самом себе. Ему теперь 62 года, и если ИГ не намерен вести с ним переговоры, то он готов немедленно уйти в отставку. То же относится и к г-ну Дюшемэн... Представители фирмы Кюльман совершенно ясно представляют себе, что Германия победит в войне и что европейская экономика будет организована под руководством Германии. Фроссар предлагает поставить всю возглавляемую им отрасль промышленности на службу Германии, чтобы усилить химический потенциал для продолжения войны с Англией. Фирма Кюльман готова производить все основные и вспомогательные продукты для ИГ, какие только германская сторона пожелает получить. Он стремится к конфиденциальному сотрудничеству...»

Следует отметить, что Фроссар отнюдь не был единственным коллаборационистом, исключением среди промышленников. В то время как группы в десяток или более бойцов французского сопротивления рисковали жизнью, пытаясь спасти одного союзнического летчика, ведущие французские промышленники охотно принимали условия немцев. Шницлер удостоверяет на основании своего личного опыта, что:

«на базе «лозунга» о сотрудничестве развились связи между немецкой и французской промышленностью, которые фактически охватили всю французскую промышленность... Я могу назвать в виде примера имя г-на Марселя Буссак, крупнейшего текстильного промышленника. Его предприятия были заняты в значительной мере выполнением заказов, прямо или косвенно исходивших от

немецких вооруженных сил. Сам он часто завтракал и обедал с немецкими представителями. То же происходило, насколько я могу судить, и в черной металлургии, а работа фирмы Шнейдер-Крезо для германских вооруженных сил широко известна».

В конце концов, ИГ начал переговоры с представителями французской химической промышленности. Встречи, при которых соблюдался полный дипломатический этикет, происходили на немецком курорте Висбаден.

Французы вновь подтвердили свою позицию. Они были более чем готовы помогать нацистам, но надеялись, что им будет позволено сохранить право собственности на свои предприятия. Они предложили расширить картельный договор, действовавший до войны. Самый несговорчивый из французских промышленников — Дюшемэн — имел наглость напомнить Шницлеру его слова, произнесенные в 1937 г. в похвалу картеля.

Шницлер ответил: «После всего, что произошло, французская точка зрения о сохранении картеля является наглостью и оскорблением».

В конце концов, французы капитулировали, причем первым сдался Фроссар. Вся французская химическая промышленность, включая сюда, кроме Кюльмана, также и фирмы Сен-Дени (St. Deni) и Сен-Клер-дю-Рон (St. Clair du Rhône), была объединена в новый единый концерн, получивший название «Акционерное общество Франколор» (Franicolor). 51 % акций этого общества получил ИГ.

Правление Франколор состояло из восьми членов: четыре от ИГ и четыре французских представителя. Фроссар был награжден за свое сотрудничество постом председателя правления. Французские компании передали этому новому подконтрольному ИГ концерну решительно все свое имущество: предприятия, земли, заграничные активы, патенты и процессы. ИГ позаботился о том, чтобы все евреи были удалены с должностей, занимаемых ими во французских компаниях. Французские химикалии перестали конкурировать с продукцией ИГ на мировом рынке.

Как заявляли представители ИГ, наименьшее значение из всей французской собственности представляли

для них патенты и производственные процессы, ибо в области технического прогресса ИГ далеко опередил французскую химическую промышленность. Это техническое превосходство осталось серьезной угрозой даже и после окончания войны и освобождения Франции. Вполне вероятно, что французская химическая промышленность, руководимая людьми, подобными Фроссару, готова вновь вступить в картели, чтобы иметь возможность воспользоваться немецкими техническими методами. В этом вопросе у Шницлера не было никаких сомнений.

Он заявил американским следователям:

«Я уверен, что французская промышленность была бы только очень рада возобновить картельные отношения с ИГ». И он добавил, пожалуй, с некоторой надеждой: «Если это мое предположение правильно, то я готов разработать более подробно предложения, соответствующие нынешней ситуации».

* * *

Грабеж был важнейшей формой причастности ИГ к нацистским военным преступлениям. Но ИГ был замешан и в еще более грязных преступных делах.

Когда немецкая армия потерпела окончательное поражение и армии союзников с Востока и Запада встретились на Эльбе, мир узнал, что в Германии имеется целых пять миллионов рабов-иностранцев. Их захватили в их родных странах, отправили в Германию и принуждали там работать. Многие из них рассказали, как их захватили на улицах родных городов и посадили в грузовики, не дав даже времени и возможности собрать свои вещи и сообщить о себе своим семьям; они попросту исчезли. ИГ сыграл свою роль в вербовке рабов. Например, одним из условий его сотрудничества с французской химической промышленностью была отправка нескольких сот квалифицированных французских рабочих в Германию для работы на немецких заводах. Кое-кто поехал добровольно, эти пожелали остаться в Германии по окончании войны. Подавляющее же большинство стремилось уехать домой. На некоторых предприятиях ИГ основная часть неквалифицированной рабочей силы состояла из рабов — из людей, привезенных из деревень Центральной Европы.

Затем следует сказать о производстве отравляющих газов. По мере развития военных действий, отравляющие газы стали той отраслью химической войны, которую не применяли, но готовы были применить обе стороны. С немецкой стороны ИГ поставлял 95% всех отравляющих газов.

В ходе послевоенного расследования выяснилось, что ИГ не был удовлетворен теми видами газов, эффективность которых была проверена в первой мировой войне. Велись опыты по изысканию новейших и более эффективных газов.

Эти опыты привели к открытию, по крайней мере, одного нового газа — более ядовитого, чем все дотоле известные, получившего название «табун». По утверждению работников ИГ, ни один известный противогаз не защищал от табуна. Он мог храниться только в стеклянных сосудах. Повидимому, этот газ производился в Восточной Германии, на заводе в Дигернфурте. Работники ИГ, которых допрашивали о нем, с известным удовлетворением отвечали, что завод был полностью разрушен до прихода русских.

Смертоносные свойства табуна были сперва испытаны на обезьянах. Испытания были успешны. Но для ученых из лаборатории ИГ испытания, проведенные на животных, были мало убедительны. Под руководством профессора Гросса газ был вновь испытан, на сей раз на пленных лагеря массового уничтожения в Освенциме.

Значительная часть сведений о газе табун была получена английским офицером, майором Эдмундом Тилли, который в ходе расследования допрашивал д-ра Фрица тер-Меера, одного из виднейших руководителей ИГ. Он был членом правления ИГ, считался выдающимся ученым, ему была поручена реорганизация всей итальянской химической промышленности. Вот выдержки из протокола допроса тер-Меера, произведенного майором Тилли:

«Тер-Мееру был задан вопрос, могут ли быть оправданы опыты на живых людях. Он доказывал, что... заключенные, находившиеся в концентрационных лагерях, не пострадали от этого, ибо все равно они были бы так или иначе убиты».

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Получить перед второй мировой войной интервью у кого-либо из руководящих деятелей ИГ было своего рода журналистским достижением. Архивы ИГ также тщательно ограждались от пытливых посторонних взоров.

Но когда война кончилась, вся проблема интервьюирования свелась к задержанию руководителей ИГ. При просмотре же архивов дело свелось к выявлению важных документов из хаоса, в который эти архивы были превращены.

Все сказанное выше об ИГ относится и ко всей Германии. Вся страна стала доступной для осмотра. Право доступа было завоевано страшной ценой, но все же, наконец, стало возможным оглядеться, собрать разбросанные бумаги, ознакомиться с ними и установить, что было двигателем всего этого дела. Это был единственный в своем роде исторический шанс.

Ознакомление с этим архивом представляло не только исторический интерес. Германия явилась нагляднейшим примером агрессивной воинственной страны XX в. Какова же была природа этого фашистского зверя, который ринулся очертя голову в войну, принесшую гибель ему же самому? Ответ на этот вопрос может помочь разрешить и другую немаловажную проблему: как предупредить дальнейшие войны в мире, вооруженном атомным оружием?

Это не значит, что ничего нельзя было сказать о нацистах в период, когда их могущество и наглость достигли апогея. Но то, что могло быть тогда сказано, — не всегда могло быть доказано. Что иногда могло быть доказано — не было убедительно. И до сих пор некоторые события не совсем ясны, но все же теперь стало возможно дать ответы на основные вопросы.

*Кто руководил Германией: Гитлер, крупные капиталисты или армия?*¹ Уже по истечении первых нескольких лет существования гитлеровского режима стало совершенно очевидным, что начало ему было положено в 1933 г. заключением союза между нацистской партией, организованным крупным капиталом, германским генеральным штабом и влиятельнейшими слоями бюрократии. Так говорили все важнейшие участники этого союза. Американский экономист Роберт Брэди описывал немецкое фашистское государство как «диктатуру монополистического капитализма. Его «фашистский характер» заключается в том, что это деловое предприятие организовано на монопольных началах и имеет полное господство над всеми военными, полицейскими, судебными и пропагандистскими средствами государства».

¹ Нижеследующие «вопросы и ответы», хотя и являются попыткой объективно разобраться в волнующих сейчас американскую общественность проблемах, не дают все же сколько-нибудь удовлетворительного разрешения этих проблем и свидетельствуют о буржуазной ограниченности автора. В частности, Сэсюли не сумел правильно понять природу германского фашизма. В этой связи следует напомнить классическое определение сущности фашизма, данное товарищем Сталиным. Товарищ Сталин указывает, что «партия фашистов является ...наиболее реакционной и враждебной рабочему классу частью империалистической буржуазии» («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 289).

Германская буржуазия, напуганная перспективой развертывания революционного движения в Германии, решила, как указывает товарищ Сталин, «что для сохранения в Германии власти буржуазия есть только одно средство — уничтожить буржуазные свободы, свести к нулю парламент (рейхстаг) и установить террористическую буржуазно-националистическую диктатуру, способную подавить рабочий класс и найти себе базу среди реваншистски настроенных мелкобуржуазных масс» («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 289).

В докладе, посвященном XXIV годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, в ноябре 1941 г., товарищ Сталин следующим образом раскрыл сущность гитлеровской партии: *«Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира... Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов».* — И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, Москва, 1947, стр. 27, 28. (Прим. ред.)

Но выдвигалась кое-кем и такая аргументация: конечно, крупный капитал в Германии принял решения, в силу которых Гитлер оказался у власти. Но придя к власти, он обрушился на своих благодетелей. Он оттолкнул их в сторону. А нацисты, действуя по-гангстерски, захватили значительную часть капиталистических предприятий. Для доказательства правильности этого тезиса ссылаются на судьбу металлургического магната Тиссена¹ и на спрутообразный государственный промышленный концерн Герман Геринг верке.

Конечно, Тиссен был одним из первых благодетелей Гитлера. Верно, что он оказался изгнанным из Германии. Во всем этом нет ничего замечательного.

В какой стране деловой мир так стабилен, что не происходит перемещений? При создании миллионных состояний все время происходят «приливы и отливы» в карьере того или иного капиталиста.

Основное в деле Тиссена заключается в следующем: Тиссен был владельцем металлургических заводов, но когда его изгнали из Германии, то не произошло изменений во владении и руководстве этой отраслью промышленности. Крупн сохранил то прочное положение, какое он занимал с прошлого века. Крупнейший трест Ферейнигте Штальверке, с которым был связан и Тиссен, оставался в 1945 г. в основном в тех же руках, в каких он находился в 1932 г. Пронырливые дельцы вроде Флика

¹ Фриц Тиссен — сын Августа Тиссена, основателя угольного и металлургического концерна. Один из крупных промышленников, оказавших финансовую поддержку Гитлеру. Будучи тесно связанным с англо-французским капиталом, Тиссен являлся одним из вдохновителей «восточного направления» гитлеровской агрессии. Он эмигрировал из Германии в 1939 г., когда возникла война между гитлеровской Германией и западными странами. В своей книге «Я оплачивал Гитлера», выпущенной вскоре после его эмиграции, он объясняет свой разрыв с Гитлером тем, что Гитлер не сумел организовать «единство действий» с западными странами против Советского Союза, несмотря на его, Тиссена, старания. В 1940 г. гитлеровцы захватили в свои руки Фрица Тиссена в Южной Франции. Они сохранили ему жизнь и даже оставили ему большую часть его имущества. В настоящее время Фриц Тиссен находится в американской зоне оккупации и пользуется «покровительством» американских оккупационных властей. (Прим. ред.)

просто продвинулись вперед и заняли немного больше места за столом его правления.

Что касается компании Герман Геринг верке, то это был, действительно, серьезный конкурент. Шницлер из ИГ с горечью сказал, что при грабеже Чехословакии добыча была скудная, потому что «Геринг все забрал себе, и представителям ИГ нечего было делать в Чехословакии». При этом Шницлер «забыл» упомянуть, что ИГ прибрал к рукам всю чешскую химическую промышленность. Но все же концерн Геринг верке давал повод к беспокойству. После захвата Бельгии ИГ вступил в длительный, так окончательно до конца войны и не разрешившийся, конфликт с этим концерном за господство над важной бельгийской химической фирмой Сольвэ.

И опять-таки замечательно то, что больше не возникало дел, аналогичных этому. Быстрое накопление богатства кем-либо — явление интересное, но оно, разумеется, имело место и раньше. В США во время обеих мировых войн возникали крупные состояния неизвестно откуда. Некоторые ранее созданные состояния чрезвычайно увеличились. Что касается Геринга, то политическое влияние проложило ему путь к деловым успехам. Но опять-таки подобное положение можно нередко встретить и в США. Джордж Аллен, часто упоминавшийся в печати в связи с приемами, которые он устраивал у себя для президентов США, быстро выдвинулся и был директором многих корпораций.

То же самое можно сказать и о генералах. Были среди них кое-какие политические жертвы: фон Бломберг и еще несколько человек. Но какая страна вступила во вторую мировую войну и закончила ее с неизменным составом генералитета? Из числа ведущих германских генералов последнего периода войны только Роммель и еще немногие (например, Мильх, из воздушных сил) не были чистокровными юнкерами. И опять можно сказать: поразительно, как мало повлияли нацисты на личный состав верхушки офицерского корпуса.

На одного Тиссена приходится десятки магнатов капитала, сохранивших свои привилегии и престиж и преуспевавших в делах. И на каждого фон Бломберга имелось немало фон Боков, фон Леебов, фон Рунд-

штедтов и фон Манштейнов, полностью сохранивших все традиции своего милитаристского класса.

Поскольку речь идет о грабеже и прибылях, ИГ Фарбениндурии является прекрасным примером того, как хорошо немецкий крупный капитал обделывал свои дела при Гитлере. Что касается привилегий, то в 1945 г. в Германии можно было наблюдать множество примеров сохранения старых привилегий. Все еще существовали прифабричные городки, полностью зависящие от крупного промышленника, например Вейнгейм, зависящий от обувного фабриканта Рихарда Фрейденберга. Когда директор ИГ шел по улице Франкфурта или директор Ферейнигте Штальверке по улице Дюссельдорфа, то их встречали бесконечные низкие поклоны, приподнятые шляпы, шелканье каблуков.

Франкфурт-на-Майне был местопребыванием правления ИГ. Франкфурт слишком велик, чтобы считаться обычным прифабричным городом, и все же господство ИГ над этим городом было еще более всепоглощающим, чем господство Меллона или владельцев сталеплавильных заводов над Питтсбургом. «Франкфуртер цейтунг», пожалуй, наиболее известная за границей немецкая газета, принадлежала евреям и проводила антинацистскую политику. Разумеется, нацисты стали яростно травить эту газету. Редактор ее — Генрих Симон бежал в США и был убит при таинственных обстоятельствах на улице Вашингтона. Вскоре редакторский штаб «Франкфуртер цейтунг» был изменен, но она стала издаваться не местным гаулейтером Шпренгером, а ИГ Фарбениндурии через подставное товарищество (как это было характерно для него) во главе с профессором Бруннером.

До Гитлера председатель правления ИГ Шмиц был личным советником канцлера Брюнинга. При Гитлере Шмиц был членом рейхстага, а почти столь же видный деятель ИГ, профессор Карл Краух стал доверенным консультантом Геринга по проведению в жизнь четырехлетнего плана и в дальнейшем по промышленным проблемам, связанным с войной.

Совершенно очевидно, что гитлеровское государство было порождено союзом крупного капитала, армии и нацистской партии. Союз сохранял свою силу до конца.

Если кто и изменился, то только сама партия, сблизившаяся с капиталистами, избавившись от своих радикальных, антимонополистических элементов.

*Мог ли ИГ Фарбениндустри быть ликвидирован оставшимися в живых участниками антигитлеровского заговора 1944 г.?*¹ Излюбленным занятием послевоенных исследователей Германии были поиски немцев-антинацистов. Таковых оказалось мало. Наиболее видными из них являются немногие оставшиеся в живых заключенные концентрационных лагерей, которых спасла большая физическая сила, сила воли и удача. Следует добавить, что эти немногие после своего освобождения испытывали тяжелое разочарование.

Важнейшим открытым выступлением против Гитлера был заговор 20 июля 1944 г., руководимый коалицией, которую возглавлял д-р Герделер. Заговор Герделера явился поэтому объектом всестороннего анализа органов союзнической разведки. Заговор был близок к успешному осуществлению. Он пользовался серьезной поддержкой. Возможно, что некоторые из числа поддерживавших его лиц продолжают участвовать в политической жизни. Может быть, *они* будут способствовать созданию новой, свободной, мирной Германии?

На этот вопрос следует ответить категорически: нет. Мотивировку этого ответа стоит привести потому, что оставшиеся в живых участники герделеровского заговора имеют серьезные шансы оказаться в числе будущих

¹ Заговор 20 июля 1944 г. был организован той частью правящих классов Германии, которая поняла неизбежность поражения и пыталась спасти германский империализм посредством «дворцового переворота» и сговора с реакционными кругами США и Англии. Во главе заговора стояли реакционно настроенные генералы и консервативные политические деятели веймарского периода, вроде бывшего обербургомистра Лейпцига Герделера. Их непосредственной целью было установление диктатуры военной в Германии и заключение сепаратного мира с Англией и США. Сейчас англо-саксонская и немецкая реакция подымает на щит «деятели 20 июля», изображая их как «героев сопротивления» фашистскому режиму. Это делается с целью реабилитации тех реакционных, империалистических элементов, которые верой и правдой служили Гитлеру до того времени, когда поражение Германии стало неизбежным, а затем «переориентировались» на западные страны и готовы сейчас служить американскому империализму (*Прим. ред.*)

правителей Германии. Если это произойдет, то в той или иной форме ИГ Фарбениндустри опять займет свое место.

Бесспорно, за Герделером стояли влиятельные круги. Среди них были лица, принадлежавшие к высшим кругам делового мира и к генералитету. Короче говоря, это был тот же класс людей, что и руководители ИГ.

Немка, принадлежавшая к семье, стоявшей во главе одного из двух крупнейших германских электроконцернов, заведывала особняком, предназначенным для американского генерала в Берлине; она с сокрушением говорила об уроне, понесенном «голубой кровью» в связи с провалом герделеровского заговора:

«Тех, кто не погиб на восточном фронте, мы потеряли 20 июля».

Люди, поддерживавшие заговор 20 июля, были настолько влиятельны, что могли с успехом попытаться прогнать Гитлера в любое время, начиная с 1933 г. Особенно примечательно поэтому, что они выжидали до середины 1944 г., когда их шансы значительно ухудшились, потому что нацисты сильно укрепились за это время, и многие из числа сочувствовавших заговорщикам считали нежелательным совершать политический переворот в самый разгар войны.

Они так долго ждали *потому, что вплоть до июля 1944 г. они были довольны Гитлером*. Не было и признаков заговора, когда были совершены первые нападения на Австрию, Чехословакию и Польшу. Еще меньше было признаков недовольства, когда германские вооруженные силы захватили всю Западную Европу. Но к середине 1944 г. нацисты были почти полностью изгнаны из России. В июне 1944 г. англо-американские войска высадились в Нормандии. Стало, наконец, ясно, что Германия разбита. Более того, стало ясно, что исключена возможность переговоров о мире с западными союзниками, что позволило бы Германии с новой поддержкой вести войну на Востоке. И вот, спустя месяц была сделана попытка осуществить заговор Герделера. Гитлера хотели убить не за то, что он был неправ, а за то, что он потерпел неудачу.

Высшие правительственные чиновники, руководители деловых кругов и армейские офицеры, поддерживавшие

Герделера, были такими же ультранационалистами, как и нацисты. Война была для них таким же естественным делом, как и для Гитлера. Они попросту были более аристократическими «избранными элементами», по сравнению с «избранными элементами» из пивных. И поэтому они более опасны. Важнейшими целями союзнической оккупации Германии объявлены «денацификация» и «демилитаризация». Никогда эти цели не будут достигнуты, если будут устранены только старые уличные вожаки нацистской партии. Самыми опасными из всех являлись верхушечные слои капиталистов, чиновников и военных, которые к середине 1944 г. заявили что они — против Гитлера.

Оказывают ли картели стабилизирующее влияние на международные отношения? Данные об ИГ являются столь исчерпывающим ответом на этот вопрос, что его стоит рассмотреть лишь потому, что этот старый аргумент о влиянии картелей ныне вновь выдвигается, вопреки всему происшедшему. Картель ничего не стабилизирует. Он лишь *оформляет* взаимоотношения, существующие в определенный промежуток времени между крупными предпринимателями. Можно подписать картельный договор на сто лет, но если произойдет изменение в соотношении сил между его участниками, — он тотчас же распадется.

Силой, разрушающей картели, является более быстрое развитие той или иной из участвующих в нем сторон. И так как более слабые участники картеля остаются на месте, в то время как более сильные продолжают расти, то картель становится превосходным рассадником сначала экономической борьбы, а затем и молниеносной войны.

Подписание в Дюссельдорфе договора о сотрудничестве между английскими и немецкими капиталистами по иронии истории произошло в тот самый день, когда Гитлер своим маршем на Прагу нарушил Мюнхенский пакт¹.

¹ Соглашение между Федерацией британской промышленности и немецкой имперской группой промышленности было подписано в марте 1939 г. в Дюссельдорфе. «Обе организации, — говорилось в соглашении, — согласны в том, что их цель — обеспечить, чтобы

Вся история ИГ Фарбениндурии доказывает, что картели не способствуют стабилизации даже своих собственных отношений, не говоря уже о международных отношениях между правительствами.

Яснее всего это видно, пожалуй, на примере Франции. В этой стране картельные связи ИГ были особенно тесны. Они были также особенно действенны. Французская химическая продукция уменьшалась в объеме, тогда как продукция ИГ непрерывно расширялась. А когда ИГ достаточно продвинулся вперед и разделил со всей Германией победу, картельный договор не был даже изменен. Он просто взлетел на воздух, а французская химическая промышленность, в буквальном смысле слова, перешла к немцам.

Политический союз также не служил гарантией. Из архивных данных ИГ видно, что его руководители серьезно подумывали о том дне, когда они приберут к рукам химическую промышленность своего фашистского союзника — Италии. Картели способны на многое: они могут повышать цены и губить изобретения, но они отнюдь не содействуют установлению международного мира.

Ликвидирована ли полностью германская военная угроза? В американской зоне оккупации Германии не было причинено серьезного ущерба лишь одному сколько-нибудь значительному городу — Гейдельбергу, старинному университетскому городу. Но Мюнхен, Франкфурт, Штутгарт, Нюрнберг — все эти города пострадали в значительной мере. Вюрцбург почти снесен с лица земли в результате 20-минутного воздушного налета в самом конце войны. Берлин — огромный город, раскинувшийся так же широко, как и Чикаго; можно ходить целый день по улицам Берлина и не увидеть ни одного квартала, в котором большинство зданий не было бы повреждено. В Берлине разрушения были вызваны происхо-

в результате соглашения между их отраслями промышленности была устранена нездоровая конкуренция. Они ставят себе цель обеспечить как можно более тесное сотрудничество во всей промышленной системе их стран». Дюссельдорфское соглашение явилось ярким выражением той помощи, которую оказывали английские правящие круги гитлеровской Германии непосредственно перед началом второй мировой войны, пытаясь подтолкнуть германскую агрессию на Восток. (Прим. ред.)

дившими в самом городе грандиознейшими по масштабу уличными боями с применением артиллерии, минометов и ручных гранат. В большинстве других городов разрушения были вызваны воздушной бомбардировкой. На первый взгляд кажется, что Германии причинены непоправимые разрушения. Трудно представить себе, как из этих руин может родиться новая военная угроза.

А между тем, по детальным подсчетам инженеров ИГ Фарбениндурии, концерн к моменту окончания войны потерпел ущерб всего лишь в размере 13% своей производственной мощности. По ориентировочным оценкам, ущерб, причиненный всей германской промышленности в целом, не намного отличается от этой цифры. Основные данные о положении промышленности получены из обзора стратегической бомбардировочной авиации США. Штаб воздушных сил сыграл значительную роль в составлении этого обзора; если он был при этом пристрастен, то в сторону доказательства того, что бомбардировка с воздуха выиграла войну. Между тем, обзор стратегической бомбардировочной авиации убедительно доказывает, что производственная мощность Германии в основном сохранилась. Несмотря на все причиненные повреждения, мощность немецкой промышленности была к концу войны более значительной, чем в начале ее. Крупнейшим препятствием для производства явился развал всей транспортной системы, причем он был в основном вызван самими немцами, которые взорвали свои мосты.

При детальном рассмотрении дела оказалось, что гораздо легче разрушить большую часть жилых домов в городе, чем вывести из строя какой-либо определенный завод, даже при дневном свете и даже если точно известно, где этот завод расположен. Оказалось, что здание завода может испытывать серьезные удары и выглядеть как совершенная развалина, между тем как машинам внутри него не причинено значительного вреда. Оказалось далее, что немцы благодаря практиковавшимся ими с 1934 г. тренировочным учениям отлично подготовились к восстановлению причиненных повреждений. Они хорошо использовали свой огромный избыток

станков, и заводы, казавшиеся разрушенными, вновь вступали в строй в течение нескольких недель.

В этой войне Германия была разбита на полях сражений, а не в результате экономических затруднений. Даже и в последние дни боев германская промышленность все еще могла выпускать продукцию. И она вновь сможет работать в полную мощность для производства вооружения задолго до того, как жители немецких городов смогут переселиться из подвалов, если только не будет изъято в виде репараций значительно больше оборудования, чем было изъято до сих пор¹.

Разумеется, у Германии больше нет армии. Но все же Германия может вести борьбу. Ее промышленность все еще потенциально сильна. И, что важнее всего, Германия остается пунктом скрещения основных проблем международных отношений и местом, где должен быть найден способ их разрешения.

Можно ли было остановить стремление Германии к войне? Бесспорно, после того как Гитлер стал германским канцлером, всему миру стало ясно, к чему это приведет. Гитлер говорил о войне, думал о войне, готовил войну. Это было достаточно ясно и до 1933 г.; это стало бесспорным после 1933 г. Поэтому вопрос сводится к внутренне-германской проблеме: можно ли было предотвратить фашистский режим? Оглядываясь назад на исторические события, легко говорить, что все было неизбежно, потому лишь, что так именно произошло: действительно происшедшие события записаны в истории под крупными заголовками, альтернативы же поблекли и выцвели. Между тем, те, кто поддерживал Гитлера, отнюдь не считали его победу обеспеченной. Им нелегко было пройти мимо того факта, что коммунисты и социалисты вместе взятые собрали 13 млн. голосов. Сами нацисты, лучше всех знавшие размеры истребления своих противников в концентрационных лагерях, не ослабили террора и не открыли доступ в свою партию до 1937 г. Лишь тогда, чувствуя себя прочно, они приняли в свои ряды несколько миллионов ярых оппортунистов, доведя число членов партии до семи миллионов.

¹ О неправильных взглядах Сэсюли по вопросу о репарациях см. вступительную статью. (Прим. ред.)

Для покровителей Гитлера из числа крупных капиталистов вопрос был все время совершенно ясен. В любое время можно было столкнуться с дельцами других стран, заключить с ними сделку, зафиксировать в порядке соглашения между картелями разделение рынков. Но все это лишь скрывало истинную динамику сложившейся ситуации. Экономическое развитие Германии шло быстрее, нежели в какой-либо другой стране Западной Европы. То разделение рынков, которое было приемлемым в один период времени, оказывалось неудовлетворительным спустя несколько лет. Поэтому-то отчаянные попытки «умиротворения», когда малые страны одна за другой отдавались Гитлеру на растерзание, были обречены на провал. Рано или поздно Гитлер должен был вонзить свои клыки в тело Англии и Франции.

На примере ИГ видно, как ясно немецкие промышленники представляли себе, куда ведет этот путь. Некоторые наиболее крупные капиталовложения ИГ в 20-х годах приходились на производство синтетических азотных продуктов, синтетического бензина и синтетического каучука. Эти капиталовложения могли окупиться лишь в том случае, если бы Германия оказалась отрезанной от источников гораздо более дешевой естественной нефти и естественного каучука. А это, в свою очередь, могло произойти, если Германия начала бы войну или была бы близка к ней. Таким образом, крупнейший немецкий концерн готов был поставить всю свою будущность в зависимость от наступления войны. Руководители ИГ понимали, что ничто, кроме революции, не могло сломить агрессивного, поступательного движения германского капитализма.

Стремилась ли нацисты к завоеванию всего мира? После падения Франции нацистское правительство предложило ИГ представить свой план управления химической промышленностью всех завоеванных стран. По-видимому, эта мысль не была чем-то новым для ИГ Фарбениндустрии. В короткий срок ИГ представил свой подробнейший план «нового порядка» в несколько сот страниц. Этот план дает ясное представление о размерах тех богатств, которые немцы считали себя способными освоить.

В отношении завоеванных стран план был исчерпывающе полным. Вся экономика таких стран, как Франция, Бельгия и Голландия, должна была функционировать в интересах Германии. Франции, например, не должно было быть разрешено производить в дальнейшем фармацевтические препараты: немецкая продукция была достаточно велика, и ей не нужно было конкуренции. Должно было прекратиться голландское производство фотоматериалов. В одном из разделов плана немецкие авторы выражают своего рода завистливое восхищение всеохватывающим характером голландской хинной монополии, а затем излагают способы поглощения этой монополии Германией.

К тому времени когда, летом 1940 г., гитлеровское правительство приказало разработать этот план, английские войска были у Дюнкерка уже изгнаны из континентальной Европы. Повидимому, немцы ожидали переговоров о мире с Англией. Рассчитывая на такую капитуляцию, план предусматривал, что английской промышленности будет предложено продолжать работать в качестве немецкого сателлита, с тем что немцы получают 30 %-ную долю участия в английских концернах и что английские рынки сбыта будут сильно ограничены.

После войны некоторые деятели ИГ заявили, что их беспокоила мысль о войне с Россией. Повидимому, не разделяя мнения начальника американского генерального штаба о том, что Советская Армия будет разбита через несколько недель, они уже тогда опасались, что немецкие вооруженные силы будут уничтожены в России.

Планы относительно американского континента предусматривали точно такую же экономическую войну, какая предшествовала молниеносным военным действиям в Европе. Как писал Шницлер, «вне Европы США являлись единственной сильной страной, с которой Германия должна была считаться. Поэтому мы записали в «новом порядке», что мы намерены сохранять Германию сильной настолько, насколько это возможно в военном отношении в сравнении с США. Мы могли достигнуть этого лишь путем сокращения производства военных материалов в Латинской Америке. Мы не хотели допустить, чтобы в случае возможного столкновения Германии

с США Латинская Америка могла бы снабжать Соединенные Штаты военными материалами».

Частью борьбы за Латинскую Америку должно было стать лишение США возможности наносить контрудары в Европе. Так, например, план ИГ, касаясь Франции, устанавливал, что «необходимо удалить американцев из французского производства всеми доступными нам средствами». И далее: «не надо слишком много раздумывать над средствами, которые мы применим». Это был точный, трезвый, детальный план дельцов. Но он был тот же, что и в разглагольствованиях опьяненного властью Гитлера. Нацистское государство намеревалось господствовать над той частью мира, которую ему удастся покорить. И, как будет показано в следующих главах, немецкие дельцы весьма преуспели в деле предварительного проникновения в Северную и Южную Америку.

ИГ ФАРБЕНИНДУСТРИ И СТАНДАРД ОЙЛ

В плане будущей агрессии, составленном ИГ под названием «новый порядок», Соединенные Штаты неизменно являются центральным объектом нападения. Последовательное экономическое наступление на европейские страны имело целью создать такое положение, при котором оказалось бы возможным бороться на равных началах с американскими промышленниками. Тем временем эта борьба с американцами уже началась.

ИГ являлся крупнейшим германским концерном. В Америке, бесспорно, крупнейшим концерном является Стандарт ойл ов Нью-Джерси. Между ними обоими произошло столкновение в середине 20-х годов. Из этого конфликта родилось что-то похожее на соглашение и стабилизацию положения. Это соглашение послужило причиной некоторых серьезных поражений США, когда началась действительная война. Борьба между ИГ и Стандарт ойл не была в действительности прекращена, и отношения не были урегулированы, несмотря на всю видимость дружбы. Если все же был хоть какой-нибудь «худой мир», то лишь потому, что Стандарт ойл шел на уступки. А Стандарт ойл шел на уступки потому, что они делались в основном за счет американского народа.

ИГ начал свое наступление с действий, направленных против господствующего положения Стандарт ойл в нефтепромышленности. Атака эта привела к нехватке каучука в США в 1942 г., что едва не лишило США возможности выиграть войну.

В действительности, эта решающая схватка между промышленными гигантами началась в лабораториях ИГ. Нефть совершила переворот в сухопутной войне и в организации военно-морского флота. Благодаря нефти стали возможны автомобиль и аэроплан. Нефть стала в современном мире основой могущества. Во время

Локарнской конференции, состоявшейся через несколько лет после первой мировой войны, в отелях было, как сообщалось, больше нефтяников, чем политиков. Не приходится поэтому удивляться, что Стандарт ойл ов Нью-Джерси стал одной из серьезнейших мировых сил, способных подчинять себе или низвергать правительства в разных странах мира. Две южно-американские страны (Боливия и Парагвай) вели между собой войну в Гран-Чако, и за каждой из них стояла крупная нефтяная компания.

Германия вступила в первую мировую войну, будучи бедна нефтью; это и послужило одной из причин ее поражения. Германия вышла из войны с острым дефицитом нефти и с твердой решимостью не допустить этого в будущем.

Один из сотрудников Стандарт ойл, Франк Говард, нанес визит деятелям ИГ на их большом заводе в Людвигсгафене в марте 1926 г. Представителю крупнейшего в мире концерна по добыче натуральной нефти показали процесс, посредством которого обыкновенный уголь может быть превращен в самое благородное горючее — бензин. Это вызвало потрясение буквально во всем мире. Говард писал Уолтеру Тиглу, председателю правления Стандарт ойл:

«Исходя из моих сегодняшних наблюдений и переговоров, я считаю это дело самым важным, с каким только сталкивалась наша компания со времени роспуска (первоначальной компании Стандарт ойл).

Фирма Бадише анилину и содафабрик может производить высокосортное моторное топливо из бурого угля и других низкосортных углей в количестве, равном половине объема угля. Это, безусловно, означает независимость Европы в области снабжения бензином. Остается только открытая конкуренция в области цен...

Они могут получить 100% бензина по весу из любого жидкого углеводорода, смолы, дизельного топлива или сырой нефти. Это значит, что нефтеперегонная промышленность в Америке и в других странах будет иметь конкурентом каталитический метод переработки сырой нефти в моторное горючее...

Я не стану описывать детально, но полагаю, что ясно изложил свою точку зрения».

Зрелище, которое руководители ИГ показали в Людвигсгафене Франку Говарду, потрясло великую державу Стандард ойл. Прежде всего, это означало непосредственную угрозу Стандард ойл на европейском нефтяном рынке. Как указывалось в письме Говарда, конкуренция была отныне возможна лишь на базе цен. Но любое преимущество, которым обладает бензин из естественных источников, могло быть, и должно было быть, сведено на-нет таможенными тарифами. Стандард ойл мог быть немедленно изгнан с рынка Германии, вся его позиция в Европе ослаблялась. А дело касалось больших капиталов. Стандард ойл ов Нью-Джерси работал на европейских рынках с 1880 г., когда он впервые организовал свою компанию во Франции. К 1891 г. он проник также на рынки Англии, Дании, Германии и Италии. В Германии Стандард ойл действовал, главным образом, через акционерное общество Дейч-Американише петролеум (Deutsch-Amerikanische Petroleum A. G.). Эта компания, работавшая в десятках немецких городов, имела актив в 24 млн. долларов, на 95 % принадлежавший Стандард ойл. Принимая в расчет и другие подконтрольные фирмы (в частности, фирмы, руководимые компанией Вакуум ойл), Стандард ойл снабжал нефтью около половины немецкого рынка.

Но вопрос о европейских рынках был лишь малой частью новых забот Стандард ойл. Бензин, получаемый из угля по методу гидрогенизации Бергиуса, был еще слишком дорог. Но кто мог сказать: как долго будет длиться преимущество в цене натуральных нефтепродуктов? Опыт показал, что цены снижаются, как только какое-нибудь важное нововведение улучшает производственные методы. Было бы безумием, с деловой точки зрения, считать, что бензин из натуральной нефти всегда будет стоить дешевле бензина, полученного из угля.

И, наконец, имелся тот неприятный факт, что было известно много месторождений угля во всем мире и далеко не так много месторождений нефти. Истощение скважин — вот призрак, бродящий по залам любой нефтяной компании. Открытие новых нефтяных месторождений несколько ослабляет опасность, но она не исчезла. Запасы угля также ограничены; они будут израсходованы

за ничтожную часть того времени, которое потребовалось для их образования. И все же имеющееся количество угля так велико, что, несмотря на расточительность и хищническое использование, его, вероятно, хватит намного дольше, чем нефти.

Благодаря техническому прогрессу ИГ имел возможность нанести прямой удар гигантскому концерну Стандард ойл и вообще всем фирмам по добыче нефти. Вследствие этой угрозы Стандард ойл согласился заключить далеко идущие соглашения с ИГ.

Суть последовавших соглашений была изложена одним из деятелей Стандард ойл:

«ИГ не будет касаться нефтепромышленности, а мы не будем касаться химической промышленности постольку, поскольку она не имеет отношения к нефти».

В той мере, в какой это касалось нефтяных дел Стандард ойл, новый союз имел успех. Гидрогенизационный метод получения бензина из угля мог нарушать покой всех прочих нефтепромышленников мира, но Стандард ойл знал, что он, по крайней мере, получил надежду не пострадать от бурн. В пределах США Стандард ойл получил право на применение процесса гидрогенизации, он мог ослабить конкуренцию, тормозя дальнейшую разработку этого процесса. За границей Стандард ойл разрешил компании Роял-Дэтч-шелл (Royal Dutch Shell) примкнуть к соглашению через ИГП — Интернейшенел гидро-патентс компани (International Hydro-Patents Co). Как именно Стандард ойл имел ввиду использовать ИГП, видно из следующего его программного заявления, сделанного в 1935 г.

«ИГП не должна пытаться создавать заинтересованность там, где ее нет, [но] должна быть поставлена в положение независимой компании — держателя патентов и лицензий, и ей должно быть разрешено попытаться продать ее процесс там, где есть серьезный интерес к делу гидрогенизации... Ограничивая как-либо иначе, чем изложено выше, деятельность ИГП, мы не можем рассчитывать на что-либо большее, чем небольшую задержку в развитии процессов гидрогенизации угля, смолы и т. п., связанных с нашим нынешним положением. С другой стороны, изложенная выше линия политики не

вызовет интереса к гидрогенизации, где таковой еще нет. Если бы гидрогенизация угля, смолы и т. п. была целесообразна с экономической точки зрения или же если бы она поощрялась из националистических соображений или в силу каких-либо специфических местных условий, то лучше будет для нас, нефтяных компаний, иметь долю в этом деле, получать от него возможную прибыль и обеспечить сбыт этих продуктов через нашу коммерческую сеть».

В качестве одного из пунктов соглашения ИГ настоял на том, чтобы ему разрешено было сохранить контроль над развитием гидрогенизации в Германии. Цитированное выше заявление Стандарт ойл показывает, какое полное понимание встретила позиция немцев. «Специфические местные условия», упомянутые выше, означали не более не менее, как решимость немцев подготовиться к войне и понимание того, что одной из задач ИГ в такой подготовке является получение синтетическим путем бензина, хотя бы это оказалось связанным с денежными убытками. Но, конечно, эта часть сделки могла бы быть достигнута концерном ИГ и без той деловой дипломатии, которая имела место в отношениях между обоими гигантскими концернами в 1927—1929 гг. Даже и до прихода Гитлера к власти, а тем более после 1933 г., ИГ мог проводить свою работу по гидрогенизации под защитой таможенных пошлин и правительственных субсидий.

Для ИГ важнейшим элементом сделки была поддержка Стандарт ойл химических позиций ИГ во всем мире, включая Соединенные Штаты. Внешним проявлением этой поддержки был тот факт, что когда ИГ организовал в 1929 г. свою американскую фирму Америкэн ИГ корпорэйшн, то председатель правления Стандарт ойл, Уолтер Тигл, занял пост члена правления этой фирмы. Когда были опубликованы подробности образования фирмы Америкэн ИГ, в правление которой вошли, кроме Уолтера Тигла, такие видные американцы, как Эдсель Форд и Пауль Уорбург, то к Тиглу обратились с просьбой дать интервью. В печати было опубликовано его заявление о том, что его вхождение в правление объясняется только его личными дружескими отношениями с руководителями ИГ Фарбениндустри. В то же время он объ-

явил, что будут заключены дальнейшие соглашения с ИГ относительно еще более полного взаимного обмена промышленными процессами.

Химическая продукция ИГ, в частности синтетический каучук, получила более чем символическую защиту даже против американских компаний. И результаты этого для США оказались почти катастрофическими.

Для реализации сделки между ИГ и Стандарт ойл в Соединенных Штатах были созданы две новые компании. Компания Стандарт ИГ (Standard IG), 80 % капитала которой принадлежало Стандарт ойл, владела нефтяными патентами обоих концернов. Другая компания — Джаско (Jasco) была создана для эксплуатации патентов на химические продукты. Она принадлежала на равных началах Стандарт ойл и ИГ, хотя ИГ сохранил контроль над разработанными им патентами, включая патенты на синтетический каучук «буна». Это означало, что Стандарт ойл мог вести с американскими резиновыми компаниями переговоры о патентах в области производства резины, но лишь с разрешения ИГ Фарбениндурии. Интересам ИГ вполне отвечало, что американские фирмы будут вести в ограниченных размерах исследовательскую работу, — до тех пор пока немцы через своих союзников в Стандарт ойл держали в своих руках патенты. В противном случае могла бы возникнуть опасность, что американцы двинут слишком далеко свои опыты с синтетическим каучуком. Это подтверждается показаниями одного из руководителей ИГ — Шницлера:

Следовательно: «Соответствовало ли интересам ИГ, чтобы американские фирмы производили опыты над получением синтетического каучука по лицензии ИГ?»

Шницлер: «Это верно. В 1933 г., когда, насколько помнится... мы начали обсуждать различные вопросы в этой области... нам впервые показали большой круглый комок неопрена, пригодный для сбыта на рынке, и из обсуждения вопроса мы увидели, насколько силен Дюпон в этой области».

* * *

Одно дело — заключать сделки с ИГ Фарбениндурии в те «счастливые времена» междувоенного периода, когда можно было говорить о разрешении мировых затруд-

нений путем создания картелей. Но совсем другое дело — стремиться сохранить картельное соглашение с ИГ, когда, наконец, началась война, подготовленная этими картелями. В период предшествовавший второй мировой войне, председатель Стандард ойл мог сказать, что он стал членом правления Америкэн ИГ благодаря дружественным личным отношениям с деятелями ИГ. В 1936 г. он мог заявить в печати о своих усилиях по развитию торговли с нацистской Германией, хотя немцы всячески охотились за иностранной валютой и шли на всевозможные ухищрения в части товарообменных сделок, вплоть до вывоза в США такого количества губных гармоник, что их пришлось бы по две на каждого американского парня.

А после того как началась война, Стандард ойл все же старался сохранить в действии свое картельное соглашение с ИГ. Сотрудник Стандард ойл заявил по этому поводу:

«После заключения этого соглашения (о каталитическом крекинге нефти) началась война. В соглашении участвовали американцы, англичане, немцы и голландцы; война создала здесь много осложнений. Как бы устроить, чтобы все воюющие стороны сохранили свои прежние отношения, пока еще не совсем ясно. Мы сейчас занимаемся этой стороной вопроса и, я надеюсь, найдем способ разрешить его. Технологию надо развивать вне зависимости от того, происходит война или не происходит, и мы должны найти какое-то разрешение этого вопроса».

В октябре 1939 г., через месяц после начала войны, Франк Говард, представитель Стандард ойл, прибыл в Европу и пытался найти способы сохранить в силе картельное соглашение Стандард ойл — ИГ невзирая на войну. На совещании с представителями ИГ в Голландии было достигнуто соглашение. Сам Говард так характеризует его: «мы постарались разработать полные планы для того *modus vivendi*, который должен был действовать во время войны, *независим от того, вступили в нее США или нет*. Не все соглашения удалось разработать полностью, но мы надеемся, что сделано достаточно для того, чтобы

можно было согласовать важнейшие еще недо-
работанные пункты по телеграфу».

Основа соглашения заключалась в разъединении прав на патенты, прежде принадлежавшие совместно ИГ и Стандарт ойл. Более двух тысяч патентов перешло к Стандарт ойл,— это были преимущественно патенты на нефтепродукты, и без того на 80% принадлежавшие Стандарт ойл. Патенты на резину и другие им подобные были возвращены ИГ с тем условием, что Стандарт ойл сохранял право на эти патенты в США, Франции и Британской империи. Насколько тесны были сохранившиеся и после этого связи, видно из того факта, что даже по патентам, возвращенным Стандарт ойл, 20% всех доходов заносилось на счет ИГ. Как заявил Говард перед комиссией сената США:

«ИГ сохранял право требовать произвести расчет после войны (если соглашения все еще сохраняли бы силу) и мог сказать: «Вы получили столько-то денег по патентам в этих трех странах. По первоначальному контракту, изменение которого вы у нас выторговали в 1939 г., нам причиталась бы более значительная сумма, чем эта. То, что вы у нас выторговали в 1939 г.,— несправедливо, и вы должны нам заплатить такую-то сумму».

В то время как в 1939 г. происходили переговоры в Голландии, Стандарт ойл стремился также оградить себя, дав государственному департаменту мнимый отчет о своих взаимоотношениях с ИГ. Расследование, проведенное впоследствии комиссией Трумэна, показало, что в представленной Стандарт ойл государственному департаменту схеме, в которой были показаны его связи с ИГ, отсутствовала фирма Джаско, а это как раз и была та компания, которая владела, под контролем ИГ, патентами на синтетический каучук. И в других отношениях Стандарт ойл также сохранял полную свободу действий по отношению к государственному департаменту. В 1941 г., вопреки просьбе государственного секретаря Корделла Хелла о разрыве связей с фашистскими странами в Южной Америке, Стандарт ойл решил снабжать бензином итальянскую авиалинию Ала Литтория в течение шести месяцев из запасов подконтрольной ком-

пании Стандарт ойл ов Бразил. Точно так же в течение нескольких месяцев Стандарт ойл снабжал бензином немецкую авиалинию Кондор в Южной Америке, хотя, как гласит доклад комиссии Трумэна, «подавляющее большинство компаний, которым государственный департамент предложил воздержаться от дел с немецкими фирмами в Южной Америке, немедленно подчинились этому и приняли на свой счет пронстекшие отсюда убытки».

Повидимому, привычка делать дела с нацистами прочно укоренилась. Лучше всего это видно на примере с каучуком.

Военные усилия Америки были почти парализованы вследствие нехватки ряда важных в военном отношении материалов. Самой опасной была нехватка каучука.

Для страны, экономика которой базируется на автотранспорте, каучук имеет первостепенное значение. Каучук является одним из тех немногих важнейших материалов, которых Соединенные Штаты не имеют в своей собственной стране. Большая часть каучука поступает из стран Дальнего Востока, в основном из Малайи и Индонезии. После Пирл-Харбора США были совершенно отрезаны от этих источников снабжения.

Вследствие существования картеля производителей натурального каучука Соединенные Штаты оказались перед перспективой ведения тотальной войны без достаточных запасов каучука. А вследствие деятельности картеля Стандарт ойл — ИГ не имелось эффективной программы производства синтетического каучука. Потребовались отчаянные усилия, чтобы преодолеть это затруднение; и все же США испытывали трудности с каучуком в продолжение всей войны.

Монополия производителей натурального каучука на Дальнем Востоке была одной из наиболее сплоченных и лучше всего охраняемых. Как ни странно, начало ей положило проявление свободного предпринимательства, граничившее с пиратством и направленное против каучуковой монополии, находившейся тогда в руках бразильских предпринимателей.

В тропических странах имеются растения, сок которых может быть превращен в резину. В течение ряда

столетий секрет этот был известен только дикарям в долине реки Амазонки, развитие которых находилось на уровне каменного века. Эти дикари умеют собирать сок каучукового дерева и обращать его в огне костра в коагулированную массу. Они не могли найти применения каучуку, но изготовленные ими резиновые шарики были привезены в Европу первыми же исследователями Америки.

В связи с огромным расширением текстильной промышленности в начале XIX в. была объявлена премия за открытие способа придания тканям водонепроницаемости. В 20-х годах XIX в. шотландец Макинтош доказал, что резина может быть использована для придания тканям этого качества. Когда в 1839 г. Гудир открыл способ обработки резины теплом и серой с целью сохранения ею своей формы при любой погоде, начался «резиновый бум».

Первые резиновые шарики поступили из долины реки Амазонки. Бразильские предприниматели цепко держались за свое кажущееся монопольное положение, обусловленное естественными факторами. Но когда бразильцы чрезмерно повысили цены, это послужило стимулом к разведению каучуковых деревьев и в других тропических странах. В 1875 г. англичанин Генри Уикхэм, при помощи всяческих контрабандистских ухищрений, сумел скрыть 70 тыс. семян каучукового дерева под видом папоротников и орхидей для ботанического сада королевы Виктории в Кью и вывезти их незаметно для бразильских портовых чиновников. Эти семена положили начало большим каучуковым плантациям на Цейлоне и в Малайе. Прошло всего лишь несколько десятков лет — и бразильское производство каучука отошло на второй план. В 1910 г. долина Амазонки еще давала свыше трети мировой продукции каучука и превосходила Дальний Восток более чем в три раза. Но уже наступил поворот в развитии этой отрасли хозяйства. Расцвет автомобильного транспорта вызвал огромный спрос на автомобильные шины. Продукция каучука увеличилась, и именно в странах Дальнего Востока. К 1920 г. на долю Дальнего Востока приходилось уже 89% мировой продукции, а доля Бразилии снизилась и была равна менее чем 10%.

В 1930 г. Дальний Восток давал уже 97 % всей мировой продукции.

Новая монополия была создана в беспощадной конкуренции со старой монополией. И эта новая каучуковая монополия оказалась в состоянии лучше чем старая защищать себя от новейших конкурентов. В 1922 г. англичане создали план регулирования рынка резины, получивший название «плана Стивенсона». Экспорт каучука стал регулироваться лицензиями, косвенно подверглось регулированию и производство его, цены на него были взвинчены в основном за счет крупнейшего покупателя, каковым являлись Соединенные Штаты.

В плане Стивенсона было лишь одно уязвимое место, но именно оно оказалось роковым для него. Голландские предприниматели в Индонезии не были привлечены к участию в нем. Они увеличили свою продукцию и таким путем ликвидировали искусственную нехватку каучука.

К 1928 г. план Стивенсона рухнул. К 1932 г. цена на каучук упала до рекордно-низкого уровня — менее 3 центов за фунт (тогда как в 1910 г. рекордно-высокая цена составляла более 3 долларов за фунт). Настало время создать действительно эффективный международный картель. В июне 1934 г. был с правительственного одобрения образован международный комитет по регулированию производства каучука — на сей раз с участием и английских, и голландских, и всех прочих предпринимателей. Производство было теперь поставлено под самый жесткий контроль.

При наличии международного каучукового картеля усилия Соединенных Штатов, направленные на создание запасов каучука, не увенчались успехом. В 1938 г. фактическое производство каучука было намеренно ограничено менее чем на половину производственной мощности. Когда в 1939 г. началась война, производство все еще не достигало 60 % производственной мощности. Даже после Дюнкерка, к концу 1940 г., американские покупатели не могли добиться увеличения производственных квот. Английские и голландские предприниматели считали, что в случае отсутствия повышенного спроса, вызванного чрезвычайными обстоятельствами, накопившиеся в

США большие запасы каучука позволят американцам оказывать решающее влияние на цены. В первом полугодии 1941 г., когда американское потребление приближалось к 1 млн. т в год, стратегический запас каучука мог быть увеличен только на 70 тыс. т. А после того как в феврале 1942 г. японцы захватили Сингапур, было уже поздно думать о создании такого запаса.

Где картель производителей натурального каучука закончил свою деятельность, там картель Стандарт ойл — ИГ начал свою. Единственной надеждой США был теперь синтетический каучук. Без него не могло быть военно-воздушных сил и танковых дивизий и автомобильные дороги США скоро опустели бы. Но основным обладателем патентов на синтетический каучук в США был Стандарт ойл из Нью-Джерси, а Стандарт ойл был в долгу перед ИГ за привлечение его в 1927 г. к участию в патентах на гидрогенизацию. Как уже указывалось выше, в начале 30-х годов ИГ готов был предоставить американским компаниям право производить в ограниченных пределах опыты с синтетическим каучуком. Но и тогда лицензионные права были так ограничены, что производители каучука в США не хотели заниматься этим делом. Спустя несколько лет ИГ настолько далеко продвинулся вперед в деле разработки процесса производства каучука «буна», что ему более не нужны были опыты в США. Начиная с этого момента партнеру ИГ по картелю — Стандарт ойл — не посылалось более никакой сколько-нибудь существенной информации, даже когда Стандарт ойл просил о ней. Разумеется, Стандарт ойл имел патенты, но без более детальной технологической информации они не представляли значительной ценности.

Д-р Оскар Лер из ИГ Фарбениндурии показал американским исследователям, что Стандарт ойл запросил эту информацию в 1938 г. Его спросили: «Когда впервые вы ознакомили американскую компанию с процессом «буна»? На этот вопрос д-р Лер ответил: «Насколько я помню, мы никогда не давали такой информации. Я имею в виду детальную технологическую информацию».

Со своей стороны Стандарт ойл разработал другой вид синтетического каучука — бутил-каучук, в некоторых

отношениях стоявший выше, чем «буна». Немцам была послана полная информация о нем, несмотря на то, что обмен информацией был столь односторонним. Как разъяснил эту ситуацию Франк Говард из Стандард ойл в письме, датированном апрелем 1938 г.:

«... Мы должны особенно стараться не предпринимать каких-либо действий, будь то даже совершенно неофициальные, чисто личные и дружеские, без согласия наших друзей. Мы знаем о некоторых трудностях, испытываемых ими в Германии, как в смысле деловых осложнений, так и с национальной точки зрения, и поскольку, в силу соглашения, они имеют полный контроль над эксплуатацией этого процесса, то единственное, что мы можем сделать,— это продолжать настаивать на разрешении нам действовать, в то же время лояльно соблюдая ограничения, которые они на нас налагают».

Верный обязательствам, которые он дал нацистам, Стандард ойл послал им информацию о бутил-каучуке. Но он не считал себя связанным какими-либо обязательствами по отношению к армии и флоту США; в 1939 г., после начала войны, представитель военно-морского инженерного ведомства посетил лаборатории Стандард ойл, но ему не дали ознакомиться ни с чем, что могло бы раскрыть процесс производства бутил-каучука.

Итак, Стандард ойл не располагал полной информацией о каучуке «буна». Но и ту информацию, которой он располагал, он передал американским производителям резины лишь под сильным давлением со стороны правительства, оказанным уже во время войны. Что же касается бутил-каучука, то Стандард ойл не передал производственного процесса, запатентованного им, до марта 1942 г. Как явствует из доклада комиссии Трумэна, это произошло лишь «после закрытого и накануне открытого публичного обсуждения данного вопроса в комиссии».

В конечном итоге потребовались расследования двух комиссий конгресса, специальное изучение проблемы Бернардом Барухом по поручению президента Рузвельта и назначение «диктатора по резине», для того чтобы Соединенные Штаты могли ликвидировать это узкое место, созданное ИГ при соучастии Стандард ойл.

В конце допроса д-ра Лера во Франкфурте один из допрашивавших его американцев спросил:

«Итак, ИГ сумел полностью прекратить производство синтетического каучука в США, сумел использовать американскую компанию Стандарт ойл для защиты патентных прав ИГ в случае войны между США и Германией и... этим подорвал военный потенциал Соединенных Штатов. Верно это?»

Д-р Лер ответил не без достоинства:

«Эти выводы сводятся к тому, что ИГ нанес ущерб военной мощи Соединенных Штатов. Да, это верно».

Вполне понятно, что когда общественное давление усилилось, Стандарт ойл пытался защитить себя сообщением о ценной информации, полученной им от ИГ. Также вполне естественно (хотя мы в то время не знали об этом), что когда сведения об этом дошли до Германии, то ИГ был ими взволнован. Неужели ИГ и нацистское государство оказались в невыгодном положении в результате сделки, заключенной с американской нефтяной компанией?

Вопрос этот возник в результате статьи в «Петролеум Таймс» от 25 марта 1943 г., автором которой был Р. Т. Хаслам из Стандарт ойл ов Нью-Джерси. Он заявил, что «секреты, привезенные пятнадцать лет назад в США американскими учеными из Германии, превратились в мощное оружие, направленное против Германии».

Доскональный ответ на это заявление был изложен в объемистом докладе, который комиссия ученых, состоявших на службе ИГ, представила А. фон Книриму, члену правления и руководителю юридического отдела ИГ. Все утверждения Хаслама о полученных Соединенными Штатами выгодах, были в нем опровергнуты одно за другим.

Ученые, работавшие в ИГ, писали о четырех продуктах, о которых, по утверждению Хаслама, Стандарт ойл узнал от ИГ. В отношении каждого из этих четырех продуктов они подробно рассмотрели факты, доказывающие, что эти процессы производства были общеизвестны и что, во всяком случае, не было передано существенно важной информации. Касаясь изооктана (применяемого

в производстве высококачественного бензина), они заявили:

«Следует в особенности отметить, что в отношении производства авиабензина на базе изооктана мы почти ничего не дали американцам, а получили от них многое».

Относительно толуола, — производное вещество каменноугольной смолы, имеющее разнообразное применение, в том числе и в производстве взрывчатых веществ, — в отчете говорится:

«Поэтому, когда г-н Хаслам, касаясь толуола, говорит о «чуде», выпавшем на долю американцев в результате применения гидрогенизационного процесса, то его заявление не вполне точно, ибо толуол может быть получен и без процесса гидрогенизации и, во всяком случае, не получается в Америке путем гидрогенизации».

Что касается смазочного масла наивысшего качества — оппанола, то отчет утверждает:

«И здесь очевидно, что американцы не вполне информированы о положении в Германии; это объясняется тем обстоятельством, что мы оставили их в неведении о том, что, используя уголь в качестве исходного материала, мы сами производим сырье для производства оппанола».

Наконец, говоря о каучуке «буна», отчет повторяет уже известный факт, что, помимо самих патентов, не было передано никакой детальной технической информации.

Все еще не удовлетворенные этими доказательствами содействия, оказанного концерном ИГ гитлеровской империи, ученые ИГ составили перечень некоторых достижений, полученных ими в результате сотрудничества со Стандарт ойл. Они говорили о тетраэтилсвинце (также необходимом для производства авиабензина), без которого «нынешние методы ведения войны были бы неосуществимы». Они сообщают, что им «удалось избежать трудностей, связанных с его разработкой, — достаточно вспомнить ядовитые свойства тетраэтилсвинца, вызвавшие много смертей в США, — ибо мы могли прискупить к производству этого продукта, используя весь опыт, накопленный американцами в течение долгих лет».

Отчет упоминает и о других нефтепродуктах, информация о которых получена от Стандарт ойл, и в заклю-

чение приводит данные об одной из самых замечательных немецких побед. С помощью Стандард ойл ИГ сумел создать для нацистского правительства запас бензина, далеко превышающий собственные нужды конерна:

«Германское правительство запросило ИГ, нельзя ли на основе его дружественных отношений со Стандард ойл закупить авиабензин и другие нефтепродукты на сумму 20 млн. долларов от имени ИГ, но в действительности по поручению немецкого правительства.

То, что нам удалось выполнить это поручение, оказалось возможным только благодаря помощи Стандард ойл».

Можно доказывать, что ИГ составил этот отчет, чтобы угодить нацистам. Но все эти факты были подтверждены работниками ИГ, когда угождать приходилось уже не несуществующим нацистам, а американским следователям.

*

Для американской бюрократии характерно, что нельзя высказать прямо и открыто какого-либо обвинения, если обвиняемая организация достаточно сильна и respectable.

Вопрос о сделке между Стандард ойл и ИГ рассматривается в ряде правительственных докладов и отчетов, в основном базирующихся на превосходном расследовании, проведенном министерствами финансов и юстиции США. Но эти отчеты создают трогательный образ компании — такого дремлющего колосса, случайно вмешивающегося в международные дела, по ошибке оказывающего помощь и содействие фашистам, не сознавая в точности, что он делает.

Поэтому-то заместитель министра юстиции Уенделл Бердж в книге, которая в остальном является убедительным и смелым обвинением против картелей, говорит:

«Двусмысленное положение, в котором очутилась американская компания Стандард ойл, было обусловлено тем, что фирма Стандард ойл никогда не считала, что она занимается внешней политикой и не задумывалась над политическим смыслом своих действий. Этого по существу нельзя ожидать или требовать от американ-

ских предпринимателей. В конечном счете, это не лежит на их ответственности». Предшественник Берджа, Тэрман Арнольд, писал, что «картели демократических стран легко давали одурачить себя».

В докладе комиссии Трумэна против Стандард ойл выдвинуты сильные обвинения за создание нехватки каучука, а затем говорится:

«С самого начала следует подчеркнуть, что не возникает вопрос о моральной неустойчивости или о субъективно непатриотических побуждениях со стороны Стандард ойл или какого-либо из его деятелей.

...Неправильно было бы рассматривать действия отдельных лиц иначе, как часть общей картины деятельности крупных капиталистов, ведущих свою игру по тем правилам, которые составил Стандард ойл...»

С мелкими шпионами и диверсантами поступали далеко не так снисходительно.

Представляется, по крайней мере автору этих строк, что преуспевающие дельцы по меньшей мере так же умны, как и обследующие их деятельность правительственные чиновники. Если исследователь министерства финансов или министерства юстиции способен понять, что имела связь между сделкой Стандард ойл — ИГ и саботажем направленных против нацистской Германии военных усилий Соединенных Штатов, то и деятели Стандард ойл способны понять эту связь. Иначе мы должны притти к тому выводу, что крупные концерны создавались наугад и наудачу и что у целой сотни их директоров нет ни капли ума. Если деятели Стандард ойл знали, что они делают, то мы можем лишь заключить, что это их не смущало.

Но во всяком случае, действовали ли люди Стандард ойл как лунатики, когда все это произошло, или нет, не существует каких-либо данных, указывающих на то, что они решили действовать иначе в будущем.

На ежегодном собрании акционеров Стандард ойл в июне 1943 г. один акционер предложил резолюцию о том, что «компания Стандард ойл... не возобновит картельных отношений с ИГ Фарбениндустри после войны». Председатель возразил на том основании, что «мы не знаем, какова будет деловая обстановка в послевоенный период.

Мы не знаем, как именно будут решены весьма запутанные и сложные проблемы международной торговли. Возможно даже, продолжал председатель, что правительство пожелает нашего вступления в картели».

Тогда председателя спросили, согласится ли он на такое изменение формулировки резолюции:

«Мы не согласимся вступить после войны в картельные соглашения с ИГ Фарбениндустри, иначе как по принуждению со стороны правительства Соединенных Штатов».

И председатель снова ответил: «Нет, я не согласен».

ПРОТИВ НОВОГО СВЕТА

Вне Европы наибольшее число агентств и замаскированных подконтрольных фирм ИГ было сосредоточено в Латинской Америке. Здесь, по мнению ИГ, находился будущий рынок, и здесь, согласно «плану нового порядка», ИГ должен был вести борьбу с Соединенными Штатами. В соответствии с этим ИГ создал свои форпосты в каждой из десяти южно-американских республик и по всей Центральной Америке.

В общей сложности в странах Латинской Америки имелось не менее чем 117 филиалов ИГ, названия которых установлены. Имелись еще десятки других, названия которых имеются в досье судебных дел, возбужденных против них американским правительством. Как правило, это были агентства по сбыту. Производственных предприятий было всего лишь несколько, ибо в большинстве случаев ИГ не стремился создавать себе будущих конкурентов. Производство было делом одних лишь немцев; всем прочим предоставлялось быть покупателями.

Согласно «плану нового порядка», самым конкретным и откровенным образом составленному ИГ, в Латинской Америке должна быть как можно меньше развита военная промышленность, потому что в какой-то момент она сможет быть использована для оказания помощи Соединенным Штатам; для войны может оказаться полезным любое химическое производство. Правда, в 1938 г. ИГ принял участие, через свою подконтрольную фирму Кельн-Ротвейль, в строительстве порохового завода в Аргентине, но лишь потому, что если бы это не было сделано, подряд достался бы английским или североамериканским фирмам.

В течение всего периода между двумя мировыми войнами ИГ действовал в Латинской Америке по-заговор-

щически. Бóльшая часть его агентств была замаскирована, как это уже было описано в предыдущих главах, т. е. они внешне сохраняли вид независимых фирм, принадлежащих гражданам стран, в которых они расположены. Это было удачной мерой и с деловой точки зрения, так как давало возможность избежать налогов, взыскиваемых с иностранных концернов; но это было удобно также и с точки зрения экономической войны: ИГ никогда не забывал, как его активы были захвачены союзниками во время первой мировой войны, а новая война уже ясно вырисовывалась на горизонте.

ИГ использовал свои опорные пункты в Латинской Америке для извлечения прибыли; но он преследовал также и другие цели. На примере Латинской Америки можно продемонстрировать всю созданную им в 30-х годах систему экономической войны.

Филналы ИГ были центрами нацистской пропаганды в Западном полушарии, как, впрочем, и во всем мире. По заданиям нацистского пропагандистского центра Ауфклэрунгс Аусшусс (Aufklaerungs Ausschuss), ИГ вел активную нацистскую пропаганду в Латинской Америке через печать, школы и библиотеки. В качестве коммерческой фирмы он использовал рекламу, как лучшее средство пропагандистского воздействия и как лучшую дубинку, занесенную над головами издателей. В соответствии с этим в феврале 1938 г. фармацевтический отдел ИГ издал следующую секретную директиву, имеющую в виду латино-американскую печать:

«Следует безусловно избегать помещения рекламы в газетах, враждебных Германии... Коммерческие и рекламные соображения должны отойти на задний план перед более важными политическими соображениями».

С февраля 1938 г. до марта 1939 г. Ауфклэрунгс Аусшусс сумел передать аргентинским газетам 381 статью на общую тему «Борьба против США в Латинской Америке». Серия этих статей была послана ИГ с просьбой их прокомментировать, улучшить и содействовать дальнейшему распространению. В своем ответе ИГ порекомендовал, какие еще газеты можно использовать для помещения этого материала, и поручил своему глав-

ному агенту в Аргентине Генриху Гоману оказать содействие в деле распространения.

Пропаганда стоит денег. ИГ охотно снабжал нацистских агентов наличными деньгами. Как явствует из доклада одного из представителей ИГ, латино-американские агентства ИГ имели указания открыть секретные банковские счета на имя некоторых высокопоставленных лиц. Эти счета упоминались в отчетах ИГ просто как счета под литерой «S» и без всякой опасности для ИГ могли быть использованы для любых конфиденциальных платежей, т. е. взяток, если говорить прямо.

Иногда просьбы о наличных деньгах поступали непосредственно от органов германского правительства. Так, в сентябре 1939 г. в Франкфурт поступила телеграмма от агентства ИГ в Мексико, гласившая:

«В случае войны дипломатическая миссия просит фирмы в Мексико предоставить ей заимообразно денежные средства. Эти суммы будут возмещены германским правительством. Просим разрешить денежные взносы по 10 тыс. пезо от каждого агентства ИГ».

Когда американские исследователи нашли эту телеграмму во франкфуртском архиве, на ней была пометка, сделанная от руки: «Правление согласно — д-ру Оверхофу сообщено».

Как уже упоминалось, экономическая война, которую вел ИГ, перешла от нацистской политической агитации к открытому шпионажу. В Латинской Америке действовали в качестве шпионов специальные агенты Макса Ильгнера, так называемые «агенты связи». На допросе Ильгнер назвал ряд своих латино-американских агентов: Г. М. Фишер, представитель по сбыту красителей, являвшийся председателем немецкого клуба в г. Мексико; фон-Гумбольдт, другой агент в Мексико; де-Маржери, представитель фармацевтической фирмы Байер, лидер нацистов в Венецуэле, и Кельбле, также представитель фирмы Байер, председатель немецкой торговой палаты в Рио-де-Жанейро. По словам самого Ильгнера, это были те работники ИГ, которые «занимали руководящие посты в заграничной организации германской национал-социалистской партии».

Когда стала приближаться вторая мировая война, ИГ счел нужным улучшить маскировку и подтянуть всю свою заграничную организацию. Как говорится в докладе, представленном немецкому министерству хозяйства в 1940 г.:

«Около 1937 г., когда стала все более вырисовываться опасность нового конфликта, мы постарались улучшить наши мероприятия по маскировке, в особенности в наиболее подверженных опасности странах. Даже оттяжка конфискации на несколько месяцев означает для нас... чрезвычайно большую выгоду. Как вытекает из накопленного нами до сего времени опыта, наши мероприятия по маскировке оказывались во время войны весьма целесообразными, а в ряде случаев даже превосходили наши ожидания».

ИГ рассматривал перспективы борьбы за Латинскую Америку с точки зрения политики дальнего прицела. Главным соперником являлись Соединенные Штаты, но, обдумывая положение в послевоенный период, ИГ испытывал беспокойство также и относительно своих японских союзников. В докладе ИГ министерству хозяйства говорится:

«Имея в виду серьезную борьбу между производителями химикатов других экономических империй, в особенности Америки и Японии, за раздел мировых рынков, борьбу, которую, бесспорно, можно ожидать, получение после войны только денежной компенсации за ущерб не возместит причиненных убытков, которые произойдут в том случае, если упомянутые выше сбытовые организации и промышленные опорные пункты перейдут, хотя бы лишь временно, в чужие руки».

Деятелем ИГ Фарбениндурии, непосредственно отвечавшим за торговые дела с Латинской Америкой, был Юлиус Оверхоф. Он чувствовал, что есть серьезные шансы побудить латино-американские правительства оказывать сопротивление Соединенным Штатам, но лишь при условии, что маскировка действий будет улучшена. В сентябре 1941 г. Оверхоф писал коммерческой комиссии ИГ:

«Латино-американские правительства не без колебаний уступают давлению, оказываемому Соединенными

Штатами. Если мы хотим помочь им в их сопротивлении закрытию или захвату наших опорных пунктов, мы можем этого достигнуть, лишь доказав, когда будет производиться обследование, что эти фирмы являются на 100% национальными. Любая ошибка, которую мы допустим в отношении внешнего оформления этих фирм, будет в максимальной степени использована пропагандой и в конечном счете послужит тому, чтобы потуже затянуть веревку на нашей шее».

В целях улучшения своей системы «опорных пунктов» ИГ приобрел контроль над рядом промышленных предприятий, как, например, Флюминензе (Fluminense) в Бразилии, Инкико (Inquico) в Колумбии и над одной фирмой в Чили. Главная цель захвата этих фирм заключалась в противодействии северо-американской конкуренции. Как говорилось в одном докладе ИГ: «Мы можем указать, что некоторые из этих предприятий, например Флюминензе в Бразилии, приобретены лишь в результате жестокой конкуренции с крупной американской химической промышленностью (Дюпон де Немур). Повидимому, северо-американская промышленность также признала значение этих опорных пунктов».

Для улучшения своей маскировки ИГ принял две главные меры. Прежде существовали прямые контракты между ИГ и его людьми в иностранных государствах; эти контракты были теперь заменены более секретными соглашениями, которых нельзя было бы обнаружить при обследовании. Затем представители, переставшие быть полезными, были сменены. Так, одним из главных замаскированных представителей ИГ был Дитрих Шмиц, брат председателя правления ИГ Германа Шмица. Дитрих Шмиц был американским гражданином. Он являлся главным держателем принадлежавших ИГ акций в замаскированных компаниях по всей Америке. Но, несмотря на его американское гражданство, его родство с Германом Шмицем было слишком близким, чтобы остаться незамеченным. Оно могло внушить мысль, что между братьями Дитрихом и Германом есть какая-то связь. В соответствии с этим акции, числившиеся за Дитрихом Шмицем, были переданы в другие руки.

Затем важнейшей проблемой стало обеспечение отгрузок товаров латино-американским агентствам. Как бы хороша ни была маскировка, но если бы ИГ не сумел доставить свои товары через цепь блокады, установленную англичанами, агентства ИГ либо ликвидировались бы, либо, что еще хуже, стали бы распространять продукцию его английских и американских конкурентов.

ИГ систематически пытался прорывать блокаду. Он настолько преуспел в этом деле, что продажа его товаров в Латинской Америке фактически возросла с 1938 по 1941 г.! В 1938 г. ИГ продал красителей и других химических в Латинскую Америку на 29,3 млн. марок; в 1941 г., после того как блокада существовала и укреплялась в течение двух лет, эта цифра возросла почти до 40 млн. марок.

ИГ использовал все известные способы контрабанды и придумал немало новых. Для прорыва блокады иногда использовались немецкие корабли. До вступления Италии в войну красители посылались из Италии почтовыми посылками. Некоторые товары ИГ отправлялись на кораблях нейтральных стран из голландских и итальянских портов. И до самого конца войны товары ИГ отправлялись из испанских портов под испанскими марками.

Но лучшей подмогой для ИГ были его друзья в США. Как явствовало из «плана нового порядка», Соединенные Штаты были главным конкурентом, а Латинская Америка — главной ареной конкуренции. Поэтому было вдвойне выгодно поддерживать германские торговые аванпосты в Латинской Америке за счет США при помощи союзников, живущих в Северной Америке.

Товары направлялись в адрес латино-американских клиентов ИГ американскими фирмами, которые считались независимыми и на которые поэтому не распространялась блокада, как, например, Дженоерл анилин энд фильм. Вот как описана эта система операций в меморандуме ИГ:

«Важнейшим источником снабжения в ближайшем будущем станут, несомненно, Соединенные Штаты. При создавшемся положении вещей подходящим поставщиком может стать американская экспортная фирма Фезанди энд Сперрле, которая получает товары от Дженоерл ани-

лин уоркс и Дженерл дайстаффс корпорэйшн, и, по соглашению с господами Гальбахом и Миллом, будет покупать у комиссионеров и остальных производителей. При посредстве Фезанди энд Сперрле целые партии товаров отгружаются в Латинскую Америку под нейтральными названиями, т. е. не зарегистрированными торговыми марками ИГ — такими, как Индантрен и т. п. Агентства же продают все иностранные товары под их настоящими названиями. Таким образом не приходится опасаться утраты реноме наших торговых марок».

Следует подчеркнуть, что меморандум упоминает Гальбаха из Дженерл дайстаффс корпорэйшн, ранее являвшейся частью Дженерл анилин энд фильм, а еще ранее — частью Америкэн ИГ. Несколькими месяцами позже тот же Гальбах упоминается в другом докладе ИГ.

«Я хочу особо подчеркнуть дружеское отношение и корректное сотрудничество господ Гальбаха и Нейссера (из Дженерл дайстаффс корпорэйшн), которые всемерно оказывали нам поддержку».

Эта похвала заслуживает особого внимания, и вот почему. Спустя несколько лет, когда фирма Дженерл анилин энд фильм была секвестрирована попечителем над иностранным имуществом в США и поставлена под новое руководство, этот самый г-н Гальбах, считавшийся незаменимым работником, остался в ней консультантом. Compliments по адресу Гальбаха представляются совершенно заслуженными: действительно, не легко угодить обеим враждующим не на жизнь, а на смерть сторонам. В этой связи можно напомнить, что один из главных аргументов против денацификации в американской зоне оккупации Германии также заключается в том, что нацисты незаменимы; утверждают, что без них все рухнет.

Центральной фигурой в поддержании латино-американских торговых связей ИГ был аргентинский гражданин Альфредо Молль. Молль был соуправляющим одного из важнейших южно-американских агентств ИГ — фирмы Анилинас Алеманас («Немецкие анилиновые продукты») в Буэнос-Айресе. В 1940 г. он был вызван в Европу и на совещаниях, происходивших в Швейцарии и в Италии, был проинструктирован о той деятельности,

которую ему предстояло вести в качестве тайного агента по закупкам в Нью-Йорке.

В течение нескольких месяцев от Молля не было сведений, деятели ИГ в Берлине и Франкфурте стали беспокоиться. Через одного «своего человека», Ричарда Метца, являвшегося американским гражданином, они передали, что просят Молля прислать доклад. В просьбе упреждалось:

«Весьма желательно, чтобы доклад был послан из Мексико или даже составлен в Мексико для переправки в нейтральной форме через Перу или Бразилию. Господину Моллю рекомендуется взять краткосрочный отпуск и совершить автомобильную поездку в Мексико».

Молль, как ему было указано, поехал в отпуск в Мексико и в декабре 1940 г. прислал оттуда два доклада. Правление ИГ могло успокоиться. Все было в порядке.

Молль писал: «Полагаю, что могу заверить Вас, что в результате терпеливой и настойчивой работы удалось установить нормальные и устойчивые взаимоотношения между Нью-Йорком и всеми важнейшими латино-американскими центрами...

Чили и Колумбия получили все причитающиеся на их долю товары, но Мексика, Бразилия и Аргентина — утратили некоторую часть».

Во втором докладе Молль считал нужным похвалить еще одну американскую фирму за ее полезные услуги: «... Мы с большим удовлетворением наблюдали неуклонно возрастающие продажи фирмы Эдванс сольвентс энд кемикл корпорейшн ов Нью-Йорк нашим латино-американским фирмам, что доказывает, что наши связи стали более прочными».

Во втором полугодии 1941 г. затруднения Молля увеличились. Существовал уже опубликованный список фирм, торговля с которыми не была разрешена. Любая фирма, о которой было известно, что она имела связи с ИГ, заносилась в этот список. И все же Молль продолжал вести дела. В докладе, представленном полковником Бернардом Бернштейном сенатской комиссии Килгора, говорится: «Теперь его метод действий свелся к тому, чтобы размещать заказы в США фирмам, не попавшим в список, включая в эти заказы товары, которые, по прибы-

тии в Буэнос-Айрес, должны были передаваться фирме Анилинас Алеманас.

Молль формально прервал связь с фирмой Анилинас Алеманас. Но его прежние партнеры не имели оснований сомневаться в его лояльности. Его прежний компаньон Флинш писал ИГ в октябре 1941 г., что «после того, как г-н Молль покинул мою фирму в июне согласно полученным телеграммам и в соответствии с этим прекратил все отношения с нами, насколько это требовалось по внешним соображениям, прежний тесный и дружеский контакт с Моллем... продолжался...

Моя фирма всегда была заранее осведомлена о всей деятельности и планах Молля, касающихся установления деловых отношений с США... все обсуждалось и осуществлялось по обоюдному решению».

Даже после того как Соединенные Штаты вступили в войну и ИГ утратил американские источники снабжения, товары ИГ продолжали поступать в Латинскую Америку через Испанию; эта торговля окончательно прекратилась лишь тогда, когда англо-американские армии летом 1944 г. высадились в Нормандии и перерезали путь в Испанию. Юлиус Оверхоф из ИГ нашел агента, по фамилии Юбеле, который сумел наладить эту торговлю. Красители посылались через Францию в Сербер на испанской границе; там Юбеле принимал их, маскировал испанскими ярлыками и отправлял их в Буэнос-Айрес под охраной британского свидетельства о беспрепятственной морской перевозке.

Итак, в первые годы войны блокада почти совершенно не задевала ИГ. Торговля ИГ с его южно-американскими агентствами была окончательно прекращена лишь в результате поражения немецких армий в Европе. Точно так же нет гарантий, что эти агентства будут ликвидированы до тех пор, пока не будет поражен центр ИГ Фарбениндурии в самой Германии. В настоящее время, спустя год по окончании войны, все еще нет уверенности в том, что это произойдет.

* * *

В Латинской Америке ИГ вел борьбу за господство на рынке против Соединенных Штатов. Но наступление ИГ не ограничивалось этими целями. Борьба была пере-

несена в США. Вопрос о дефиците каучука и о роли, которую в этом деле сыграли картельные отношения между ИГ и Стандарт ойл ов Нью-Джерси, является лишь самым ярким примером тех нехваток и узких мест, которые наблюдались в США. Даже шпионаж и пропаганда ИГ имели меньше значения, чем ловко осуществленное сокращение производства, достигнутое в результате картельных махинаций.

Эти узкие места, однако, удалось ликвидировать. Перед окончанием второй мировой войны США производили огромное количество вооружения.

Американское военное производство стало серьезно разворачиваться после падения Франции, в июне 1940 г. В течение почти двух лет после этого, вплоть до середины 1942 г., ощущались нехватки, парализовавшие производство. И именно в этот период два основных союзника Америки — Англия и Россия — испытали наиболее тяжелые удары. Еще не развернулись в большом масштабе действия американских войск, но потребность в материалах, поставляемых по ленд-лизу, со стороны союзников Америки уже была огромной. В связи с этим ощущалась нехватка алюминия, магния, оптических приборов, карбид-вольфрама, медикаментов и многого другого. Заслуга в преодолении трудностей в деле военного снабжения должна быть в значительной мере приписана отделу борьбы с трестами министерства юстиции. Именно этот отдел распутал картельную паутину, связывавшую американское производство.

Были начаты судебные дела по обвинению в нарушении закона о запрещении трестов; комиссиям конгресса США по расследованию были изложены основные факты, характеризующие положение. Мертвая хватка картелей была ослаблена в значительной мере простейшим способом: доведением фактов до сведения общественности.

Громадный материал о деятельности картелей, собранный министерством юстиции, находится в настоящее время в делах сенатских комиссий по расследованию: комиссии Бона, комиссии Трумэна, комиссии Килгора и др. Обо всем этом рассказано в книгах — Джозефа

Боркина и Чарльза Уэлша, Уенделла Берджа, Корвина Эдвардса и других. Вот некоторые из этих фактов.

Алюминий — это один из новых металлов, в результате появления которых железный век отходит в прошлое. Алюминий имеет много преимуществ по сравнению с большинством сплавов черных металлов. Он легче их, не так быстро ржавеет и является прекрасным проводником электричества. Руда его встречается во многих местах. Алюминий жизненно необходим для войны, но находит себе самое разнообразное применение и в мирное время. Не было бы предела потреблению алюминия в США, если бы на пути его свободного производства не стала одна крупная монополия. До второй мировой войны все производство алюминия в США находилось под контролем Алюминиевой компании Америки (Aluminium Company of America) — Алкоа (Alcoa).

США могут производить стали в четыре раза больше, чем Германия, да и вообще производственная мощность промышленности США значительно превышает немецкую. И все же в начале 1942 г. наблюдалось странное явление: не США, а Германия стала крупнейшим в мире производителем алюминия — этого столь важного в военном отношении металла.

В данном случае дело заключалось не в том, что Германия хранила в тайне от США сведения о способах производства, как это имело место в случае с каучуком «буна», и не в том, что немцы навязали свою волю американским капиталистам, как, например, в отношении поставок ИГ Латинской Америке. Никто не указывал извне фирме Алкоа, что ей надлежит делать. Десятилетиями она проводила политику ограничения производства и высоких цен. Она упорно придерживалась этой политики даже и в те годы, когда Германия готовилась к войне и всячески форсировала свое производство алюминия.

Между 1928 и 1931 г. был создан мировой алюминиевый картель. Алкоа не вступила в этот картель. Но Алкоа организовала подконтрольную фирму в Канаде, Алтед, которая вступила в картель. И вряд ли странным совпадением явилось то, что политика Алкоа согласовывалась с политикой картеля. Как пишут Боркин и

Уэлш в книге «Германский план господства»: «Картель... вовсе не мог бы функционировать, если бы Алкоа — случайно или намеренно — не воздержалась от конкуренции с ним на рынке».

Все члены картеля обязаны были придерживаться политики ограничения производства небольшими масштабами, за одним исключением — Германии. Германия была представлена в картеле фирмами Ферейнигте алюминииумверке (Vereinigte Aluminiumwerke) и филиалом ИГ — Алюминииумверке (Aluminiumwerke). Немецкие фирмы в полной мере использовали политику ограничения производства, проводившуюся другими членами картеля. Они прямо заявили своим партнерам в 1934 г., что намереваются увеличить свое производство сверх установленной для них картельной квоты. И в конце концов им разрешено было сделать это, с тем что они обещают сбывать излишек продукции на своем внутреннем рынке и не вызывать потрясений на мировом рынке.

К 1937 г. Германия почти сравнялась с Соединенными Штатами по размерам производства алюминия. В 1938 г. она обогнала их, выработав 175 тыс. т по сравнению со 130 тыс. т в Америке, прочие же страны остались далеко позади. В 1941 г. Германия, вероятно, производила больше алюминия, чем все Объединенные нации вместе взятые. Вся американская программа самолетостроения была поставлена под угрозу из-за недостатка алюминия. Картель хорошо выполнил свое задание, добившись ограничения производства алюминия во всех странах мира, кроме Германии.

Другим металлом, важнейшее военное значение которого немцы хорошо понимали, являлся магний. Магний еще легче, чем алюминий. Он используется в производстве ракет и зажигательных бомб и может в сплаве с другими металлами служить заменителем алюминия. Он и был заменителем алюминия до того момента, когда Алкоа усмотрела в нем серьезную угрозу своей алюминиевой монополии. Какой толк от полного контроля сбыта одного металла, если вместо него может быть применен другой?

Главным производителем магния в Германии был ИГ. Используя свое замечательное умение управлять карте-

лями, ИГ так ловко сумел использовать страх Алкоа перед конкуренцией магния в США, что в течение ряда лет немцы буквально могли диктовать размеры производства магния в Америке и экспорта его в Англию.

Вначале, в 20-х годах, в Америке имелись две фирмы, производившие магний: Дау кемикл компани (Dow Chemical Co) и подконтрольная Алкоа Америкэн магнизиум компани (American Magnesium Co). Алкоа вступила в конкуренцию, чтобы добиться своей цели: сведения производства магния к минимуму; в 1927 г. Алкоа согласилась купить у Дау весь его магний.

ИГ появился на сцене в 1931 г., когда он подписал соглашение с Алкоа, получившее название «Алиг» (Alig). Алкоа и ИГ совместно образовали акционерное общество по владению патентами — Магнезиум девелопмент компани (Magnesium Development Co). Патенты эти имели большое значение; в соответствии с обычной практикой ИГ они могли быть использованы как угроза, для того чтобы заставить независимые фирмы вступить в картель.

В Германии производство магния всячески форсировалось. Но в Америке оно должно было быть сведено к минимуму — в этом состояла часть нацистского военного плана. В соответствии с этим ИГ включил в договор об учреждении фирмы Алиг пункт о том, что американское производство магния не должно превышать 4 тыс. т в год.

Следующий шаг заключался в том, чтобы побудить компанию Дау присоединиться к договору Алиг. Алкоа применила давление. Опираясь на владеющую патентами компанию Магнезиум девелопмент, Алкоа грозила компании Дау затеять бесконечную тяжбу о патентных правах. Фирма Дау вынуждена была уступить.

Теперь ИГ достиг своей цели. Американская продукция магния не превышала 4 тыс. т в год. Компания Дау вынуждена была резко сократить свой экспорт магния в Европу — ее продажи британской фирме Бритиш максим компани (British Maxium Co) были сведены к жалким 150 т в год. Результаты всего этого были очевидны: даже в 1940 г. США производили всего 5,7 тыс. т магния в год, тогда как Германия — 19 тыс. т. Это был еще один дар ИГ Гитлеру и еще одно ограничение

американского военного производства, которое затем пришлось преодолевать в отчаянной спешке.

Вот примеры из других областей.

С самого начала американские войска, которым пришлось воевать на островах Тихого океана, очень сильно страдали от малярии и не имели надлежащих лекарств для ее лечения; в этом заключалась еще одна победа ИГ.

В течение долгого времени основным лекарством для лечения малярии был хинин. Его доставляли с острова Явы. Производство его находилось полностью в руках голландской монополии, так хорошо организованной, что даже немцы восхищались ею. «План нового порядка», разработанный ИГ, намечал путь захвата этой голландской монополии, не нарушая ее деятельности. Покамест ИГ вступил в борьбу с нею на собственный манер: он разработал синтетический медикамент атебрин, также облегчавший приступы малярии.

Завоевав Яву, японцы тем самым захватили в свои руки всё мировое производство хинина; правда, хинное дерево, дающее хинную кору, растет также и в Южной Америке, и именно оттуда голландцы и завезли его на Яву, но производство хинина в Южной Америке мало развито.

Лишившись хинина, американские войска обратились к атебрину. И тут-то США и столкнулись еще с одним препятствием, которое ИГ Фарбениндурии возвел на их пути. ИГ дал только одной американской фирме лицензию на производство атебрина. Это была фирма Уинтроп кемикл компани, связанная с ИГ. Она не расширяла свое производство. Как сказал заместитель министра юстиции США Уенделл Бердж, «потребовались совместные усилия правительства и промышленников для того, чтобы добиться расширения производства и покрытия нехватки хинина».

В конце 1940 г. Англия была объектом ожесточенного воздушного нападения немцев, и американское общественное мнение энергично высказывалось в пользу оказания помощи англичанам. Но когда британская закупочная комиссия пыталась приобрести в США боеприпасы, начиненные тетраценом, то закупка была сорвана в силу картельного соглашения между фирмами Ремингтон

армс компании (Remington Arms Co), подчиненной Дюпону, и Рейниш-Вестфэлише шпренгштофф (Rheinisch-Westfälische Sprengstoff), подчиненной ИГ.

Юрисконсульт фирмы Ремингтон армс компании по патентным вопросам писал:

«Дальнейшая продажа начиненных тетраценом боеприпасов британской закупочной комиссии, или правительству Южно-Африканского Союза, или правительству Канады является в высшей степени нежелательной в силу нашего соглашения по тетрацену с фирмой Рейниш-Вестфэлише шпренгштофф (подконтрольной ИГ).

...Мы узнали, что производственный отдел рекомендовал применение тетраценовой начинки в некоторых боеприпасах, которые намечается продать британской закупочной комиссии. Представляется очевидным, что этого не следует делать». И это не было сделано.

Разумеется, ИГ являлся отнюдь не единственным в Германии создателем картелей. Имелись и другие немецкие концерны, которые вели экономическое наступление против США.

Так, например, Крупп заключил соглашение с американской Дженерл электрик компании (General Electric Co) относительно карбид-вольфрама, уступающего по своей твердости только алмазу. Он необходим для станков, которые, в свою очередь, необходимы для всякого машинного производства. Соглашение Крупп — Дженерл электрик было заключено по обычному образцу. В Германии карбид-вольфрам производился в большом количестве и продавался по цене от 37 до 90 долларов за фунт. В США карбид-вольфрам производился в небольшом количестве и продавался по цене от 200 до 400 долларов за фунт. В 1938 г. в Германии находилось в употреблении примерно в 20 раз больше карбид-вольфрама, чем в Соединенных Штатах. Немцы имели избыток станков, что очень помогло им восстанавливать ущерб, причиненный их заводам воздушной бомбардировкой. Между тем, в США недостаток станков был одним из серьезнейших узких мест. Эта трудность была, в конце концов, преодолена благодаря применению закона против трестов, но один американский промышленник сказал: «Теперь, при чрезвычайных обстоятельствах, промышлен-

ность не имеет навыка в применении карбид-вольфрама и не располагает таким количеством машин, обученных рабочих и техническим опытом, какими она могла бы располагать, если бы этот продукт имелся по тем же низким ценам, по которым он был доступен немецким промышленникам».

То же произошло и с оптическими приборами. В Соединенных Штатах оптические приборы, а сюда входят дальномеры, перископы, орудийные прицельные устройства, регуляторы направления торпед, телескопы, бинокли и т. д., производятся компанией Бауш энд Ломб (Bausch and Lomb). Основным немецким производителем оптических приборов была фирма Карл Цейсс (Carl Zeiss) в Иене. Обе эти фирмы заключили между собой в 1921 г. картельное соглашение. В то время, по данным министерства юстиции США, фирма Бауш энд Ломб помогла Цейссу обойти постановления Версальского договора и восстановить его производство военных оптических приборов. Как это обычно практиковалось картелями, производство оптических приборов в США было ограничено до такой степени, что в годы второй мировой войны и здесь возникло серьезное узкое место. Картельное соглашение предусматривало также обмен информацией. И вот, во исполнение его, военные секреты американских военного и морского ведомств пересылались в Германию до 1939 г. включительно. Немецкие же участники картеля с 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, стали ограничиваться расплывчатыми общими описаниями своих методов производства. По интересному совпадению обстоятельств, Цейсс стал особенно усиленно интересоваться американским военным оборудованием именно с этого же времени — со времени прихода Гитлера к власти. В апреле 1933 г. он писал фирме Бауш энд Ломб:

«Ваш последний ежемесячный отчет дал нам основания полагать, что мы безусловно могли бы оказать вам более значительное содействие, если бы вы сообщили нам, какого рода приборы испытываются и применяются вашим военным ведомством. Имеется ряд областей, касающихся оборудования судов, самолетов и танков, требующих специальных оптических приборов.

Мы предлагаем вам настойчивее осведомляться в соответствующих инстанциях и сообщить нам о стоящих перед вами проблемах».

Фирма Бауш энд Ломб продолжала посылать свои отчеты. Она лишь просила принять меры предосторожности, поскольку во всех ее контрактах с правительством США имелась отныне статья о секретности. В письме, посланном в Германию в декабре 1933 г., указывалось, что «...постановления теперь так строги, что необходимо хранить настоящие отчеты в строжайшем секрете, в отдельном сейфе».

Алюминий и атебрин, станки и перископы — во всех случаях повторялось одно и то же. Картели вызвали серьезные затруднения в США, когда страна начала вооружаться. ИГ Фарбениндустри и другие немецкие фирмы хорошо поработали.

ГЛАВА XI

ФИНАЛ?

С момента своего зарождения ИГ вел войну с остальным миром, причем главным объектом нападения были Соединенные Штаты. После Пирл-Харбора США нанесли ответный удар.

Чтобы поразить германские вооруженные силы, необходимо было создать огромную армию, обучить, снабдить ее и переправить ее через океан. Необходимо было высадить войска на побережье Нормандии, что, пожалуй, было одной из самых сложных военных операций. Прежде чем первый американский солдат добрался до первого завода ИГ в Германии, 115 тыс. американских солдат погибли в боях по всему пути наступления через Францию, через линию Зигфрида и далее в глубь Германии¹.

В США имелись активы ИГ, и не представляло труда захватить их. На пути к различным предприятиям фирмы Дженоерл анилин энд фильм не было, по крайней мере, мин, дотов и блокгаузов. В качестве военной меры попечителем над иностранной собственностью в США на них был наложен секвестр. Что бы ни произошло с остальными частями промышленной державы

¹ Сэюли неправильно изображает причины, по которым откладывался второй фронт и явно переоценивает роль США во второй мировой войне. Откладывание второго фронта объясняется не сложностью подготовки этой военной операции, а происками реакционных кругов Англии и США. Как подчеркивается в Исторической справке Советского Информационного бюро «Фальсификаторы истории», «политика откладывания второго фронта была отнюдь не случайна. Она питалась устремлениями тех реакционных кругов в Англии и США, которые преследовали свои цели в войне, не имевшие ничего общего с освободительными задачами борьбы против германского фашизма». На всем протяжении войны главную ее тяжесть несли на себе советские вооруженные силы и советский народ. (Прим. ред.)

ИГ, но в США ей, казалось, наступил конец. Так казалось. Но теперь, спустя почти пять лет после Пирл-Харбора, нет уверенности, что так именно и будет.

* * *

Перед американцами в годы второй мировой войны возникло много новых проблем, но проблема вражеского имущества в США не была для них нова. В частности, было хорошо известно, как поступили во время первой мировой войны с активами ИГ и как ИГ сумел получить их обратно. Эта история заслуживает того, чтобы о ней вспомнить, так как она проливает свет на проблемы текущего момента.

Основой немецкого экономического наступления были патенты — этот плод передовой индустриальной техники. Попечитель над иностранным имуществом и нанес удар в самый центр вражеской силы: он секвестровал патенты в количестве более двенадцати тысяч. Из них более пяти тысяч относились к области химии. Некоторые патенты удержали за собой военное и морское ведомства США, остальные были проданы американским капиталистам.

Перед первой мировой войной в Америке, по существу говоря, не было производства красителей. Теперь, на базе немецких патентов, была создана американская промышленность красителей. Для этой цели было создано специальное акционерное общество Кемикл фаундэйшн (Chemical Foundation).

Оно приобрело немецкие патенты от попечителя над иностранным имуществом и распределило их между отдельными американскими фирмами. Как показывает само его название, общество Кемикл фаундэйшн было заинтересовано главным образом в химической промышленности. Фактическим основателем и ведущим деятелем этого общества был Френсис Гарван, нью-йоркский адвокат, принимавший активное участие в местной политической жизни. Он был сначала заместителем попечителя над иностранным имуществом, а затем сам занял пост попечителя. Гарван был красноречив и энергичен. Отныне он стал выступать за создание сильной американской химической промышленности

и боролся против ИГ. Годы шли, и ему пришлось все ожесточеннее бороться с ИГ, который возродил свою мощь не только в Германии, но также и в Америке.

В дополнение к секвестру немецких химических патентов, в США было захвачено также и все имущество ИГ. В тот период ИГ еще не был единой организацией, и главным его представительством за границей была знаменитая фирма Байер в Леверкузене. В 1919 г. попечитель над иностранным имуществом продал американское агентство Байера с аукциона. Покупателем была фирма Стерлинг продактс компании ов Уэст Вирджиния (Sterling Products Co of West Virginia). Следует отметить, что условием продажи было поставлено недопущение возврата под немецкое влияние.

Агентство Байера в США работало и по красителям и по фармацевтике. Фирма же Стерлинг была заинтересована только в фармацевтике. Она продала свои интересы в области красителей фирме Грассели кемикл компании (Grasselli Chemical Co). И тотчас же ИГ через Байера стал стремиться вновь завладеть обеими этими фирмами.

Ровно через год после упомянутого выше аукциона, в 1920 г., фирма Стерлинг уже заключила свое первое картельное соглашение с ИГ. Дело в том, что немцы все еще были опасными конкурентами в области химической промышленности. Хотя пять тысяч химических патентов и были конфискованы, но все время заявлялись новые патенты. За сухими, зачастую дезинформирующими формулами патентов стояли новые промышленные методы. Что было важнее всего — сохранилась организация ИГ в Южной Америке. И в 1946 г. также сохранилась организация ИГ в Латинской Америке.

По условиям соглашения 1920 г., фирма Стерлинг отказалась от операций по продаже аспирина в Латинской Америке в пользу Байера, за что Байер выделил Стерлингу 25% прибылей от этих своих торговых операций. Это лишь один из многочисленных примеров, показывающий готовность ИГ поступиться на короткое время прибылями ради установления своего господствующего положения.

В 1923 г. соглашение Стерлинг — Байер (ИГ) было расширено и стало охватывать почти все фармацевтические продукты. Главная выгода, полученная фирмой Стерлинг от этого соглашения, заключалась в обещании ИГ не продавать свои фармацевтические продукты в Соединенных Штатах. Но это обещание оказалось лишенным смысла, когда ИГ в то же время получил 50% участия в прибылях подконтрольной Стерлингу фирмы Уинтроп кемикл компании (Winthrop Chemical Co). В 1926 г. ИГ еще основательнее проник на американскую территорию посредством приобретения 50% акционерного капитала фирмы Уинтроп. Немцы не владели частью капитала самой фирмы Стерлинг, но на деле она оказалась верным другом ИГ Фарбениндустрии. В декабре 1939 г. эта фирма явилась одной из тех, которые согласились помочь ИГ прорвать английскую блокаду. Стерлинг отправлял фармацевтическую продукцию ИГ в Латинскую Америку, где она продавалась агентами ИГ под маркой ИГ.

Еще более полного успеха ИГ добился в отношении фирмы Грассели кемикл компании, которая купила на аукционе интересы Байера в области производства красок. В 1924 г. Байер и Грассели создали совместно акционерное общество Грассели дайстаффс компании (Grasselli Dyestuffs Co) для торговли красками в Соединенных Штатах. Байер имел 50% капитала новой компании, но в целях гарантирования его от конкуренции в Латинской Америке сфера сбыта новой компании была ограничена пределами США и Канады.

Затем последовал ряд соглашений, каждое из которых добавляло кое-что к восстановлению прежнего господства ИГ на американском рынке красок. Так, в силу условий соглашения, заключенного в июле 1925 г., американской фирме Грассели кемикл было оставлено только 35% участия в капитале совместной фирмы Грассели дайстаффс; остальное перешло к Байеру и другим участникам концерна ИГ. В виде компенсации фирма Грассели получила долю участия в прибылях ИГ; это еще один пример того, как ИГ временно жертвовал непосредственной выгодой ради закрепления своих позиций за границей.

В конце 1928 г. фирма Грассели вовсе перестала существовать: фирму Грассели кемикл купил концерн Дюпон, а фирма Грассели дайстаффс стала полной собственностью ИГ. Во всем этом процессе постепенного отвоения утраченных было прежних позиций концерну ИГ много помогло то обстоятельство, что значительная часть его первоначального персонала была оставлена на своих постах, когда попечитель над иностранным имуществом провел секвестр. Так, например, отделом красок фирмы Грассели заведывал некий Ральф Гутц — это был старый служащий Байера, интернированный в годы первой мировой войны.

Теперь ИГ был готов к своему окончательному возвращению на американскую сцену. В 1929 г. была образована компания Америкэн ИГ. В нее вошли: Дженерл анилин уоркс (General Aniline Works, — новое название фирмы Грассели дайстаффс К°); Агфа-Анско (Agfa-Ansco), фирма по производству фотоматериалов; половина капитала Уинтроп кемикл К°, половина капитала Магнезиум девелопмент К° (что на деле оказалось вкладом ИГ в дело обеспечения нужного Германии низкого уровня производства магния в Соединенных Штатах).

Создавая свою новую организацию в США, немецкий концерн ИГ Фарбениндустри располагал солидной американской поддержкой. Список членов правления новой американской фирмы включал таких лиц, как Уолтер Тигл, председатель правления Стандарт ойл ов Нью-Джерси, Эдсель Форд и Пауль Уорбург. При этом Стандарт ойл был уже тесно связан с ИГ картельными отношениями, а со стороны Форда это было ответной любезностью, ибо ИГ был крупнейшим участником немецкой компании Форд.

Вначале не пытались скрывать, что Америкэн ИГ есть просто филиал ИГ Фарбениндустри. Но руководители ИГ никогда не забывали о предстоящей войне и о необходимости поэтому маскироваться. Контрольный пакет акций Америкэн ИГ принадлежал не самому концерну ИГ, а якобы швейцарской фирме ИГ Хеми.

Когда в 1939 г. началась вторая мировая война, фирма Америкэн ИГ изменила свое название на Дженерл

анилин энд фильм. Спустя год Герман Шмиц, председатель правления ИГ Фарбениндустри, проделал весь юридический ритуал освобождения ИГ Хеми от немецкого контроля. Поэтому и для фирмы Дженерл анилин энд фильм стало возможным утверждать, что она является швейцарской, но отнюдь не германской. А между тем Дженерл анилин энд фильм являлся прямым преемником прежних байеровских агентств в США периода до первой мировой войны. И в годы второй мировой войны, вплоть до конца 1941 г., фирма продолжала нести службу для ИГ, прорывая английскую блокаду и сохраняя за ИГ латино-американские рынки сбыта.

Итак, ИГ полностью восстановился в Соединенных Штатах. И все же деятельность попечителя над иностранным имуществом в годы первой мировой войны оказалась не напрасной: в результате осуществленного им секвестра немецких патентов была создана американская промышленность красок, не зависящая от ИГ. Ряд крупных американских фирм, как Дюпон, Эллайд кемикл энд дай (Allied Chemical and Dye) и Америкэн сайанамид (American Cyanamide), стали крупными производителями красителей.

Казалось бы, что уже с этими-то компаниями ИГ не сможет установить связи. Но подобное наивное представление не принимает во внимание силу картельной монополистической тенденции. В период с 1939 по 1942 г. фирма Аллайд кемикл энд дай была трижды обвинена министерством юстиции на основании антитрестовского закона Шермана в участии в международных картелях красителей и азота, в которых главенствующую роль играл ИГ Фарбениндустри. Дюпон являлся тем американским концерном, который ближе всего походил на ИГ по размерам и по степени господства в области химии. Дюпон принимал особенно активное участие в движении в защиту «народившейся американской химической промышленности» после первой мировой войны. Он внес 125 тыс. долларов в капитал Кемикл фаундэйшн. А между тем уже в 1919 г. Дюпон послал своих представителей в Швейцарию для выяснения возможности соглашения с ИГ об эксплуатации в мировом масштабе аммиачного процесса Габера и Боша.

Когда эти факты были затронуты при обсуждении в сенатской комиссии, расследовавшей в 1934 г. положение военной промышленности, представитель комиссии обвинил свидетеля от концерна Дюпон: «В тот момент, когда вы здесь доказывали стране, как важно взять в свои руки господство над химической промышленностью, отнять его у Германии и создать в США хорошо развитую химическую промышленность, — вы там заключали сделку с немцами».

Конечно, немцы были обозлены потерей своих патентов; их злоба еще более возросла, когда конгресс США установил высокие импортные пошлины на красители. Они считали, что и в том и в другом замешан Дюпон. И все же агенты Дюпона в Европе сумели сгладить эти затруднения. Один из них писал в Америку: «Мы расстались добрыми друзьями... и они теперь убедились... что мы вели с ними честную игру».

ИГ и Дюпон никогда не достигали полного соглашения между собой, подобно тому, какое каждый из них заключил с британским концерном Империял кемикл индастрис. Но Дюпон входил в картели вместе с фирмами, подконтрольными ИГ, например в картель боеприпасов — вместе с Динамит-Нобель и Кельн-Ротвейль. Деятельность ИГ и Дюпона протекала согласованно и в связи с тем, что оба они тесно сотрудничали с Империял кемикл индастрис; эти две системы соглашений не могли вступать в конфликт между собой.

В итоге, тенденция к международному картелированию оказалась сильнее усилий попечителя над иностранным имуществом, направленных к изгнанию немецкой химии из США после первой мировой войны. Во всяком случае, когда началась вторая мировая война, имелся богатый опыт ошибок, которых следовало бы избежать.

* * *

Ко времени второй мировой войны было, по крайней мере, семь фирм, которые могли считаться активами ИГ Фарбениндустрii в Соединенных Штатах. Некоторые из них, например Магнезиум девелопмент корпорейшн, Америкэн магнезиум корпорейшн и Джаско Инкорпорейтед, осуществляли картельные связи между ИГ и такими

американскими концернами, как Алкоа и Стандарт ойл. Эти картельные связи были нарушены войной, по крайней мере, временно.

Но совершенно ясно, что картельные отношения между ИГ и крупными фирмами Соединенных Штатов могут возобновиться. Этот вопрос имеет более широкое значение. Судьба какой-либо компании по эксплуатации патентов, вроде Магнезиум девелопмент компани или Джаско, является второстепенным вопросом по сравнению с вопросами, имеющими более серьезное политическое значение, а именно: 1) будет ли существовать новый ИГ, с которым можно будет заключить картельные соглашения, и 2) будет ли существовать четко сформулированная официальная американская политика в вопросах картелирования?

После всего того, что стало известно о двух мировых войнах, трудно найти человека, который бы открыто заявил о своем сочувствии к сохранению ИГ или воссозданию прежних картелей. И все же в данный момент, более чем год спустя после окончания войны, не дано еще ответа ни на один из этих двух вопросов. Как будет показано в следующей главе, в первый год оккупации Германию союзниками концерн ИГ Фарбениндустри не был ликвидирован. Не было также и сколько-нибудь определенного заявления о том, что соответствующая торговая политика США заменит собой образование частных картелей.

Велось много разговоров о «свободе» вообще и о свободе торговли между странами. Примириться с тем, чтобы эти разговоры так и остались абстрактными красивыми фразами, — это значит допустить, что мы только что вышли из Крымской войны 1853—1856 гг., а не из второй мировой войны 1939—1945 гг. Ответственные руководители американского правительства заявили, что они против ограничительной практики картелей. И этим дело кончилось. Единственный закон, несколько отвечающий создавшейся обстановке, это закон Шермана, изданный около полувека тому назад для контроля над трестами *внутри* Соединенных Штатов. Нет абсолютно никаких гарантий, что сам народ будет иметь какое-нибудь влияние на разрешение основных международных

экономических проблем, от которых зависят война и мир. При отсутствии такого контроля решения будут и впредь приниматься небольшими группами капиталистов, организованными в картели, озабоченными единственно лишь тем, чтобы показывать прибыли в своих отчетах акционерам.

Имеющиеся данные показывают, что крупные концерны, состоявшие членами картелей до войны, желают и готовы вступить в них опять. Правление Стандард ойл ов Нью-Джерси в 1943 г. отказалось рассмотреть предложение не вступать после войны в картели совместно с ИГ Фарбениндурии. Другие концерны проявили такие же настроения. Как заявил Корвин Эдвардс перед комиссией Килгора: «Компания Дюпон имеет договоренность о том, что многие, если не все, ее картельные связи будут возобновлены после войны... Прекращение обмена технической информацией между Дюпоном и ИГ Фарбениндурии в апреле 1941 г. предусматривалось на срок «до окончания нынешнего чрезвычайного положения», с тем что «все прочие договорные обязательства продолжат сохранять свою силу».

Имелась, однако, определенная и притом значительная часть собственности ИГ в Соединенных Штатах, которой американское правительство могло распорядиться в порядке проведения чисто военных мероприятий, независимо от общей политики в вопросе о картелях. Это была фирма Джернерл анилин энд фильм и связанная с нею Джернерл дайстаффс. Единственной защитой этой фирмы была маскировка того типа, который ИГ так успешно применял во всем мире.

В феврале 1942 г. министерство финансов США переняло большую часть акций Джернерл анилин энд фильм и сменило членов правления этой компании. Спустя два месяца, 24 апреля 1942 г., контроль над этой фирмой перешел к попечителю над иностранным имуществом. Спустя четыре года контроль над этой фирмой все еще находился в его руках, и будущая судьба этой фирмы так и оставалась нерешенной.

Министерство финансов отстранило прежних членов правления и назначило Роберта Мак-Конелла председателем правления, а Бэйтса, Циммерли и Маршалла —

вице-председателями правления. Ни одно из этих лиц, назначенных министерством финансов, не было оставлено на работе попечителем над иностранным имуществом. Отметим попутно, что при всяких разногласиях политического характера в Вашингтоне министерство финансов в течение всего военного периода настаивало на применении жестких мер против нацистской Германии и на ликвидации немецких активов в США.

Вопрос о дальнейшем праве собственности на фирму Джэнерл анилин энд фильм так и не был разрешен. Но оперативный контроль над нею перешел к группе лиц, связанных с крупными капиталистами, быстро занявшей видное положение в американском финансовом мире, и возглавляемой Виктором Эммануэлем, финансистом международного масштаба. Он сам состоит членом правления Джэнерл анилин энд фильм. Многие из его ставленников также являются членами правления или сотрудниками этой фирмы.

То, что Виктор Эммануэль занял видное место в управлении собственностью ИГ в Америке, не вызывает удивления. Следует иметь в виду, что первым попечителем над иностранным имуществом был Лео Кроули, глава компании Стандарт газ энд электрик (Standard Gas and Electric). Эта компания контролировалась группой Эммануэля. Преемник Кроули — нынешний попечитель Джеймс Маркхэм — также является членом правления Стандарт газ энд электрик. Большое влияние на судьбу Джэнерл анилин энд фильм имел также Джордж Аллен, одно время состоявший советником президента США, а прежде занимавший пост председателя правления Реконструктивной финансовой корпорации. Аллен занял пост члена правления в ряде акционерных обществ, входящих в группу Эммануэля, например Консолидейтед-Валти (Consolidated Vultee), Авиэйшн корпорэйшн (Aviation Corporation) и Рипаблик стил (Republic steel).

Главная опасность в вопросе об управлении американскими активами ИГ Фарбениндурии заключается, разумеется, в возможности возобновления немецкого влияния и восстановления немецких связей. Заслуживает упоминания то обстоятельство, что Виктор Эммануэль

бывал в Англии между 1927 и 1934 г. В Лондоне он был связан с банковской группой Шредер, и именно под ее влиянием он вступил в фирму Стандарт газ энд электрик. Как известно, лондонские Шредеры связаны с Шредерами немецкими. К числу последних относится и барон Бруно Шредер, который, как утверждают, познакомил Гитлера с рурскими промышленниками. Барон Курт Шредер имел высокий эсэсовский чин и был известен как «банкир эсэсовцев». Лондонский банкирский дом Генри Шредер энд К^о был охарактеризован журналом «Тайм» в июле 1939 г. как «экономический инициатор оси Берлин — Рим».

Следует также напомнить, что после первой мировой войны попечитель над иностранным имуществом секвестрировал активы Байера, но в удивительно короткий срок они вновь вернулись под немецкий контроль. Одним из основных пороков деятельности попечителя было сохранение прежнего руководящего персонала. В 1942 г. министерство финансов начало дело энергично, сместив всех директоров и сотрудников фирмы Дженоерл анилин энд фильм. Но к 1945 г. попечитель над иностранным имуществом позволил многим из них, в том числе Джиббонсу, Бакстеру и Кингу, вернуться обратно.

Гальбах, возглавлявший до войны фирму Дженоерл дайстаффс, является одним из тех лиц, о которых с похвалой упоминается в отчетах ИГ; он способствовал сохранению деловых интересов ИГ в Латинской Америке. В годовом отчете попечителя над иностранным имуществом за 1945 г. говорится о нем следующее: «Г-н Гальбах, являвшийся до перехода фирмы в наше ведение председателем ее правления и генеральным директором, в настоящее время работает в качестве консультанта, занятого полный рабочий день. По окончании тяжбы, касавшейся акций, прежде ему принадлежавших, г-н Гальбах представил на рассмотрение правления (назначенного попечителем над иностранным имуществом) свое заявление об отставке. Правление не приняло его отставки, ибо, как заявил председатель, члены правления считали, что его уход с поста консультанта в настоящее время отрицательно отразился бы на военных усилиях».

Дженерл анилин энд фильм представляет значительную ценность. С чисто производственной стороны его ценность во время войны возросла. Под руководством попечителя над иностранным имуществом эта фирма была превращена в предприятие, работающее полностью на военные нужды, и получила ряд наивысших похвальных отзывов от армии и флота. Ее научно-исследовательская деятельность сильно расширилась. В 1941 г. она расходовала на эту деятельность всего лишь 13 тыс. долларов, а в 1944 г. ассигнования на лабораторные работы составили 1582 тыс. долларов. В июне 1945 г. фирма имела около 4 тыс. американских патентов. До тех пор пока не будут приняты определенные меры в этом направлении, все эти патенты продолжают оставаться патентами ИГ, находящимися в управлении попечителя над иностранным имуществом.

Разумеется, не представило бы труда найти покупателей на имущество фирмы Дженерл анилин энд фильм. И, действительно, поступило уже немало запросов об этом. В силу самого факта своего нынешнего контроля над этой фирмой группа Эммануэля имеет преимущество, но его оспаривает ряд крупных американских химических фирм. Камнем преткновения в деле продажи является швейцарская фирма ИГ Хеми.

Эту фирму называли шедевром маскировки Германа Шмица. Он создал ее с определенной целью — предохранить заграничные активы ИГ от секвестра в случае войны. План осуществлялся гладко. После начала войны, в 1939 г. американская фирма Америкэн ИГ переменила название на Дженерл анилин энд фильм, а ИГ Хеми проделала все формальности по прекращению своих связей с ИГ Фарбениндустри. Она даже укрепила свое положение, изменив в январе 1945 г. название.

Но как бы она ни называлась, фирма ИГ Хеми все еще претендует на право собственности на контрольный пакет акций фирмы Дженерл анилин энд фильм. А американский попечитель над иностранным имуществом воздерживается от продажи этой фирмы и патентов ИГ из опасений, что ИГ Хеми может вчинить иск. Теоретически все это мотивируется тем, что ИГ Хеми — швей-

царская, а стало быть, нейтральная фирма, и поэтому ее имущество не подлежит секвестру и продаже.

Тем временем Герман Шмиц, председатель правления ИИ Фарбениндустри, придумавший всю эту механику маскировки, находился в американской военной тюрьме в Германии, которую называли «Дастбин» (мусорный ящик). Может быть, скука тюремной жизни способствовала восстановлению его памяти. В начале августа 1946 г. он сделал предложение — поехать в Швейцарию, повидать там своих друзей из фирмы ИГ Хеми и организовать при их содействии сбор средств для посылки продовольствия в Германию. Повидимому, Шмиц вспомнил, что все-таки имел связи с ИГ Хеми.

Но, хотя Шмиц и вспомнил о том, что он мог бы посоветовать фирме ИГ Хеми, что ей следует делать, продажа фирмы Джернерл анилин энд фильм продолжает задерживаться. Выдвинуто предложение, чтобы попечитель над иностранным имуществом обратился к конгрессу США с просьбой провести закон, разрешающий ему продать секвестрированное им имущество, невзирая на то, что на последнее заявляют претензии нейтральные фирмы.

С другой стороны, наступление на фирму Джернерл анилин энд фильм ведется со стороны министерства юстиции США в связи с его кампанией против трестовских монополий. Незадолго до войны министерство трижды обвиняло данную фирму в том, что она является монополией. Дело было отложено на время войны. Наконец, в марте 1946 г. фирма Джернерл анилин энд фильм решила не оспаривать иск — и на нее был наложен штраф в 15 тыс. долларов. К слову сказать, капитал этой фирмы возрос примерно с 40 млн. долларов в 1942 г. почти до 58 млн. в 1945 г. Для этой фирмы штраф в 15 тыс. долларов означал не больше, чем стоимость трамвайного билета для рядового гражданина.

Фирма Джернерл дайстаффс также была обвинена в нарушении антитрестовского закона. Соответчиками по этому делу были вместе с нею фирмы Дюпон, Эллайд кемикл энд дай и швейцарский картель красителей — всего 14 фирм. При вынесении окончательного решения по делу в апреле 1946 г. они уплатили все вместе штраф в 110 тыс. долларов. Учитывая, что дело затянулось на

четыре года, следует признать такой штраф весьма умеренным сбором за право участия в картелях.

Когда вслед за нападением на Пирл-Харбор Соединенные Штаты вступили в войну, казалось, что позиции ИГ Фарбениндустрii в Америке потеряны навсегда. Но Герман Шмиц замечательно искусно соткал свою невидимую маскировочную сеть. Главный актив ИГ в Америке — фирма Дженерл анилин энд фильм — все еще остается серьезной угрозой будущему миру. То, что произошло после войны 1914—1918 гг., ныне повторяется с ужасающей точностью.

Центр ИГ остается в Германии. Если ИГ будет действительно ликвидирован на своей родине, то не будет иметь большого значения, именуют ли себя фирмы ИГ Хеми и Дженерл анилин энд фильм швейцарскими, голландскими или монгольскими. Исход дела зависит от оккупационных властей в Германии. И именно там до сих пор ИГ Фарбениндустрii ведет успешную борьбу за то, чтобы выжить.

ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Весной 1945 г. война союзников против фашизма достигла своего кульминационного пункта.

Это была весна освобождения для народов Европы. Даже в разрушенных городах и сожженных деревнях воздух стал чище, жизнь могла возобновиться.

В ту весну армии Советского Союза, США и Великобритании вступили на территорию нацистской Германии и разгромили германские вооруженные силы. В конце апреля наступил день, которого ждали много лет: солдаты советских и американских дивизий прорвались к Эльбе, встретились там и пожали друг другу руки.

Но, что важнее всего, в ту весну предстояло решить будущую судьбу Германии.

В 1933 г. в основном только левые партии называли Гитлера врагом. В Соединенных Штатах люди, находившиеся в те годы в оппозиции к нацизму, были впоследствии названы «преждевременными антифашистами». Памятуя сфабрикованные в период первой мировой войны сообщения о зверствах, люди с недоверием относились к сообщениям о жестокостях фашистов и считали это «пропагандой». Но теперь оказалось, что Бельзен и Дахау и Бухенвальд можно было даже узнать по запаху, прежде чем увидеть. Истина оказалась ужаснее всех рассказов. Через 12 лет мир видел, что в действительности представляет собой нацизм; с ним необходимо было покончить раз и навсегда.

В феврале 1945 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль встретились в Ялте. Их совместная декларация, опубликованная 13 февраля, гласит:

«Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны

решиности разоружить и распустить все германские вооруженные силы... ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию...»

Спустя пять месяцев Большая Тройка встретилась вновь. Война с Германией была уже позади, двое из трех лидеров были новыми людьми, но изменений в объявленном ранее курсе политики не последовало. В Потсдамской декларации Сталин, Трумэн и Эттли заявили:

«Целью этого Соглашения является выполнение Крымской Декларации о Германии. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире».

Политический курс Ялтинской и Потсдамской деклараций не был навязан Соединенным Штатам. Наоборот, американская политика была полна суровой решимости искоренить немецкий фашизм. Основные положения американского плана оккупации Германии были изложены в директиве объединенных начальников штабов США и Англии генералу Эйзенхауэру. Эта директива, известная под номером 1067, была утверждена Белым Домом 11 мая 1945 г. после длительных споров, происходивших в Вашингтоне. Она явилась победой энергичной антифашистской линии министра финансов Генри Моргентау¹.

Директива подробно перечисляла меры, которые надлежало принять, чтобы разрушить нацистскую

¹ Генри Моргентау — американский финансист, бывший министр финансов в кабинете Рузвельта. В 1945 г. вышла его книга «Германия.— наша проблема», в которой изложена его программа. Эта программа предусматривает расчленение Германии, уничтожение большей части ее промышленности (в том числе и мирной), аграризацию страны. В основе «программы Моргентау» лежит стремление определенных капиталистических кругов США полностью и

военную машину. В части, касающейся промышленности, она гласила:

«Контрольный Совет должен:

а) запретить и предотвратить производство чугуна и стали, химикалий, цветных металлов, станков, радио и электроборудования, автомобилей, тяжелого машинного оборудования... кроме как для целей (предотвращения голода, или беспорядков, или болезней, могущих угрожать оккупационным войскам);

б) запретить и предотвратить восстановление предприятий и оборудования этих отраслей промышленности (кроме как для нужд оккупационных войск)».

Таким образом, оккупирующие державы вступили в Германию вполне подготовленными к управлению Германией после войны. Эта политика была утверждена и вновь подтверждена всеми тремя великими державами и поддержана мировым общественным мнением.

Поскольку Германия потерпела полное поражение, казалось, что не может быть никаких препятствий к проведению в жизнь решений Крымской и Потсдамской конференций.

окончательно устранить германскую конкуренцию, ликвидировать все предпосылки ее возрождения в будущем, уничтожить те отрасли немецкой промышленности, которые конкурировали раньше с изделиями американских монополий на мировом рынке. Таким образом, она по существу предусматривает подчинение германской экономики американскому капиталу и резко противоречит демократическим принципам разрешения германской проблемы, т. е. принципам демократизации и демилитаризации Германии, восстановления единства страны, развития ее мирной промышленности и ликвидации ее военно-экономического потенциала. Сэсюли является сторонником «программы Моргентау», и отсюда вытекают все его в корне неправильные установки о будущем Германии.

«Программа Моргентау» первоначально была положена в основу американской политики в Германии, причем ее сторонниками являлись в то время такие открытые реакционеры и империалисты, как Барух и др. Однако вскоре американская военная администрация отбросила эту программу, встав на путь прямого поощрения сохранения военно-экономического потенциала Западной Германии и сохранив из «программы Моргентау» лишь ее установки на удушение мирных отраслей промышленности, конкурировавших раньше с американскими товарами на мировых рынках. (Прим. ред.)

А между тем, через год после окончания войны согласованная политика оккупации Германии рассеялась, как дым.

Прежде всего, решения о курсе политики в вопросах оккупации Германии явились результатом единства Большой Тройки. Германия была их общим врагом; побежденная Германия стала центральным узлом, где интересы всех трех держав скрестились и пришли в столкновение. Нарушение согласованной политики оккупации Германии явилось следствием и наиболее явным признаком опаснейшего разлада в отношениях между Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом.

После года оккупации разлад в отношениях был так велик, что стало невозможно нарисовать полную картину того, что происходит во всей Германии. Но и то, что можно было наблюдать внутри американской зоны оккупации, было само по себе достаточно плохо. То, что известно о положении в английской зоне, делает картину положения еще более безотрадной.

Несмотря на энергично сформулированные заявления о курсе политики и на изобилие сомнительных статистических данных, факт остается фактом: нацисты не устранены из различных сфер общественной жизни в американской оккупационной зоне.

В течение ряда лет, предшествовавших окончанию войны, промышленное разоружение Германии проповедовалось как абсолютная необходимость; оно было включено как одно из важнейших мероприятий в директиву объединенных начальников штабов США и Англии № 1067. А между тем, почти вовсе не осуществляется демонтаж предприятий в целях уплаты репараций или просто уничтожение их, а главный военный преступник в промышленной сфере — ИГ Фарбениндустри — проявляет даже признаки возрождения.

В отношении английской зоны были высказаны обвинения в том, что там сохраняются крупные организованные соединения германских вооруженных сил. Это обвинение почти не отрицалось и, во всяком случае, не опровергнуто.

Вначале, когда выяснилось, что не все обстоит благополучно с управлением Германией, возникла тенденция свалить всю вину на французов. Преемник генерала Эйзенхауэра генерал Мак Нерни опубликовал осенью 1945 г. ряд заявлений, в которых говорил, что все неполадки объясняются отсутствием в Германии центрального правительства и что французы мешают созданию такового до разрешения проблемы Рейнской области и Рура.

Действительно, многое неладно в Германии; но отсутствие в ней центрального правительства есть одно из наименьших зол¹. Гораздо более важны такие факты, как то, что не проведена основательно денацификация; что выплата репараций даже и не начиналась; что не разрешен действительно важный вопрос об уровне германской промышленности. Если бы эти основные вопросы были разрешены, осталась бы сравнительно простая административная проблема — дельно управлять Германией и предотвратить в ней хаос и нужду. Нынешнее же положение вещей не помогает немецкому народу, от него в выигрыше только нацисты.

* * *

Положение ИГ Фарбениндустри в период оккупации показательно для положения всей немецкой промышленности. Поскольку речь идет об американской зоне, концерн ИГ с самого начала был признан самым крупным из поджигателей войны. Более того, учитывая особую роль ИГ в нацистском государстве, был издан специальный приказ военной администрации США, направленный к обезвреживанию ИГ. 5 июля 1945 г. военная администрация США издала общий приказ № 2, специально посвященный ИГ Фарбениндустри. Приказ содержит трехстороннюю атаку на ИГ: вся собственность ИГ может быть вывезена из Германии в качестве репараций в пользу Объединенных наций; та часть собственности, которая не будет вывезена и которая применялась в военном производстве, подлежит уничтожению; право собственности и контроля концерна ИГ ликвидируется.

¹ О неправильных утверждениях Сэюли по вопросам единства Германии и создания центрального германского правительства см. вступительную статью. (*Прим. ред.*)

Общий приказ № 2 был подкреплён специальным приказом, изданным в тот же день. Этим специальным приказом был назначен офицер по контролю над ИГ, и ему прямо было предписано «не допускать восстановления предприятий (ИГ) и возобновления производства... за исключением случаев, когда это будет определено предписано ради достижения целей Объединённых наций».

Перспективы ИГ были очень мрачны. Руководители ИГ никогда не сомневались в том, что ожидает их со стороны русских; они тщательно уничтожили важные военные предприятия на пути наступления Советской Армии, и все руководящие лица, которые могли бежать в последние дни, поспешили двинуться навстречу английским и американским войскам. А теперь, после всех этих усилий, их посадили в тюрьму и были изданы приказы, делающие дальнейшую работу концерна невозможной.

Расследование деятельности ИГ Фарбениндустрii проводилось финансовым отделом американской части Союзного контрольного совета в Германии, возглавлявшегося полковником Бернардом Бернштейном, виднейшим представителем в Германии тех инстанций, которые составили директиву № 1067, где была сформулирована политика США. Как бы ни было трудно разобраться в разбросанных архивах ИГ, но во всяком случае не было стремления замять все это дело.

Но тут выяснилось, что концерну ИГ оказывают поддержку, и притом с разных сторон. Наступление на ИГ базировалось на директиве № 1067, однако еще до окончания войны выявилось сильное противодействие, особенно с английской стороны, тому курсу политики, выражением которого являлась эта директива.

Но вскоре, однако, возникла оппозиция директиве № 1067 и среди ряда ведущих деятелей США. Главным политическим советником Эйзенхауэра, а затем заменившего его генерала Клея был Роберт Мэрфи из государственного департамента. В Северной Африке Мэрфи был известен своей поддержкой вишиста — адмирала Дарлана. В Германии он повел более тайную игру. Борьбу против директивы № 1067 фактически возглавил экономический отдел американской части Союзного контрольного совета, во главе которого стоял бригадный генерал

Уильям Дрейпер, в прошлом связанный с банкирским домом Диллон, Рид энд К° на Уолл-стрит.

Американскийследователь, разбиравший дела крупнейшего германского стального треста, Ферейнигте Штальверке, натолкнулся на письмо, адресованное одному из деятелей этого треста, датированное 30-ми годами и подписанное Уильямом Дрейпером из фирмы Диллон, Рид энд К°. Это было вполне обычное, дружественное, деловое письмо. В написании такого письма в нормальное мирное время, конечно, нет ничего противозаконного. Но, разумеется, было бы чрезмерным ожидать от людей, вся коммерческая карьера которых прошла в дружественных сделках с немецкими капиталистами, чтобы они внезапно совершили полный поворот и стали уничтожать своих прежних партнеров. Экономический же отдел был укомплектован подобного рода дельцами, только лишь в военной форме. Как откровенно заявил один из них: «Можно ли ожидать от нас, что мы накажем немцев за то, что мы сами сделали бы на их месте?»

С самого начала полковник Бернштейн и его группа находились в постоянном конфликте с Мэрфи и Дрейпером и их аппаратом. В сентябре, всего лишь через четыре месяца после начала оккупации Германии, Бернштейн был отстранен от должности финансового директора. Экономический отдел, возглавляемый Дрейпером, явно брал верх.

Всего лишь через месяц после подписания Потсдамского соглашения Дрейпер назначил комитет по определению немецкого жизненного уровня, который постарался полностью исказить смысл Потсдамского соглашения. Главой этого комитета был назначен профессор университета Кальвин Гувер.

Основные положения Потсдамского соглашения и предшествовавшей политики сводились к следующему: какая часть немецкой экономики должна быть изъята или уничтожена для того, чтобы Германия перестала представлять собой военную угрозу? Генерал Дрейпер дал д-ру Гуверу и комитету по определению жизненного уровня иное направление деятельности: каков должен быть объем немецкой промышленности, чтобы обеспечить немцам надлежащий уровень жизни? И для того, чтобы обеспечить немцам достаточно высокий уровень жизни,

комитет искажил не только дух, но и букву Потсдамского соглашения. Соглашение предусматривает, что контроль союзников будет установлен для того, чтобы обеспечить производство «для поддержания в Германии среднего жизненного уровня, не превышающего средний жизненный уровень европейских стран». Но комитет Гувера истолковал это положение так, что союзники обязаны обеспечить немцам уровень жизни не ниже, чем тот, который преобладает в Европе.

Непосредственным следствием этого было повышение уровня производства в Германии, уменьшение количества оборудования, подлежащего изъятию в качестве репараций, и сохранение немецкого военного потенциала почти нетронутым. Положение с ведущей отраслью промышленности — черной металлургией — показательно и для всей промышленности в целом. Первоначальные американские наметки (например, управления по экономической деятельности за границей) в вопросе о мощности сталелитейной промышленности, которая должна быть оставлена в Германии, приближались к цифре 5 млн. т в год или меньше. Доклад же комитета Гувера разрешал около 8 млн. т в год или более.

Влияние, которое все это оказало на ИГ Фарбениндустри, можно было усмотреть уже спустя короткое время. Вскоре после составления доклада Гувера разрешено было открыть фондовые биржи в трех немецких городах: Гамбурге — в английской зоне, Франкфурте и Мюнхене — в американской. Концерн ИГ Фарбениндустри был ликвидирован приказом военной администрации, но теперь акции ИГ вновь появились на бирже. Объявленная умершей корпорация показала удивительную жизнеспособность: торговля ее акциями была оживленной, и курс их стал повышаться.

Что-то тут было явно не в порядке. Было проведено одновременно два обследования текущей деятельности ИГ; доклады были представлены в середине декабря 1945 г., и оказалось, что немцы, предъявлявшие спрос на акции ИГ, хорошо знали, что они делают.

Все это происходило через семь месяцев после капитуляции Германии и через пять месяцев после издания специального приказа об установлении контроля над ИГ

Фарбениндустри в лице полковника Пиллсбери, которому было дано задание — не допустить восстановления этого концерна.

Пиллсбери получил специальный приказ генерала Эйзенхауэра не допускать возобновления производства на предприятиях ИГ, «за исключением случаев, когда будет дано на то определенное указание в соответствии с целями Объединенных наций».

Должностные лица, обследовавшие ИГ, установили, что производство было возобновлено на всех важнейших предприятиях ИГ в американской зоне. Повидимому, было сочтено, что выпуск всей и всякой продукции на предприятиях ИГ находится в соответствии с целями Объединенных наций. Офицеры-контролеры США следили за тем, чтобы колеса вновь вертелись на заводах, которые были центром нацистских военных усилий.

Немецкие заводские руководители подтвердили, что уровень продукции еще низок, но исключительно вследствие недостатка сырья и топлива. Что касается офицеров-контролеров, заявили немцы, то с ними все обстоит благополучно: они всегда удовлетворяли просьбы немцев о разрешении возобновить или расширить производство. Иногда немецкие заявки даже расширялись.

Нельзя было установить, как именно полковник Пиллсбери собирался определить, соответствует ли производство «целям Объединенных наций». Не было никаких общих приказов, которые позволили бы установить надлежащий контроль над отдельными заводами. Нет данных о том, что какой-либо план, представленный немецким руководством, был отклонен аппаратом полковника Пиллсбери.

В отношении некоторых старых заводов ИГ, например завода в Хехсте близ Франкфурта, выдвигался довод, что немцы полностью зависят от работы завода, например в отношении фармацевтических продуктов. Но и чисто военные предприятия ИГ, построенные во время войны, также возобновили работу. Укрытый в лесах Восточной Баварии завод Гендорф являлся одним из десятка химических заводов, построенных германским правительством специально для военных целей и отданных в эксплуатацию концерну ИГ Фарбениндустри. Гендорф

был построен специально для производства иприта. А теперь выяснилось, что и завод Гендорф вновь работает и что составляются широкие планы его будущей деятельности. Это превосходно оборудованный, современный завод, отлично замаскированный и совершенно не пострадавший во время войны. В процессе производства иприта получается в большом количестве этиленгликоль. Последний тождественен с препаратом «престон», продающимся в Америке в качестве антифриза. И вот теперь Гендорфский завод производит большие количества антифриза, и бездействует только последний в порядке технологического процесса цех, производящий иприт.

В соответствии с Потсдамским соглашением весь план репараций должен был быть разработан ко 2 февраля 1946 г., а авансовые поставки должны были начать поступать задолго до этого срока. К середине декабря 1945 г. ни одна единица оборудования с заводов ИГ в американской зоне оккупации не была отгружена в порядке репараций. Не были произведены даже предварительные демонтажные работы для подготовки оборудования к отгрузке в порядке репараций. Напротив, обследователи пассивно взирали на то, что оборудование перевозилось с построенного германским правительством завода в Бобингене на расположенный в том же Бобингене завод ИГ по производству искусственного шелка.

На всех заводах ИГ имелись цехи, выпускавшие только военную продукцию и не приспособленные ни к чему другому; имелось более десятка заводов, которые были построены только для военных надобностей. Но ни один завод не был уничтожен, за исключением нескольких цехов на двух заводах. Разрушенные цехи явились интересной темой для кинохроники, но их уничтожение оказало мало влияния на общую картину положения на всех 55 заводах, которые ИГ имел и эксплуатировал в американской зоне оккупации.

Со всех точек зрения получалась одна и та же картина возрождения концерна ИГ Фарбениндустри. Хотя многие руководители концерна были отстранены от должностей, а некоторые находились все еще в заключении, налицо имелись признаки восстановления взаимных связей между предприятиями ИГ. Это также противоречило

директиве № 1067 и Потсдамским соглашениям. Ибо Большая Тройка договорилась в Потсдаме:

«В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений».

В Мюнхене проживал некий Гербхард Орт. Он был в прошлом руководителем сбытовых операций ИГ для Баварии. Расследование показало, что в настоящее время Орт является представителем преобразованного ипритового завода в Гендорфе, а чтобы дело шло как следует, он стал посредником между всеми предприятиями ИГ в Баварии, причем он уже возобновил деловой контакт и далее на запад, до Франкфурта. Деятельность Орта распространялась и на французскую зону оккупации, где происходили неофициальные сделки по обмену оборудованием между заводом Гендорф в американской зоне и крупнейшим заводом в Людвигсгафене во французской зоне. При допросе его американскими следователями Орт рассказал о своих многочисленных планах, по поводу которых он вел переговоры с баварским министерством хозяйства. Так, например, проектировалась новая силовая установка для завода в Гендорфе, которая должна была сильно увеличить выпуск продукции.

В мае 1945 г., вскоре после ареста, Макс Ильгнер написал письмо двум своим помощникам. Он дал им указание поддерживать контакт между собою и со всеми остальными работниками ИГ. Он подчеркивал необходимость поддерживать организацию в работоспособном состоянии, потому что — предсказывал он — американцы, в конце концов, вновь разрешат ИГ продолжать свою деятельность. Ильгнер был настолько самоуверен, что послал это письмо через агента американской разведки и рекомендовал своим коллегам обратиться к содействию американцев в деле установления взаимной связи.

Письмо Ильгнера не было доставлено по адресу. Но работники ИГ и не нуждались в таких инструкциях. Хотя директива объединенных начальников штабов США и Англии № 1067 и Крымское и Потсдамское соглаше-

ния формально оставались в силе, а концерн ИГ Фарбен-индустри официально был ликвидирован — началось возрождение концерна.

Доклады, представленные в декабре, обусловили лишь кратковременную приостановку деятельности ИГ. Еще несколько небольших заводов были объявлены подлежащими использованию в качестве репараций. Между тем, по закону *все* предприятия ИГ с самого начала «подлежали использованию в качестве репараций».

По мере того, как расхождения между Советским Союзом и западными державами все увеличивались, вся проблема репараций стала принимать причудливый аспект исторического курьеза. Разлад внутри Большой Тройки явился спасением для ИГ Фарбениндустрии.

Деятельность ИГ в американской зоне оккупации типична для всей промышленности в этой зоне. А неудача дела промышленного разоружения соответствует крушению всей программы искоренения отрицательных сторон немецкой системы.

Бесспорно, на первом месте стояла программа денацификации. С нею был связан вопрос о руководстве Германией. Для того чтобы, например, ИГ никогда больше не мог планировать войну и производить для войны, от руководства немецким правительством и промышленностью должны были быть отстранены те люди, которые считали войну средством обеспечения существования. Первым и решительным шагом в этой области должно было быть искоренение влияния нацистской партии.

Вообще говоря, не было сомнения в том, что именно требуется. Директива № 1067 определенно указывала, что все, кто активно поддерживал нацизм или милитаризм, должны быть отстранены от общественных должностей и от ответственных постов в промышленности и в сельском хозяйстве, в финансах, торговле и вообще где бы то ни было. Но вопрос о том, как провести денацификацию, оказался более трудным.

Следует ли устроить поголовную облаву на всех нацистов и всех их расстрелять? Ведь они именно так поступали с людьми, которые были против них. Следует ли

в ускоренном порядке провести судебные процессы против них и, по крайней мере, посадить их в тюрьму? Следует ли лишить их всех собственности и политических прав? И, наконец, кто является нацистом и есть ли среди них хорошие и плохие?

Казалось, что тут слишком много вопросов, чтобы дать ответ на все сразу. Для начала в июне 1945 г. была разработана американская политика, ставившая своей целью удаление нацистов с руководящих постов. На это обращалось особое внимание; все остальное успеется потом. Но и по этому вопросу разгорелась политическая борьба. И как обычно, политический советник Роберт Мэрфи выступил против полковника Бернштейна и всех, кто пытался применить на практике антинацистские принципы директивы № 1067. Бернштейн и его помощник Рессел Никсон доказывали необходимость основательной чистки. Никсон говорил: «Разделаемся с ними всеми сейчас, когда есть к тому возможность. Очистим государственный аппарат и промышленность. Тогда мы сможем как следует заняться перевоспитанием немцев и перестройкой Германии. И мы дадим антинацистски настроенным немцам возможность начать действовать».

Мэрфи и его люди доказывали, что в обязательном порядке должны быть смещены только руководители нацистской партии. Был достигнут компромисс: все нацисты, вступившие в партию до 1 мая 1937 г., должны быть сняты со всех сколько-нибудь значительных постов (дело в том, что в мае 1937 г. нацистская партия, почувствовав себя достаточно прочно, открыла свои ряды для приема новых членов). Люди, вступившие в партию после этого срока, являлись оппортунистами, но были пожалуй, не столь опасны, как завязтые нацисты, состоявшие в партии с самого начала.

Главный довод против отстранения нацистов со всех важных постов заключался в том, что без них все развалится. Все руководители были нацистами. Полная денацификация может привести к хаосу.

Финансовый отдел старался опровергнуть этот тезис практическими примерами. Бригады по денацификации, возглавляемые Никсоном, Брюсом, Уэйбуром и Айсадором Залкиндом, объездили всю американскую зону. На-

цистов изгоняли без проволочек из банков и государственных финансовых органов. И, удивительное дело, банки продолжали работать. Оказалось, что, несмотря на убийство миллионов людей, нацисты все же не приобрели монополии на руководство.

К сожалению, финансовый отдел был единственным звеном американской части Союзного контрольного совета, пославший обследователей для проверки хода денацификации. В большинстве же случаев денацификация поручалась местным органам военной администрации. Иногда офицерам этих местных органов лица, приезжавшие из штаб-квартиры, намекали, что нужно быть пообходительнее с нацистами. Таков был, например, случай с полковником Джозефом Стэйрнсом. Он был членом конгресса США и вице-председателем комиссии Дайса. После того как на выборах 1944 г. он потерпел поражение, ему был дан чин в армии и пост в оккупационных войсках. Стэйрнс совершил поездку по Баварии, посетил ряд городов как раз перед тем, как там побывали обследователи из финансового отдела. Обследователи установили, что Стэйрнс говорил местным офицерам: «Забудьте про денацификацию и налаживайте дело. Больше всего немцам необходимо, — говорил он, — сбалансированный бюджет».

На офицеров местных оккупационных органов была возложена большая ответственность, к которой они были недостаточно подготовлены. Многие из них были взяты из боевых частей и не получили никакой специальной подготовки к оккупационной деятельности. Пока противник стрелял в них, они были хорошими солдатами. Но они не были подготовлены вершить судьбами послевоенной Германии.

Солдаты оккупационной армии вскоре оказались более дружны со своими вчерашними врагами — немцами, чем с союзниками, например с французами. Они считали, что освободили французов, которые всегда должны быть за это их должниками. К немцам, как к противникам, они могли подходить по-иному, более великодушно, как к побежденному врагу.

Внезапно в Германии появилась новая правящая группа. Она состояла из молодых красивых женщин, знающих

английский язык, с некоторым знанием работы в учреждениях и без слишком громкого нацистского прошлого.

Если у американского офицера в начале его деятельности не было твердых и ясных представлений о Германии, то привлекательная немецкая девушка в качестве переводчицы-секретаря готова была помочь ему составить эти представления. На нее можно было положиться: она укажет на «хороших» и «плохих» людей в городе. Со временем она превратилась в советчика, а в конечном счете стала делать местную политику.

Кончилось первое лето оккупации Германии, и стало ясно, что программа денацификации трещит по всем швам. Неплохие результаты были достигнуты в банках и органах местного управления. Но вся промышленность, — а она являлась специальной сферой компетенции Уильяма Дрейпера, генерала из банкирского дома Диллон, Рид энд К°, — осталась едва затронутой. Торговля, железные дороги, средства связи — все эти отрасли хозяйства буквально были пропитаны нацистским духом.

Провал дела денацификации не нашел достаточного отражения в официальных отчетах и статистических данных. Посол Мэрфи сообщал в своем докладе в августе 1945 г., что денацификация в основном завершена. Но, как это знают на своем собственном опыте более десяти миллионов американцев, статистика военного ведомства порой бывает обманчивой.

Однако все, что имеет касательство к нацистам, представляется слишком злободневный интерес, для того чтобы оставаться надолго в неизвестности. Во время поездок обследователей возглавляемого полковником Бернштейном финансового отдела к ним часто обращались немцы-антифашисты и работающие в трудных условиях некоторые добросовестные офицеры военной администрации США и указывали им на ряд возмутительных случаев, когда нацисты оставались на руководящих постах. Эти факты были доведены до сведения генерала Эйзенхауэра и генерала Клея. Одновременно они были опубликованы ко всеобщему сведению. Группа журналистов отправилась к генералу Паттону, в то время командовавшему 3-й армией, оккупировавшей Баварию (т. е. 60% всей американской оккупационной зоны), чтобы узнать

его точку зрения на денацификацию. Сперва генерал Паттон не проявил желания принять представителей печати. Затем его убедили дать интервью, которое должно было длиться всего 4 минуты. Но, начав говорить, он проговорил добрых полчаса. И он высказал многое. Да, это верно, что основательная денацификация не была проведена. Но значение этого вопроса, во всяком случае, сильно преувеличивают. И генерал сравнил борьбу нацистов и антинацистов в Германии с разногласиями между республиканцами и демократами в США.

Последовавший взрыв общественного негодования ярко выявил весь провал дела денацификации. Генерал Эйзенхауэр вмешался и отстранил Паттона от командования 3-й армией. Какие бы чувства ни питал к нему генерал Эйзенхауэр лично (несколько дней спустя обоих генералов видели вместе на футбольном матче), но результат был ясен. На сей раз американские военные власти рьяно взялись за дело. Генерал Клей отдал своим начальникам отделов громовой приказ: мы должны осуществить нашу программу денацификации, хотя бы ценой невыполнения всего остального.

Под руководством генерала Клея был разработан новый закон, возлагающий всю работу по устранению нацистов на самих немцев. Этот новый закон, именуемый законом № 8, вступил в силу 26 сентября 1945 г. Сравнительно с другими законами он очень несложен. Этот закон специально имел в виду отрасли, где хуже всего было поставлено дело денацификации: промышленность, торговлю и транспорт. Он попросту предписывал немецким предпринимателям, чтобы они, под страхом наказания — штрафа или тюремного заключения, уволили всех нацистов со всех ответственных постов в любой промышленной и торговой фирме.

Вот, казалось, начинается решительная чистка. Теперь дело будет сделано самими немцами, а американским должностным лицам останется лишь проверять результаты и обеспечить исполнение приказа. Теперь ИГ Фарбен-индустрии и вся вообще немецкая промышленность окажутся в надежных руках.

И все же еще раз дело кончилось провалом. При применении на деле закона № 8 выявились три слабых пунк-

та, причем и одного из них было бы достаточно, чтобы сорвать дело денацификации. Во-первых, закон ограничивался требованием отстранения нацистов с *постов, связанных с властью или ответственностью*. В большинстве случаев (так что с этим стали считаться даже американские офицеры) освобожденные от ответственных должностей видные нацисты тут же вновь принимались на работу под видом дворников или ремонтных рабочих, с выполнением точно таких же обязанностей, как и раньше, зачастую также и с сохранением прежнего жалованья. Во-вторых, немцы вскоре убедились, что их не слишком тщательно контролируют; в ряде случаев они попросту игнорировали законы, не утруждая себя даже переименованием должностных званий своих служащих-нацистов. И, наконец, лишь в редких случаях немецкие комиссии по рассмотрению апелляций на решения по денацификации состояли из антифашистов. И слишком много нацистов получили от таких комиссий отпущение своих грехов.

К концу 1945 г. выяснилось, что и закон № 8 провалился. Группа инспекторов отдела общественной безопасности управления военной администрации доложила в январе 1946 г., что нарушения закона № 8 так многочисленны, что стали правилом. Выводы их доклада были столь уничтожающи, что, как сообщил Рессел Никсон комиссии сенатора Килгора, закон этот был отменен бригадным генералом Мид, директором внутренних дел американской оккупационной зоны и председателем Политического комитета по денацификации.

В довершение признания своего поражения американские власти вновь передали все это дело самим немцам. Численность оккупационной армии уменьшалась. Даже и будучи полностью укомплектованной, армия не имела желания и ясно выраженной решимости изгнать нацистов со всех ответственных постов. Теперь же немцам предложили самим разработать свой закон о денацификации, который им же самим и предстояло осуществлять.

5 марта 1946 г. главы трех «земель» американской зоны подписали немецкий закон о денацификации, заменивший все предшествовавшие американские законы и директивы. Американцы не сумели сами провести денацификацию. Теперь же, когда многие нацисты все еще

продолжали оставаться на руководящих постах, американские оккупационные власти предоставили немцам полную свободу действия. Гитлер в течение двенадцати лет уничтожал всякую активную оппозицию. В искусстве применения полицейских репрессий нацистское государство достигло высокой степени эффективности. Уцелела лишь небольшая горстка из большого числа людей, понимавших, что такое фашизм, и имевших в 1933 г. мужество вступить с ним в борьбу. Теперь же, всего лишь после десяти месяцев военной оккупации, уцелевшая горстка антифашистов вряд ли была в состоянии устоять против все еще сильного немецкого фашизма.

Деятели правительств немецких земель, сотрудничавшие с американскими оккупационными властями, теперь буквально живут под угрозой смерти. Так же как после первой мировой войны, создаются ультранационалистские банды, основным лозунгом которых является: «Смерть сотрудничающим». Таким образом, немец-антифашист, работающий над искоренением нацизма, является «сотрудничающим». И американцы ставят этих людей в положение, при котором они все менее и менее способны защищаться.

Провал денацификации в американской зоне есть грубое нарушение Потсдамского соглашения. Стоит разобратся в причинах этого провала. Частично дело сводится к тому, что низовые работники оккупационных органов подружились с побежденным противником. Но это далеко не все. Военные попрежнему должны подчиняться приказам. А некоторые из офицеров яро и открыто возражают против антинацистской программы, изложенной в директиве № 1067. Были люди вроде подполковника Джорджа Ауфингера, заместителя военного губернатора земли Вюртемберг-Баден, открыто заявлявшего, что, если бы к нему не явились следователи, ему не пришлось бы подчиниться директиве о денацификации. Но и этого обстоятельства недостаточно для объяснения полного изменения ясно сформулированной политики.

Истинное объяснение заключается в ухудшении отношений с Советским Союзом. Ни у кого никогда не было сомнений, и менее всего у самих немцев, что в советской зоне оккупации все видные нацисты будут

отстранены от занимаемых ими постов. С самого начала многие высшие американские офицеры и чиновники стали опасаться, что если и США пойдут по этому пути, в соответствии с директивой объединенных начальников штабов № 1067 и Потсдамским соглашением, то в результате будет создана новая Германия, более соответствующая советскому курсу, чем американскому. Пусть же, по крайней мере, западная половина Германии станет буфером против советского влияния. Это был главный аргумент не только в пользу замедленного хода денацификации, но и в пользу всей контрпрограммы, направленной к тому, чтобы как можно скорее привести все в обратное движение.

Особенно поучительно в этом отношении дело Рихарда Фрейденберга. Он был видным промышленником, хозяином призаводского городка и членом правления ряда фирм, в том числе одного из двух крупнейших немецких частных банков. По своему положению он мог проявить независимость по отношению к нацистам. Его не понуждали вступить в гитлеровскую партию, но он добровольно вступил в нее и принимал активное участие в нацистском руководстве экономикой. После поражения Германии он был посажен в тюрьму для допроса об его участии в массовом ограблении других стран, которое проводилось крупными банками по заданиям и в интересах нацистского государства.

В соответствии со всеми законами и директивами военной администрации Фрейденберг должен был быть отстранен от всех своих постов в промышленности. Он явно принадлежал к той влиятельной группе, которая вслед за такими фигурами, как Геринг и Гиммлер, более всего несет ответственность за преступления, совершенные Германией.

Местный (по местожительству Фрейденберга) орган военной администрации США попросил разрешения не применять к нему приказов о денацификации. Дело рассматривалось апелляционным комитетом по денацификации во Франкфурте, где, несмотря на все компрометирующие Фрейденберга данные, решение о нераспространении на него приказов о денацификации было утверждено четырьмя голосами против одного.

Наиболее показательно в этом отношении заявление представителя политического отдела, возглавляемого послом Мэрфи. Он сказал: «То, что мы здесь делаем в порядке денацификации, есть не более, не менее, как социальная революция. Если русские хотят большевизировать свою сторону Эльбы — это их дело, но подрыв основ частной собственности противоречит американским понятиям».

Член апелляционного отдела промышленного комитета присоединился к мнению представителя политического отдела, заявив: «Этот человек (Фрейденберг) — очень способный промышленный деятель типа Генри Форда».

И эти заявления были сделаны летом 1945 г. — до провозглашения «жесткой политики» в отношении Советского Союза.

Действия сотрудников посла Мэрфи в деле Фрейденберга типичны, и они открыли путь спасения руководителям ИГ и клике рейнских промышленников, которые поставили Гитлера у власти. В качестве политического советника при генерале Эйзенхауэре Мэрфи полностью несет ответственность за политическую обстановку той новой Германии, которую создавали американские оккупационные власти, и, следовательно, за выполнение директив о денацификации. Между тем, Мэрфи и его сотрудники не проверяли на местах ход выполнения директив о денацификации, постоянно преувеличивали уже достигнутые результаты и во всех дискуссиях о том, как поступить с нацистами, они неизменно высказывались за более мягкое обращение с ними.

* * *

Сравнение того, как происходит денацификация в трех других оккупационных зонах, дополняет картину резкого расхождения между Советским Союзом, с одной стороны, и западными державами — с другой.

Не было никаких сомнений, особенно у немцев, в том, что нацистам придется плохо в советской зоне. Нет данных, опровергающих подобное мнение.

В общем, советские оккупационные власти сперва сосредоточили свое внимание на видных нацистах. В

отношении рядовых нацистов их политика была более гибка. Для уничтожения главной базы реакции было приступлено к осуществлению далеко идущей программы раздела юнкерских поместий. Точно так же концерны, в которых господствовало нацистское влияние, были переданы в руки государства, хотя и не была провозглашена общая программа национализации промышленности.

Французская зона, вопреки ожиданиям, не оправдала надежд. Предполагалось, что отношение французов к нацистам и милитаристам будет особенно суровым — ведь позади были четыре года нацистской оккупации Франции; кроме того, не было сомнения в том, что новое французское правительство будет явно антифашистским.

Но когда война в Европе закончилась, во Франции существовало только временное правительство. Франция была представлена в Германии де-голлевскими и кадровыми офицерами армии, чиновниками прежнего министерства иностранных дел и вишистами. В течение первого года оккупации, когда французское Учредительное собрание работало над составлением новой конституции, эти офицеры и чиновники были представителями Франции в Германии. Занятая ими позиция была бледным отражением того, что происходило в английской и американской зонах Германии. Если и можно что-либо сказать о французской программе денацификации, так это лишь то, что она была слабее американской. Происходило некоторое передвижение лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений, из американской зоны во французскую. В марте 1946 г. Альфред Бискарле, один из членов комиссии Учредительного собрания, обследовавшей французскую оккупационную зону, опубликовал отчет, в котором указывал, что почти ничего не сделано для ликвидации нацистского влияния. Напротив, французские должностные лица смещали антифашистов с ответственных постов.

Каковы бы ни были дефекты денацификации во французской и американской зонах, главным центром нетронутого нацизма остается английская зона. Англичане начали оккупацию, положив в основу своей деятельности принцип: главное — это вновь двигать дела. Крупная победа лейбористской партии летом 1945 г. не вызвала ни малейшего изменения этой политики.

На заброшенном военном заводе близ Касселя американская армия создала так называемый «министерский сортировочный пункт». Сюда привозили высокопоставленных нацистов из всех основных государственных учреждений гитлеровской Германии, в большинстве своем людей, вся прошлая деятельность которых давала основания для немедленного ареста. Этой нацистской партийной и чиновничьей верхушке дано было задание — привести в порядок архивные дела своих учреждений в ожидании того дня, когда будет создано центральное германское правительство. Им зачастую платили за их труды больше, чем другие органы военной администрации могли платить своим консультантам-антифашистам. Они получали американские армейские пайки, они смотрели по вечерам американские кинофильмы. Некоторые из них имели даже при себе свои семьи. Таким образом, «министерский сортировочный пункт» стал весьма приятным местом. И все же население его неуклонно уменьшалось: почти во всех случаях оказывалось, что выбывшие обитатели вызваны в английскую зону для занятия важных консультантских постов.

Это передвижение немецких реакционеров шло преимущественно в одном направлении. Так, например, некий Генрих Абс активно участвовал в ограблении оккупированных стран крупными немецкими банками. Он нужен был в американской зоне для допроса при обследовании деятельности немецких банков. Но хотя переговоры о выдаче Абса американцам велись в течение нескольких месяцев, они не привели ни к какому результату, так как Абс уже состоял на службе у англичан в качестве руководящего финансового советника.

Сотрудник министерства финансов США Орвис Шмидт сообщил комиссии Килгора материалы о некоторых лицах, отобранных англичанами для занятия руководящих постов. Так, например, член назначенного англичанами провинциального собрания Рейнской провинции Пфердменгес в прошлом был активным нацистом, директором банка в Кельне, руководителем АЭГ (Всеобщая компания электричества), одним из руководителей стального треста (Ферейнингте Штальверке). Он был одним из тех, кому посчастливилось во-время убежать из Бер-

лина и начать свою деятельность в английской зоне. Вот другой пример: Абрахам Фровейн; он был директором треста по производству искусственного шелка, а в 1938 г., после издания антисемитских постановлений; завладел универсальным магазином фирмы Тиц. Во время войны Фровейн был консультантом при министре вооружений и боеприпасов. Фровейн стал процветать и при англичанах. Он был назначен членом «комиссии трех» при созданном англичанами экономическом консультативном комитете. По прошествии первого года оккупации англичане реорганизовали этот комитет — и Фровейн подал в отставку. В общем, англичане заместили руководящие посты реакционными националистами, которые, хотя лично и не были членами нацистской партии, являлись участниками группы, проложившей в начале 30-х годов Гитлеру путь к власти. Такой человек, как Альфред Гугенберг, лидер немецкой националистической партии, сыгравший значительную роль в политических маневрах 1932 г., которые привели Гитлера к власти, спокойно проживает в английской зоне и выступает с политическими заявлениями. Менее известный, чем Гугенберг, но являющийся деятелем той же политической окраски д-р Лер был назначен англичанами первым президентом Рейнской провинции.

* * *

Прямая атака на ИГ Фарбениндурии потерпела неудачу. Основные заводы, столпы прежнего ИГ — в Лёверкузене, Хехсте, Людвигсгафене, — продолжают выпускать продукцию в больших масштабах. Фланговый удар — денацификация — также не удался.

Денацификация была, в основном, борьбой за руководящие посты, за господство. Немцы, оставленные на руководящих постах в органах управления и в хозяйстве, будут определять жизнь и направление страны. Имеющиеся данные позволяют заявить: первый год денацификации в Западной Германии закончился неудачей. Политическая обстановка в Германии все еще благоприятна для роста таких агрессивных монополий, как ИГ.

КАК ИСПРАВИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ?

Судьба концерна ИГ Фарбениндустри зависит, в конечном счете, от выполнения репарационной программы, относительно которой Большая Тройка достигла соглашения в Потсдаме. Если бы были осуществлены в точности потсдамские решения, то это означало бы, что Германия остается промышленной страной, но посредством репараций у нее будет изъята излишняя производственная мощность, необходимая для ведения войны. Концерн ИГ не мог бы более надеяться на господство над всем миром, как он одно время господствовал над Германией и большей частью Европы. Пружины агрессии зажавели бы.

В конечном счете, репарационная программа является также одним из ответов на решающий вопрос: будет ли достигнуто соглашение с Советским Союзом?¹

¹ Срыв репарационной программы западными державами является одним из важных показателей нарушения постановлений Потсдамской конференции. Однако наряду с этим следует иметь в виду другие *коренные* вопросы, по которым западные державы занимают антидемократические позиции, противоречащие Ялтинскому и Потсдамскому соглашениям. Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов в заявлении представителям советской печати об итогах Лондонского совещания Совета министров иностранных дел (25 ноября — 15 декабря 1947 г.) указал: «Соглашение по германской проблеме не было достигнуто. Дело, однако, не в тех или иных мелочах, на которые делаются иногда ссылки в последних выступлениях. Не было достигнуто соглашение по двум основным вопросам: во-первых, о мирном договоре с Германией и, во-вторых, о восстановлении единства Германии» («Правда», 31 декабря 1947 г.). Представители западных держав выступали против выработки мирного договора с Германией и восстановления единства страны, добиваясь раскола Германии, отделения западной части ее от восточной и превращения Западной Германии в реакционный империалистический плацдарм в Европе. Советский Союз, добиваясь демократического разрешения германской проблемы, выступает последовательно за создание единого демократического и миролюбивого, германского государства. (Прим. ред.)

Точно так же как Германия была основным объектом согласованных ударов союзников во время войны, так теперь она является местом, где скрещивается их внешняя политика, где должно быть достигнуто соглашение— или же мир будет потерян. Проблема же немецких репараций является одним из важнейших вопросов, подлежащих разрешению.

В Потсдамском соглашении, возможно, есть слабые места. Но нет ни малейшего сомнения в том, какая именно программа действий вытекает из этого документа. Это программа, которая должна была уничтожить ИГ Фарбениндурии и весь военный потенциал Германии. Она заставляет Германию возместить некоторую часть ущерба, причиненного ею другим странам во время второй мировой войны. Потсдамское соглашение подготавливает путь к рождению демократической Германии ликвидацией глубоко укоренившегося влияния нацистов и милитаристов.

Из всех разделов Потсдамского соглашения раздел, трактующий о репарациях, является наиболее ясным. Он признает тот факт, что из всех стран мира Советский Союз и Польша являются наиболее пострадавшими в результате войны. Поэтому все материалы, изымаемые в качестве репараций в Восточной Германии, должны быть направлены в Советский Союз и Польшу. Кроме того, они получают около 25% материалов, изымаемых в качестве репараций в Западной Германии. Вся программа должна была быть детализирована, по крайней мере, не позднее 2 февраля 1946 г. Кроме того, задолго до этого срока должны были начаться авансовые поставки. Это решение было подписано от имени Соединенных Штатов президентом Трумэном, от имени Великобритании — премьер-министром Эттли.

Потсдамское соглашение было подписано в начале августа. В августе же русские заявили просьбу об авансовой поставке оборудования 41 завода. Но когда министры иностранных дел собрались в Лондоне в сентябре 1945 г., ничего еще не было сделано.

В октябре экономический директорат Союзного контрольного совета согласился, что немедленно должно быть отгружено оборудование тридцати заводов: тринадцати

из английской зоны, пятнадцати из американской и двух из французской.

В декабре 1945 г. министры иностранных дел собрались в Москве — и опять ничего не изменилось. Снова русские требовали немедленно приступить к делу. Вновь было достигнуто соглашение. И опять-таки оно не дало никаких результатов.

Когда наступило 2 февраля 1946 г., авансовые поставки так и не начали поступать, и даже не было решено, что именно и сколько должно быть вывезено. В конце февраля Советский Союз заявил резкий протест американскому правительству, указывая на провал выполнения репарационной программы.

Наконец, в марте — апреле 1946 г. начались отгрузки. К концу апреля было погружено на пароход для отправки в СССР оборудование завода № 3 бременской фирмы Дашимаг. В бременский порт было доставлено по железной дороге оборудование еще трех заводов, включая силовую установку с эксплуатировавшегося концерном ИГ завода в Гендорфе. Но все это поступило из американской зоны. К 3 апреля ничего еще не было вывезено из английской и французской зон.

После этого скромного начала выполнения уже дважды нарушенной потсдамской программы поставок генерал Клей объявил 26 мая, что все репарационные поставки приостанавливаются. Эффект этого заявления был бы значительнее, если бы до того приступили уже к выполнению хоть каких-нибудь существенных поставок.

Прекращение репарационных поставок мотивировалось все тем же старым жупелом оккупационной политики — неудачей в деле централизации Германии. Уже осенью 1945 г. принято было сваливать все пороки оккупационной политики на децентрализацию и обвинять в этой децентрализации французов. Теперь же генерал Клей стал на ту позицию, что если Германия не будет централизована, то американской зоне потребуется больше производственной мощности для обеспечения минимального уровня жизни, поэтому репарации должны быть приостановлены.

В действительности же, вопрос о центральной администрации в Германии является одним из наименее спорных.

Никто не возражает против нее¹. При наличии центральной администрации все еще остается десяток вариантов будущей формы германского правления. Но какова бы ни была эта форма, основные вопросы все же будут таковы: проведена ли денацификация? Покончено ли с влиянием милитаристов? И ликвидирован ли до конца немецкий военно-экономический потенциал?

Суть спора о репарациях свелась к вопросу о том, каков будет объем немецкой промышленности. Этот вопрос определяется англо-американскими отношениями с Советским Союзом.

Сообщения, посланные американской военной администрацией в Германии военному министерству в Вашингтоне, ясно показывает, в чем заключается дело. В донесениях, посланных в июне 1946 г., советские репарационные требования характеризуются как «нереальные и могущие серьезно помешать возрождению промышленности в американской зоне».

Содержащиеся в этой фразе утверждения неверны. Единственный вопрос заключается в следующем: в какой мере возрождение промышленности стало для Америки ее важнейшим делом в Германии?

В тех же сообщениях французские требования угля характеризовались как «нереальные и могущие иметь катастрофические последствия для немецкой экономики».

Итак, имеется некоторое разногласие относительно понятия «нереальность». Французское мерило реальности заключается в том, что в течение четырех с лишним лет из Франции выкачивалось все, что было необходимо немцам, и что французский народ голодал и страдал от холода, чтобы был обеспечен комфорт немецким поджигателям войны.

Проблема угледобычи является интересным примером шантажа, применяемого в настоящее время немцами. Англичане предоставили приоритет над всем прочим делу восстановления угледобычи в Рурском бассейне. Для шахтеров были установлены добавочные продовольственные пайки. И все же добыча оставалась на низком

¹ Это утверждение Сэзюли является неправильным. См. примечание на стр. 235, а также вступительную статью. (Прим. ред.)

уровне — столь низком, что лишь очень незначительное количество угля могло быть выделено для отгрузки во Францию, хотя до войны Франция была крупным потребителем рурского угля. Интересно отметить что при каждом очередном кризисе в вопросах политики по отношению к Германии немцы усиливали свою позицию снижением добычи угля в Руре. В то же самое время продукция угольных шахт в Верхней Силезии, воссоединенной с Польшей, превысила в апреле 1946 г. довоенный уровень.

* * *

Американские исследователи осматривали ипритовый завод. Показывал его немецкий инженер, д-р Релль. Ему везло в жизни. Он был на хорошем счету у ИГ Фарбениндурии, который эксплуатировал завод от имени германского правительства. Он никогда не вступал в нацистскую партию. А теперь он опять был на работе, управляя заводом по лицензии американской военной администрации.

Завод был скрыт в чаще леса. Оборудование на нем было новое, война его не коснулась. Реллю доставляло удовольствие демонстрировать удачную планировку завода.

— Завод теперь работает?

— Да, конечно, он выпускает большое количество антифриза для автомобильных радиаторов.

— Выпускал ли он антифриз в прошлом?

— Да, конечно. Это ведь попросту этиленгликоль. В Германии он называется «глиссантин», а в Америке — «престон», но это одно и то же. Большая часть завода переведена на производство антифриза; лишь одна заключительная операция нужна для превращения его в иприт.

— Были ли затруднения с получением у американских офицеров разрешения на работу завода?

— Никаких. (Д-р Релль хотел, чтобы не возникло никаких недоразумений по этому поводу.) Положение весьма обещающее. Если бы только можно было получить больше угля. Не знают ли джентльмены, как бы это устроить?

— Может ли ипритовый завод производить что-либо, кроме антифриза?

— Конечно. На этом заводе можно получить все, для чего уголь и известняк являются основным сырьем. Что именно требуется? Д-р Релль достал отчет с длинным и разнообразным перечнем продуктов, производство которых уже запланировано и одобрено.

— Легко ли будет вновь выпускать иприт?

— Да. — И д-р Релль спросил: — Вы в этом заинтересованы в данный момент?

*

Десяток виднейших деятелей ИГ содержится в старой городской тюрьме во Франкфурте под охраной американских солдат. Для них это — необычное испытание. Они реагировали на него по-разному.

Д-р Макс Ильгнер быстро проявил свои организаторские таланты: американская охрана поручила ему заведывать очисткой всего тюремного корпуса. Д-р Гюнтер Франк-Фале стал спокойно и объективно вести дневник. Но д-р Георг фон Шницлер не так легко перенес заключение.

Он был главой коммерческого отдела ИГ. Он представлял ИГ как своего рода посол на ряде международных встреч. Именно он принял капитуляцию французской химической промышленности.

Когда Шницлера арестовали, у него был такой вид, точно он постоянно оглядывается назад — не стоит ли там взвод солдат, который будет его расстреливать.

Он был перепуган. По рассказам других деятелей ИГ, он был обязан своей карьерой прежде всего своей умной и честолубивой жене. После нескольких недель тюремного заключения он стал выглядеть надломленным стариком. Одежда стала висеть на нем. Иной раз он забывал побриться.

После того как расследование деятельности ИГ продолжалось некоторое время, американский офицер решил, что деятелей ИГ незачем содержать долее в тюрьме. И их выпустили.

В тот же день, несколько позднее, Шницлер пришел в «Карлтон-отель», где на время оккупации расположились американские офицеры. Его внешний вид совершенно изменился. Он опять выглядел как посол. Манеры его

были мягки, внешность внушительна. Когда он проходил по вестибюлю отеля, слышно было, как новость об этом передавалась шопотом среди немецкого персонала гостиницы. Директор отеля приветствовал Шницлера как высокопоставленную особу. По всему вестибюлю видны были кланяющиеся фигуры и слышно было шелканье каблучков. «Не угодно ли ему чего-либо? Нельзя ли что-либо сделать для него?» Улицы Франкфурта еще были завалены щебнем развалин, но уже казалось, что «доброе, старое время» вернулось.

На следующий день другой американский офицер отменил решение.

Большинству освобожденных деятелей ИГ приказано было вернуться в тюрьму, в том числе и Шницлеру. Он вернулся в тюрьму, стал опять выглядеть плохо, а клеркам в «Карлтон-отеле» пришлось еще немного подождать возвращения «доброе, старого времени».

* * *

Половина дела уничтожения нацизма сделана армиями союзников на полях сражений. Другая половина запланирована в Потсдаме. Спустя более чем год после достижения Большой Тройкой соглашения в Потсдаме вторая часть задачи все еще остается невыполненной.

Силы, превратившие Германию в поджигателя войны, все еще действуют активно. Если о сумасшедшей «философии» Гитлера и Розенберга теперь почти не слышно в Германии, то это не уменьшает опасности. Верно, что Германия теперь не может немедленно выставить большую армию против всего мира. Но не следует на этом успокаиваться. В Германии есть немало людей, которые могут вновь стать на сторону какой-либо новой разновидности фашизма. В Германии сегодня еще тлеют огоньки, которые завтра могут вспыхнуть ярким пламенем и охватить весь мир.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительная статья Д. Мельникова</i>	<i>5</i>
Глава I ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ТУРИСТОВ ПО ГЕРМАНИИ 1945 г.	31
Глава II. ЗАРОЖДЕНИЕ КОНЦЕРНА ИГ ФАРБЕНИНДУСТРИ ..	46
Глава III. 1925 год	61
Глава IV. «СПАСИТЕЛЬ»	78
Глава V. ТАЙНОЕ ВООРУЖЕНИЕ	96
Глава VI. ТАЙНАЯ ВОЙНА	112
Глава VII. КРОВАВАЯ ЖАТВА	136
Глава VIII. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	149
Глава IX. ИГ ФАРБЕНИНДУСТРИ И СТАНДАРД ОЙЛ.....	163
Глава X. ПРОТИВ НОВОГО СВЕТА	181
Глава XI. ФИНАЛ?	198
Глава XII. ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ	212
Глава XIII. КАК ИСПРАВИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ?	235

Редактор С. С. Шустерман
Технический редактор А. А. Киселева
Корректор Н. А. Булгаков

*

Сдано в производство 22/III 1948 г.

Подписано к печати 14/IV 1948 г.

А-03197. Объем $15\frac{1}{4}$ п. л. Уч.-издат. л. 12,2

Формат $82 \times 108\frac{1}{32}$. № 8/378

Цена 12 р. 50 к.

*

Типография
Государственного Издательства
Иностранной Литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52

ИГЛАРБЕНИНДУСТРИ

Универсальная

APPENDIX

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ДАННЫЙ МАТЕРИАЛ ОТСУТСТВУЕТ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИЗДАНИИ КНИГИ**

APPENDIX 1

Some Facts About Cartels

Throughout this book the term "cartel" is frequently used. The story of IG Farben is, of course, as good a demonstration as possible of cartels in operation. Some of the more general background of cartels is given in the appendix which follows.

Definitions of Cartels

Perhaps the simplest explanation of cartels was given by Adam Smith more than a century and a half ago. Smith wrote, "People of the same trade seldom meet together, even for merriment and diversion, but the conversation ends in a conspiracy against the public, or in some contrivance to raise prices."

The cartel is simply the most modern in a series of business devices aimed to control trade and production, to stifle competition, and to keep prices high. It takes the form of an agreement between supposedly independent businesses and it can cover any thing from setting of production quotas to sharing of trademarks to establishing of joint sales offices to splitting of profits and sharing of patents and industrial methods.

The dozens of different kinds of cartel all add up to the same thing: competitors in a limited market, usually large organizations and often dominant monopolies in several countries, agree to share the market or at least to stay within assigned areas. The terms of agreement may be highly complex, drawn with the formality of diplomatic protocol, but the essential features are sharing of market and control of prices.

The cartel of course runs counter to all the precepts of free trade. But it can hardly be said that there has been a serious fight between the opposing philosophies of free trade and cartelization. Free trade is an idea so much and so long talked about that it has acquired a reality of its own—without ever having been realized for any great length of time in any dominant part of the world's economy.

At most, *laissez faire* described a policy to the best interests of one group

in one country at a particular time. So long as British industry had a comfortable lead over producers anywhere else, it was clearly to the interest of the manufacturers and traders of England to be able to sell their wares wherever English ships could carry them.

But what a brief period in the world's history was covered by that phase of British free trade. Throughout the Western World the breakup of feudalism—in which free trade was impossible—led to mercantilist imperialism in which the self-contained economic spheres or units were merely greatly enlarged and more efficiently operated. If one looks for a formal closing date, it might be said that the period of the old commercial or mercantilist empires ended with the triumph of British over French empire-building in 1763. But even in England itself, it was not until the first third of the nineteenth century that the traders and manufacturers could force repeal of the tariff on wheat against the opposition of the landed aristocracy. And by the last third of the nineteenth century a new age of political imperialism and economic monopolies was getting well under way. The cartel movement in Germany is generally held to have begun as early as 1873. France took Tunis in 1881 and in thirty years European countries had taken over all of Africa except for Liberia and Abyssinia.

Even as a theory, free trade was more or less the sole property of English business of the nineteenth century to be used as a weapon against foreign competitors who hid behind tariff walls and domestically, against their own native version of a farm bloc. Significantly, the Germans never produced a school of economic theorists who preached the doctrines of *laissez faire*. The infant industries of the United States, fighting for a foothold against the established workshops of Great Britain throughout the nineteenth century, needed no theoretical excuse to seek shelter behind the protection of tariffs.

Today there is hardly even a theoretical fight over free trade. The old terms are used but in different connections. The idea of "freedom" for trade and business enterprises generally is used to mean freedom from government constraint, freedom therefore to organize in restraint of trade. The idea of "self-government in industry" was developed in the period before World War II to mean nothing less than the right to organize industry-wide cartels. The old idea of the right of the individual trader to enter any market he sees fit and to sell there at any price he chooses has become anachronistic.

The truth is that the cartel has grown up as an inevitable by-product of the whole vast economic process throughout the world in which big business organizations have become bigger and world markets have shrunk to provide bare elbow room for competing industrial giants. Along with trusts and monopolies in the economic sphere and the various forms of imperialism, including fascism on the political side, the cartel is one of the direct results of, and instruments for, concentration of control.

The evil effects of cartels are all too clear in the wreckage of world war. That they must be curbed and if possible eradicated is as simple and self-evident a proposition as the notion that a world which has become host to the atom bomb should avoid war. The story of IG Farben and its dealings with its cartel partners illustrates as clearly as anything can how cartels adapt themselves to the pressures of imperialist rivalry and become in fact the vehicle through which a great war takes shape. But the solution will not be found in an attempt to turn the clock back to an economic policy of *laissez faire* which was barely able to work even when it was first proposed.

The cartel must be handled on its own terms, within the actual conditions out of which it arose. And this involves in the first place an understanding of how cartels operate, how they developed and what they did to promote war.

In testimony before the Kilgore Committee of the U. S. Senate, one of the Department of Justice experts on trusts and cartels, Corwin D. Edwards, outlined the three main ways in which cartels are set up.

Some cartels are set up simply as associations, resembling as Edwards says, "... a national trade association which is engaged in restrictive activities ... Such cartels may formally agree to fix prices; to limit and apportion output, sales, or exports; to allocate market territories; to redistribute profits in accordance with an agreed formula; or even to sell through a jointly maintained sales agency. . . ."

A cartel of this sort is limited by how thoroughly the cartel partners control the market, and by the same token, the extent to which they have a monopoly on production. In some countries, notably the United States where the Sherman Act after half a century remains in effect, such operations of cartels are limited by law.

The association may be government sponsored. In foreign countries this is a commonplace; it can happen here, too. The language of American policy is full of tribute to the principles of free trade but even here we have cartels set up with full sanction of the law. For example, under the Webb-Pomerene Act of 1918, export associations were created with specific immunity from the Sherman Act. For our own part these might simply have been set up as a defensive measure to maintain American foreign trade in the face of intervention by foreign governments but from the foreigners' viewpoint these were plain cartels. R. Liefmann, a German cartel authority, described associations set up under the Webb-Pomerene Act as "... a clear case of export cartels deliberately fostered by the Government of the U. S. A. to the detriment of the European consumer."

A second major type of cartel is the patent licensing agreement. This was perhaps the most realistic and at the same time the commonest basis for international cartel-making in the period before World War II. The driving force of an economy is of course technological development. Particularly in newer industries, agreements based solely on control of prices and markets would soon break up if one partner moved far ahead with new processes. Furthermore, the patent sharing device was especially well-adapted to the German position—and as has been seen, the Germans, with IG Farben in the lead, were the prime movers in international cartel building. Because of intensive devotion to commercial science, invention was the big stick used by the German negotiators in the diplomacy of Big Business. Share the markets with us, they said in effect, or we will drive you out with new products.

The patent sharing agreement generally also calls for sharing of industrial methods, the unpatented body of special knowledge of how to do things which can be more important than the information contained in a formal patent. And it quickly spreads. An agreement between two concerns soon affects all producers. If one of the original partners enters a cartel arrangement with another organization, the terms of the first cartel must be protected and maintained. If Du Pont in the United States, for example, has a cartel agreement with IG Farben, then a deal made by Du Pont with, say, the Imperial Chemical Industries of Great Britain in the same field must be consistent with the terms of the arrangement with IG. IG, in effect, has acquired an important veto power over the operations of its partner. In this way, a few basic industrial alliances

can be quickly spread into a complex but consistent network of patent and process sharing agreements covering a major field in all the important countries of the world.

The patent sharing part of the agreement is merely a first step. The patent agreement is based on division of territory. That is, IG may grant use of certain patents to, say, Standard Oil of New Jersey, but the use of those patents is confined to certain areas, the areas agreed upon by the cartel partners. And when the world markets are split for patented products, the same split soon enough applies to other products as well.

With processes and areas shared, the problem of prices is easily handled. Artificial monopoly has been created and the cartel partners can proceed as they see fit in their own domains, secure in the understanding that competing products cannot face them to meet a challenge by lowering prices.

Still another method of cartel-making involves the setting up of combines which "... control international markets not by contract but by uniting competitors under a common ownership or management." In other words, competitors from two big countries may agree to go into a third country and to join hands there by operating through one, jointly owned company. Thus the U. S. Du Pont company and the British Imperial Chemical Industries operate in South American countries through the jointly owned Duperial companies. Within the United States itself Du Pont and a subsidiary of the German IG sold seed disinfectants through the jointly owned Bayer Semesan Co.

The German Cartel Movement

A German refugee in England, Ernst G. Preuss, wrote a pamphlet to prove that the real German warmakers were the rulers of heavy industry in the Ruhr and the Rhineland. He cited a document left to him by his grandfather, an owner of cotton mills in Silesia who wrote as follows on his retirement in 1884:

"May my great-grandsons when reading the contents of this envelope in fifty years time consider the authors of the enclosed speeches worthy inmates of a lunatic asylum, but not, as unfortunately they actually are, representatives of the most influential quarters in Germany. God knows why so many of my former colleagues in industry feel prompted to make use of any lunatic and crook who comes their way to propagate their unsavory aims in a most unsavoury manner, apparently without realizing, intelligent fellows as they otherwise are, that their efforts are bound to lead to internal strife and in the end to war with other nations which will not in the long run tolerate the exaggerated ambitions cherished by so many of my colleagues."

The envelope contained newspaper clippings of speeches made in the Reichstag and Prussian Diet by one Adolf Stoecker, a Lutheran minister who was a pre-Hitler ultra-nationalist, anti-Semite and pro-dictator. Stoecker had been maintained in the Reichstag by the iron and coal men of Westphalia.

During that same decade of the 1880's Lincoln Steffens, then in his mid-twenties, was a student in Germany. Steffens in his lifetime demonstrated that he was a mercilessly clear observer. Yet his attention was caught by a different aspect of German life. He wrote about the German merchants in a letter to his family:

"... I have begun my music course. . . It is delightful and educational in the truest sense. . . Beer is served and everybody drinks it. . . It is a beautiful sight to see the German carry his home around with him and never partake of pleasure without sharing it with those at home.

"The German merchant takes a different view of life from an American. He thinks the American very foolish to go on all his life working hard to pile up money which he does not get the pleasure out of. . . The German merchant has a finer classical training and education, which makes him need the society of men (not dunces) and women, books, pictures, art, and music. These are cheap. But he needs leisure for enjoyment of these things, and it is pleasing to see a banker after dinner at night sit down and think about a few paintings and then go back to business."

Here, then, are the two views of Germany—the apparently irreconcilable views of a country which on a base of well advertised culture and good cheer built a structure of scientific barbarism.

As history has shown, both views of Germany and German businessmen were correct. Both were visible sixty years ago. In spite of apparent contradiction, both came from the same sources in the development of the German nation.

Germany was the late-comer in the industrial arena. When England and France emerged from the Middle Ages as full-fledged nations, what is now Germany was still a patchwork of feudal principalities. During the seventeenth century while commercial empires were being built by the other nations on the Atlantic coast of Europe, the weak and divided German states were a battleground. The industrial revolution was well under way and the Napoleonic wars over before the first signs of German economic unity came with the formation of the customs union in 1819.

The German merchant of the nineteenth century grew up in a world which had already been staked out by the traders of other nations. He grew up in a country which had discovered nationalism late and achieved it finally only by going to war three times in the years between 1864 and 1870. The nationalism which took so long in coming was doubly strong when it arrived.

In the commercial battle against the entrenched economies, the Germans had to compete by all means, fair and foul. There could be no question of coasting on their gains. Any idea of peaceful settlement of claims, preserving the *status quo*, could only leave them where they had been, on the outside looking hungrily in. German economic policy therefore was eternally aggressive and strongly nationalistic.

But while the German businessman started out on the big-time of world competition as a poor outsider, he nevertheless had important advantages. As the Johnnie-come-lately he could profit by the experience of those who went before him. Business pioneering is expensive. The first form of an invention is rarely the most efficient. Germans starting industrial production could pick what appeared to be the best equipment and methods. They were not committed to something out of date by virtue of large investments in obsolete plants.

Thorstein Veblen described the advantages of the German position in the following way:

"The country being at the same time . . . not committed to antiquated sites and routes for its industrial plant; the men who exercised the discretion were free to choose, with an eye single to the mechanical expediency of locations for the pursuit of industry. Having no obsolescent equipment and no out-of-date trade connections to cloud the issue, they were also free to take over the processes of the new industry at their best and highest efficiency, rather than content themselves with compromises between the best equipment known and what used to be the best a few years or a few decades ago. So also in the financing of the new ventures. . ."

Even the culture which tourists found so pleasant in the Germany of the late nineteenth century paid off in business advantages. The great universities of Germany were hoary with tradition. There were not many of them, by American standards. They were not, and never became, open to all the people. But the sons of prosperous merchant families went to them and acquired the best of scientific training along with beer, good music, and saber cuts. As a result, German industry acquired leaders who were scientists as well as managers, technicians as well as entrepreneurs. This advantage lasted into the period between the two world wars and was one of the secrets of German success in the big international poker game of cartel diplomacy.

The beginning of the German cartel movement took place immediately after the Franco-Prussian War. By this war the unification of Germany was completed and the stage was set for both rampant nationalism and some new tricks in aggressive business which the rest of the world had not yet seen.

In the early stages, there was no chance for Germans to set about capturing foreign markets from the comfortable business community of England. The Germans had their hands full taking care of their own domestic markets in the face of foreign competition. What was more natural than for the Germans in different industries to pool the home market, fixing prices and production quotas, to make a common front against all outsiders? The cartel grew up in a cordial atmosphere. The German monopolist on the way up was luckier than his American counterpart. He did not have to worry about a Populist movement. He had no muckrakers to contend with, no anti-trust laws to avoid. He was building greater (and more profitable) concerns for the good of the new empire.

More than fifty years later the same attitude prevailed. The German cartelist was still *the* super-patriot in a nation of super-patriots. In 1928, at a time when British and American corporations were making cartel bargains in the name of international business without regard for national interest, the German Ostrom Company stated:

"An international cartel has no right of existence and a German businessman has no right to become a member of such a cartel if this cartel is acting against the common interests of Germany."

By way of contrast, here is a statement made in April, 1939, by the chairman of the board of the U. S. General Motors Corporation, referring to any American firm operating abroad:

"It should attempt to attune itself to the general business of the community; make itself part of the same; . . . I believe further, that that should be its position, even if, as is likely to happen and particularly as was the case during the past few years, the management of the Corporation might not wholly agree with many things that are done in certain of these countries."

With a rapid increase in productive capacity, under pressure of a tight home market and few foreign markets, concentration of German industry moved forward in the years leading up to World War I, without opposition or interruption. The movement took two main lines: formation of cartel agreements among independent producers, first on a regional basis, and after 1900 on a nation-wide scale; and, particularly in prosperous years of industrial expansion, outright consolidation of independent companies into single combines with common ownership and management.

Some writers have made much of the differences between the two processes of cartel building and outright mergers, pointing out that in Germany the

cartels grew fastest in the years of depression when it was necessary to divide the limited market and most consolidations occurred in prosperous years when the advantages of larger scale production could be used in a booming market. Of course, there were differences. But the main purpose and the main effect were the same: Bigger and bigger sections of the economy came under control of fewer and fewer people. This was seen most clearly in the case of the German chemical industry. There the main producers were first organized into two giant cartels. Then the two were combined to make one giant cartel with division of markets, production quotas, and sharing of profits but with ownership of individual plants still independent. And finally the over-all cartel was replaced by one huge company in which all the others were swallowed up, the IG Farbenindustrie A.G.

In the United States too there was a movement for the formation of great trusts and monopolies in the closing years of the nineteenth century. But there was also a countermovement, a major popular protest against the trusts which was reflected in Congress—by the Sherman Anti-Trust Act; in the press—by the writings of the muckrakers, Tarbell, Steffens and the rest; and in executive action—by Theodore Roosevelt's trust-busting.

In Germany there was no such opposition. The recently acquired national unification was coupled with the rigid discipline of the only recently dissipated feudalism. Duty to the new state was preached as religion. To muscle into already allocated world markets required unified action: there was unified action.

The German courts from the beginning supported the cartel movement. For example, in the case of the Bavarian Kiln Association, the Supreme Court of Bavaria ruled in 1888 that it was a good and proper idea for businessmen to band together and thus aid recovery from depression and promote the national welfare. The court said: "Since the individual producers are powerless to restore the proper balance between supply and demand by limiting their own output, the only way to bring about such result is for them to combine and agree on such limitation."

A few years later, in a wood-pulp case of the 1890's, the high court of Saxony went the whole way in making a case for high prices: "When the prices of the products of an industry fall to an unreasonably low level and the profitable operation of the industry is thereby endangered or made impossible, the resulting crisis is detrimental not only to the individuals affected, but also to the national economy as a whole, and it is, therefore, to the interest of society that prices should not be constant at an unreasonably low level."

By the time of World War I, the cartels were ready to do their service for the Fatherland. A German defender of cartels, R. Liefmann, wrote: "... the cartels . . . were put to an extraordinary test by the [first World] War. The fact that the firms were used to such organizations and their adaptability and capacity for co-operation, proved a great blessing to the country. The assertion of our enemies that we owed this merely to our military discipline is quite untrue; it was not a case of arrangement in organizations created by the State, but of co-operation within voluntary organizations created by themselves, which merely had to be adapted to the new needs arising from the War."

The cartels were still better able to serve the Reich by the time of World War II.

Only a few hesitating gestures toward control of cartels were ever made in Germany. In 1903 the Imperial government ordered an investigation into

cartels, but the survey did not lead to action or even to scandal. A similar investigation was made in Austria in 1912. The closest approach to cartel control came in 1923. Germany had then experienced nine years of steadily—and, at the end, violently—rising prices. Since a main purpose of cartels is to prevent any drop in prices, the bottom seemed to be cut out from beneath the cartels.

Many reams of paper have run through the presses burdened with theoretical analysis of what happened during the great German inflation. But to the ordinary people it did not seem so difficult to understand (and perhaps in truth it was not really so difficult): almost alone of all groups in Germany the major industrialists profited by the inflation and profited handsomely. Control of monopoly acquired a new popularity.

In November of 1923, with the inflation at its final peak, a cartel law was established by decree of the German government. The law set up a cartel court with power to determine when the actions of cartels went against the public good and in such cases to invalidate contracts, but it did not call for abolition of the cartel system. Its preamble specifically disavowed such intention. It was merely designed to regulate some cartel activities, in cases where the public welfare was involved.

Even within this limited framework, the law was never effective. Cartels in Germany continued to grow in size, number, and importance. Having gained a grip on the main parts of the home economy, the German cartels moved out, and, in the period between the two world wars, became the prime movers in international cartels which took in main producers all over the world. As has been shown, the phenomenal network of cartel tie-ups created on a global scale by IG Farben was built almost entirely in the period after the cartel law was passed.

With Hitler's coming to power, the German cartel movement reached its final high point. There had been compulsory cartels in potash since 1910, in coal since 1919. Now cartels became compulsory for the whole economy. In July, 1933, the cartel court was abolished and cartels became compulsory. The State now had the power to force outsiders into "voluntary" cartels and to set up new ones. The Minister of Economics could control the size of an industry by refusing to sanction expansion. True, major cartel functions like price fixing were in the hands of government but this did not materially alter the situation: representatives of leading concerns acted as efficiently within the Nazi bureaucracy as they had on their own boards of directors. In other words, by placing their power in the hands of the State, the cartelists received it back again, doubled and tripled in strength by the scientific barbarism of the fascists. For their part, the Nazis received a war economy ready made.

Cartels Throughout Europe

In 1940, Nazi conquest insured cartelization of Europe with all controls firmly in German hands. But much more than a beginning had already been made. The assault of the German cartels in foreign trade during the 1920's and 30's was too severe to be withstood by individual concerns. Cartelization had spread rapidly throughout all of Western Europe even in peacetime.

In Austria the progress of big combinations in industry paralleled that in Germany though on a smaller scale. Belgium too was closely webbed with cartels and there too the links with German cartels dated from before World War I. There were literally hundreds of industries bound together by cartels in all the principal countries of Europe from Norway to Greece. In Hungary there were cartels in coal, iron, chemicals, petroleum, and dozens of other

fields; in Switzerland—silk, cotton, chemicals, dairy products, watches, electricity, and others; in Italy—iron, sugar, paper, marble, textiles, chemicals; Spain, the Scandinavian countries, Bulgaria, Czechoslovakia, Poland, Greece, Roumania, Portugal—major industries in all operated through the medium of cartels on the German model.

France is a clear case of the effects of German pressure. Here there was a long tradition against collusive combination in business. The Chapellier Act of 1791 and the Penal Code of 1810 prohibited coalitions against trade. The law was modified somewhat in the 1880's but not until 1926 was a statute passed in which commercial combinations were recognized as legal. By 1935, the pressure of the German traders was so great that in retaliation a *compulsory* cartelization bill was written into the French law. The law of 1935 provided that if an employers' group covered two-thirds of all firms and three-fourths of all sales for a particular industry, and if that group had made an agreement regulating trade, the agreement could be made binding on all concerns in the industry by government decree.

The reasons for the French law of 1935 were clearly stated in an accompanying brief. It was necessary for French industry to protect itself from the risks of price cutting; it was necessary to curb "excessive" competition; and above all, it was necessary for France to protect itself against the cartels of other countries.

The French cartels set up thus, defensively, entered into binding agreements with the German cartelists. Within five years after the passage of the compulsory cartelization law it was learned that the French people might better have looked for other defenses. In six tragic weeks in 1940 all of France was over-run as the *Blitzkrieg* demonstrated what it could do when doors were opened for it by high-level treachery. Top rank cartelists as well as ossified generals were responsible for the betrayal of France. It was a peculiarly bitter twist of historical irony that the same industrial rulers of France who chose to join hands with the German cartels rather than oppose them soon found themselves faced with loss of control over their own enterprises and were swallowed up by the Germans.

The same pressure operated even in Great Britain, traditional home of *laissez faire*. Great Britain had been the one country in the world of which it could be said without qualification that freedom of the seas, freedom of trade, were profitable policies. But as world distances shrank and markets looked smaller and smaller compared with the growing capacity of factories of all the nations, Britain, too, drifted slowly out of the old free trade policy.

The change in Great Britain came slowly. Full-fledged, large scale cartels grew up alongside of individualistically operated industries. The British chemical industry closely paralleled development of the German IG Farben; organizers of the British Imperial Chemical Industries, Sir Alfred Mond and Sir Harry MacGowan, took their places with the world's leading cartelists. By March of 1939, the *Economist* of London editorialized as follows:

"An entirely novel form of industrial organization is creeping upon us unaware. We are witnessing the gradual cartelization of England."

After pointing out that for decades there had been only gradual relaxation of the principles of absolute free trade and that there had been stubbornly continued opposition to any kind of governmental interference in business affairs, the *Economist* went on to say:

"We have never in this country followed the American worship of compe-

tition to the length of enacting anti-trust legislation. But there has always been a doctrine of the common law against combinations in restraint of trade, reinforced by a general belief that such combinations tend to be anti-social in their effects. The belief has changed and the common law doctrine is in disuse. What is more, the Government, in recent years, far from reprobating the cohesive organization of industries, has encouraged it. Both steel and coal had almost to be forced to combine. . . The price that is not fixed is becoming a rarity, and the businessman's theme song has changed from Free Private Enterprise to the Self-Government of Industry."

That the *Economist* itself accepted the new principles of cartels at least with equanimity was indicated in another article:

"Few people nowadays are opposed in principle—the *Economist* is certainly not—to the cooperative adjustment of the supplies of raw materials to the demand for them at a price yielding a reasonable profit to efficient producers."

The language of cartel-building is full of such phrases as "cooperative adjustments" and "prices yielding reasonable profits."

Germany had been the pace setter in the making of cartels. England, having first set the whole pattern of industrial development, now went to the Johnnie-come-lately for guidance. The web of British cartels depended on inter-connections with the German cartels.

Cartel Appeasement

From the Treaty of Versailles to 1933, statements by German public figures were full of veiled threats about what would happen to the peace of the world if Germany were not given back her rightful place (complete with colonies). After 1933 and the coming of Hitler to power, the threats were no longer veiled.

At the same time also began the obscene spectacle of appeasement. The peak of appeasement was reached only five years later when Neville Chamberlain went by plane rather than by foot through the snow but the penance was heart-felt. He gave Hitler what he needed to bring war on the world, he sold the free Czech nation down the river into slavery, and he alighted from his airplane waving a piece of paper which represented "peace in our times."

Munich, of course, was only a high point of appeasement. The process had begun with the Anglo-German Naval Treaty of 1935 and the German military reoccupation of the Rhineland in 1936. And it was conducted by economic means fully as much as through politics. The only difference was that economic appeasement took the form of private understandings, at the level of international statescraft, among British and German cartelists.

The economic understandings did finally break out into the open. While Chamberlain was in Munich, preliminary maneuvers were going on between the two top trade associations of England and Germany, the Federation of British Industries and the Reichsgruppe Industrie. In March of 1939, delegates from the F.B.I. did their penance by going, not to Munich, but to Duesseldorf. There they conferred intensively with the delegates of the Reichsgruppe Industrie.

The German press was full of the concessions which had to be obtained if war was to be avoided. Typical was the blended tone of self-pity and truculence in an article in the *Deutsche Allgemeine Zeitung*:

"... The manner in which this situation (Germany's economic difficulties) is regarded abroad will show which are the spirits of peace and which

the ones who desire the ruin of Europe. Those who argue that it is good that the disturbing Germans have food difficulties and wish to let them stew in their own trouble until they become politically unimportant and ready to sell their rights as a great Power and Kultur Nation for a mess of lentils—those who argue thus come in the category of war agitators and destroyers of European order."

The delegates of the Federation of British Industry showed themselves to be respecters of European order, German-style. They reached a broad understanding with the Germans which called for a series of agreements between the industries of the two nations, under government sponsorship if need be.

In a world full of discord, agreement between two parties is likely to be aimed against a third. The political pact of Munich was quite openly recognized to have been aimed eastward, against the Soviet Union. The economic pact of Duesseldorf contained provisions which could only have been aimed against the United States. Paragraph 8 of the declaration stated:

"The two organizations realize that in certain cases the advantages of agreement . . . may be nullified by competition from the industry in some other country that refuses to become a party to the agreement. In such circumstances it may be necessary for the organizations to obtain the help of their governments and the two organizations agree to collaborate in seeking that help." The United States, of course, was the only nation able to offer the kind of competition which would have sent the Federation of British Industry and the Reichsgruppe Industrie running to their governments for help.

The Duesseldorf agreement was still-born. While the preliminary negotiations were going on, there was also great activity in the offices of the High Command of the German Army. Last touches of staff work were being done on the operation which turned the Wehrmacht loose against a Czechoslovakia which had been crippled, but supposedly defended, by the Munich agreement. The Duesseldorf meeting was held on March 15 and 16, 1939. On exactly the same days, the Wehrmacht was marching into Czechoslovakia.

Even then the Duesseldorf agreement was voided with regrets. A spokesman for the Federation of British Industry regarded the suspension as a mere postponement and described the declaration as "a valuable piece of work."

The same London *Economist* which a few weeks before had talked about co-operative adjustments of supplies of raw materials now faced up to the facts and pointed out that "... Of condemnation of German methods the agreement is entirely innocent. . . A number of changes in policies hitherto pursued are approved in the agreement. But without exception they are all changes not in *German* but in *British* policies. . . Instead of securing from the Germans an abandonment of the unfair methods, the British negotiators seem to have swallowed them, lock, stock and barrel." And the article winds up with as neat a summary of appeasement as has been written: "(The) substance is this: Provided Germany does not encroach on British trade preserves or reduce the profit margin of British exporting industries, Great Britain will not concern herself with what Germany does to other people's trade or by what means."

What the Cartels Did—And Why

On the eve of World War II cartels were well rooted in all the major

economic powers of the capitalist world. In most of the important, large-scale industries, the lines of cartel connection had crossed national boundaries to make up international networks.

In the chemical industry, the web of cartels dominated the production of the entire world—with IG Farben sitting at the center.

The international steel cartel followed the same pattern as in the chemical industry. The producers of Western Europe were first organized under German leadership. In 1935 the British steelmakers entered the European steel cartel. And in 1938 agreement was reached with American producers.

The main light metals, aluminum and magnesium, were also cartelized. Similarly, the main sources of rubber in the Far East were subject to rigid control both as to production and prices under cartel agreement.

The immediate effects of cartels were easily seen. Prices were kept high. A representative of the Steel Export Association of America testified before the TNEC that "... under the cartels the prices were good, otherwise there wouldn't be any good reason to have a cartel."

As a German business leader commented forty years ago, no one gains from low prices except the consumers. He might have added: the only people who benefit from oxygen are those who breathe.

The U. S. Department of Justice has established a clear-cut record on the way in which cartels maintained fantastic prices. The case of tungsten carbide is in point. In 1927 the price in the United States was \$50 per pound. Following a cartel agreement between General Electric and Krupp, the U. S. price during the 1930's ranged between \$225 and \$435. In April 1942, after an indictment under the anti-trust laws, the price, as if by magic, came down again to a range of \$27 to \$45 per pound.

There are many other instances of prices held at sky-high levels by cartel action, but they tell only part of the story. The Assistant Attorney General, Wendell Berge, summarized some of the other cartel effects as follows:

"... cartels ... have been able by clandestine means to impress their sinister mark upon our economy. In mobilizing for war, we discovered almost too late, that they were responsible for shortage after shortage of vital materials. The fact is that they have retarded technological advance and the introduction of improved devices and products, whenever such developments seemed to threaten their vested interests despite the fact that thereby national security might be jeopardized. They have, indeed, obstructed and in no small measure thwarted the declared foreign policies of the American government, placing their own business interests above the public interests.

"... In Germany, Kaiserism and later Nazism received enormous impetus, indeed decisive support, from the regimented, cartelized structure of the national economy."

Cartels also served as the perfect transmission belt for espionage. Here too the record of the Department of Justice provides a long list of cases. The American Bosch Company provided the Bosch Company of Germany with information, developed in the laboratories of the U. S. Navy and the Army Signal Corps, concerning shortwave and high frequency radio which later was the basis of communications in the German Army. For at least fifteen years, the U. S. firm of Bausch and Lomb sent to its cartel partner, the German Zeiss Company, information of the greatest importance concerning fire control instruments, range-finders, periscopes, telescopes, and the like. As for IG Farben,

its contribution to the art of espionage has already been told in more detail.

An important question to answer is: why were the Germans able to dominate the cartels they entered and twist them to their own purposes?

The German cartelists received some help on ideological grounds. Hitler promised an end to the menace of Soviet Russia; his cause was certainly popular enough with many of Germany's cartel partners. But ideologies are likely to wilt in the presence of hard cash. And the men with whom the American and British cartelists did business, the leaders of IG Farben for example or A.E.G. or Siemens-Halske or Krupp, did not look like crusaders; in fact, they looked suspiciously like any other international businessmen.

Far more important was the fact that the Germans provided technological leadership. The German industrialists started without assured markets or sales on a comfortable scale. They were always therefore on the outlook for new processes and methods which would give them an edge over established concerns of other nations. As a result, a special premium attached to German technique. The German cartelists were able to swap patents and knowledge for shares in markets.

The Germans could dominate cartels by making still other uses of their originally disadvantaged position. Tactically, they could maneuver against an adversary's established field and then, as a price for withdrawing, receive concessions in other fields. This was the basis of the first agreement between IG Farben and Standard Oil of New Jersey: it has already been shown that IG used the Bergius process for deriving fuel oils from coal as a threat against the established petroleum business, and, in return for staying out of the oil business everywhere except in Germany, exacted from Standard an agreement to stay out of the chemical business everywhere, including the United States.

Greater aggressiveness, also deriving from greater initial need and a generally faster rate of development, allowed the Germans to place themselves at the center of international business negotiations and build up combination plays. Here, too, the history of IG Farben illustrates the whole point. Working from one country to the next, IG forced the European chemical producers into a cartel bloc. Having organized a European alliance, they were able to force the British Imperial Chemical Industries into line. With the Continent and Great Britain lined up with them, IG could then finally come to terms, essentially their own terms, even with the big American producers. Here as in most of their dealings, the traders presented a solid national front to start with and, having less to look forward to in immediate returns, kept their eyes on the long range objectives. It was seen that IG Farben, for example, reinserted itself into American chemical production after World War I by offering a better than even break in profits in return for a better than even share in control of production and market.

The case of Germany illustrates as perfectly as can be the emptiness of the hope that through cartels international business affairs can be stabilized and the struggles for world markets mediated. It is hard to visualize now, but in the period between World Wars I and II a main theoretical defense of the cartel was that through it the chronic convulsions of world capitalism could be assuaged. And there were many convincing points in the argument. Big Business is indeed international. Its leaders are internationalists in a true sense. The top-flight officials of the IG who were arrested for interrogation by the U. S. occupying forces would have looked at home in better clubs and hotels in any city in the world. Many of them in fact were well known in many world

capitals. Most of them had excellent command of English and had traveled in the United States and Latin America. Those of them who had found themselves at the war's end in Berlin or eastern Germany made hurried trips to western Germany in the evident hope of finding themselves among old friends.

Yet even though international business is conducted by respectable men who meet on friendly terms on the same plane and talk the same language whatever their countries of origin, nevertheless there are lines of cleavage between them which they cannot bridge with mere contracts. If the business enterprises of different countries moved together like well matched horses in a team at an even pace, unity of action could be agreed on. But this is not the case and it can hardly be the case as long as profit is a magnet for men's productive energies.

It was demonstrated over the course of a century and a half that there were economies and therefore greater profits in production by increasingly larger units. The drive for concentration therefore proceeded mercilessly ahead. But large concentrations of invested capital also have their own peculiar vulnerabilities. Equipment becomes obsolete. Just as armies have only learned the lessons of a particular war by the time the war is over, so an industrial concern at its peak of power inevitably has developed methods far superior to the ones it is actually using. Yet it cannot adopt the new methods without taking a heavy loss through discarding the obsolete equipment. Its interest therefore is to hold fast to what it has and to resist shifts and changes with all the energy it can bring to bear.

The producer not yet at peak strength, on the other hand, is not held back by the dead weight of obsolescence. That producer can and will drive ahead, building with the improved methods and using increased efficiency to under-cut the richer and better established opponent.

The international cartel sets production quotas, divides markets, and attempts to stabilize prices, in line with an existing relationship of industrial power. That relationship does not, and cannot, stand still. And out of the shifts of the economic balance arise the explosions which break over into politics and sweep up whole nations in the path of war.

National feeling at home is a driving power which the international business operator can unleash at the critical moment to achieve a decision. This process was not invented by the Germans. What the Germans managed to do was to raise the use of aggressive nationalism as a support for general economic aggression to a new pitch of intensity, demonstrating the advantage of coming late into the game and of matching all bets and raising them.

Rather than acting as permanent mediators, then, the international cartels become the instruments through which international conflicts take shape, mature, and finally break out. For this purpose, the cartels are peculiarly well adapted. Cartels make major foreign policy for whole nations. It was through the mechanism of cartel agreements that Germany was permitted to arm while defensive preparations in England and the United States were throttled. Yet the duly chosen representatives of nations have little to say about the foreign policies which are made by cartels. The cartel-builders act as private individuals responsible only to their own boards of directors and responsible to them only for the showing of a decent profit. Cartels become in effect private governments carrying on private diplomacy. Even the language of cartel agreements reads like protocol. The people as a whole come in only when armies are needed.

There is no indication that the experience of World War II has changed the nature of cartels. Public policy is against the cartels, but then American policy has run consistently against all the forms of monopoly since the passage of the Sherman Act half a century ago, and this has not kept the cartel web out of this country.

There is a hopeful note in the series of proposals for expansion of world trade and employment prepared by experts in several U. S. government agencies and published in November, 1945, by the State Department. The document states that members of an international trade organization, under the United Nations, should act "to curb . . . restrictive practices in international trade." The nasty word "cartel" is not used, but the nature of the animal is clearly enough indicated. In the main three proposals are made: 1) the International Trade Organization should be empowered to receive complaints against cartel action, to make studies of the problem, and to recommend action; 2) member nations of the Organization should continue with their separate measures against the restrictive practices; and 3) the way is left open for any further enforcement measures which might later be agreed upon by the members of the Organization.

In short, the program as proposed is largely a statement of policy, general and hopeful, but without specific teeth.

Standing against the American government position, there is evidence of the intention of American cartelists to continue in the old path. As was shown earlier, spokesmen for American corporations like Du Pont and Standard Oil have revealed that they intend to revive the old cartels and their connections with such erstwhile partners as IG.

To date, monopoly in America has been held in check, if at all, by popular pressure. The American people may not have been in a position to know all about the workings of cartels and other monopoly forms, but what they have known they have not liked; the Sherman Act has remained on the books and it has acted at least as a drag on the powerful tendencies toward concentration. It will take the same kind of public pressure in increasing amount to pull foreign affairs out of private hands and force them into the open where the commitments arrived at by cartelists can be passed on by the people who have to fight in wars.

APPENDIX 2

POLICY DOCUMENTS

The documents which follow laid down the principal lines of American policy for the occupation of Germany during the entire period between the ending of World War II in Europe and the signing of a formal peace treaty.

The Potsdam Agreement was public information from the moment of its signing by the Chiefs of State of Great Britain, the Soviet Union, and the United States. JCS 1067, however, when first issued by the U. S. Joint Chiefs of Staff to General Eisenhower, was classified as "Top Secret." Its provisions have never become widely known.

As can easily be seen by a quick reading, the two main policy documents—one a purely American set of instructions to an American commanding general, and the other an international agreement—are in thorough agreement. Both have been frequently disregarded in practice by the U. S. Military Government in Germany.

A.

JCS 1067

(EXCERPTS)

*Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation
Regarding the Military Government of Germany
(Issued originally in April, 1945)*

1. The Purpose and Scope of this Directive:

This directive is issued to you as Commanding General of the United States forces of occupation in Germany. As such you will serve as United States member of the Control Council and will also be responsible for the administration of military government in the zone or zones assigned to the United States for

purposes of occupation and administration. It outlines the basic policies which will guide you in those two capacities after the termination of the combined command of the Supreme Commander, Allied Expeditionary Force.

This directive sets forth policies relating to Germany in the initial post-defeat period. As such it is not intended to be an ultimate statement of policies of this Government concerning the treatment of Germany in the post-war world. It is therefore essential that, during the period covered by this directive, you assure that surveys are constantly maintained of economic, industrial, financial, social and political conditions within your zone and that the results of such surveys and such other surveys as may be made in other zones are made available to your Government, through the Joint Chiefs of Staff. These surveys should be developed in such manner as to serve as a basis for determining changes in the measures of control set forth herein as well as for the progressive formulation and development of policies to promote the basic objectives of the United States. Supplemental directives will be issued to you by the Joint Chiefs of Staff as may be required.

As a member of the Control Council you will urge the adoption by the other occupying powers of the principles and policies set forth in this directive and, pending Control Council agreement, you will follow them in your zone. It is anticipated that substantially similar directives will be issued to the Commanders in Chief of the U. K., U. S. S. R. and French forces of occupation.

Part I. General and Political

2. The Basis of Military Government:

a. The rights, power and status of the military government in Germany are based upon the unconditional surrender or total defeat of Germany.

b. Subject to the provisions of paragraph 3 below, you are, by virtue of your position, clothed with supreme legislative, executive, and judicial authority in the areas occupied by forces under your command. This authority will be broadly construed and includes authority to take all measures deemed by you necessary, appropriate or desirable in relation to military exigencies and the objectives of a firm military government.

c. You will issue a proclamation continuing in force such proclamations, orders and instructions as may have heretofore been issued by Allied Commanders in your zone, subject to such changes as you may determine. Authorizations of action by the Supreme Commander, Allied Expeditionary Force, may be considered as applicable to you unless inconsistent with this or later directives.

3. The Control Council and Zones of Occupation:

a. The four Commanders-in-Chief, acting jointly, will constitute the Control Council in Germany which will be the supreme organ of control over Germany in accordance with the agreement on Control Machinery in Germany. For purposes of administration of military government, Germany has been divided into four zones of occupation.

b. The authority of the Control Council to formulate policies and procedures and administrative relationships with respect to matters affecting Germany as a whole will be paramount throughout Germany. You will carry out and support in your zone the policies agreed upon in the Control Council. In the absence of such agreed policies you will act in accordance with this and other directives of the Joint Chiefs of Staff.

c. The administration of affairs in Germany shall be directed towards the decentralization of the political and administrative structure and the development of local responsibility. To this end you will encourage autonomy in regional, local and municipal agencies of German administration. The German economic structure shall also be decentralized. The Control Council may, however, to the minimum extent required for the fulfillment of purposes set forth herein, permit centralized administration or establish central control of (a) essential national public services such as railroads, communications and power, (b) finance and foreign affairs, and (c) production and distribution of essential commodities.

d. The Control Council should adopt procedures to effectuate, and you will facilitate in your zone, the equitable distribution of essential commodities between the zones. In the absence of a conflicting policy of the Control Council, you may deal directly with one or more zone commanders on matters of special concern to such zones.

e. Pending the formulation in the Control Council of uniform policies and procedures with respect to inter-zonal travel and movement of civilians, no civilian shall be permitted to leave or enter your zone without your authority, and no Germans within your zone shall be permitted to leave Germany except for specific purposes approved by you.

f. The military government personnel in each zone, including those dealing with regional and local branches of the departments of any central German administrative machinery, shall be selected by authority of the Commander of that zone except that liaison officers may be furnished by the Commanders of the other three zones. The respective Commanders-in-Chief shall have exclusive jurisdiction throughout the whole of Germany over the members of the armed forces under their command and over the civilians who accompany them.

g. The Control Council should be responsible for facilitating the severance of all governmental and administrative connections between Austria and Germany and the elimination of German economic influences in Austria. Every assistance should be given to the Allied Administration in Austria in its efforts to effectuate these purposes.

4. Basic Objectives of Military Government in Germany:

a. It should be brought home to the Germans that Germany's ruthless warfare and the fanatical Nazi resistance have destroyed the German economy and made chaos and suffering inevitable and that the Germans cannot escape responsibility for what they have brought upon themselves.

b. Germany will not be occupied for the purpose of liberation but as a defeated enemy nation. Your aim is not oppression but to occupy Germany for the purpose of realizing certain important Allied objectives. In the conduct of your occupation and administration you should be just but firm and aloof. You will strongly discourage fraternization with the German officials and population.

c. The principal Allied objective is to prevent Germany from ever again becoming a threat to the peace of the world. Essential steps in the accomplishment of this objective are the elimination of Nazism and militarism in all their forms, the immediate apprehension of war criminals for punishment, the industrial disarmament and demilitarization of Germany, with continuing control over Germany's capacity to make war, and the preparation for an eventual reconstruction of German political life on a democratic basis.

d. Other Allied objectives are to enforce the program of reparations and restitution, to provide relief for the benefit of countries devastated by Nazi aggression, and to ensure that prisoners of war and displaced persons of the United Nations are cared for and repatriated.

5. *Economic Controls:*

a. As a member of the Control Council and as zone commander, you will be guided by the principle that controls upon the German economy may be imposed to the extent that such controls may be necessary to achieve the objectives enumerated in paragraph 4 above and also as they may be essential to protect the safety and meet the needs of the occupying forces and assure the production and maintenance of goods and services required to prevent starvation or such disease and unrest as would endanger these forces. No action will be taken in execution of the reparations program or otherwise which would tend to support basic living conditions in Germany or in your zone on a higher level than that existing in any one of the neighboring United Nations.

b. In the imposition and maintenance of such controls as may be prescribed by you or the Control Council, German authorities will to the fullest extent practicable be ordered to proclaim and assume administration of such controls. Thus it should be brought home to the German people that the responsibility for the administration of such controls and for any break-downs in those controls will rest with themselves and German authorities.

6. *Denazification:*

a. A Proclamation dissolving the Nazi Party, its formations, affiliated associations and supervised organizations, and all Nazi public institutions which were set up as instruments of Party domination, and prohibiting their revival in any form, should be promulgated by the Control Council. You will assure the prompt effectuation of that policy in your zone and will make every effort to prevent the reconstitution of any such organization in underground, disguised or secret form. Responsibility for continuing desirable non-political social services of dissolved Party organizations may be transferred by the Control Council to appropriate central agencies and by you to appropriate local agencies.

b. The laws purporting to establish the political structure of National Socialism and the basis of the Hitler regime and all laws, decrees and regulations which establish discriminations on grounds of race, nationality, creed or political opinions should be abrogated by the Control Council. You will render them inoperative in your zone.

c. All members of the Nazi Party who have been more than nominal participants in its activities, all active supporters of Nazism or militarism and all other persons hostile to Allied purposes will be removed and excluded from public office and from positions of importance in quasi-public and private enterprises, such as (1) civic, economic and labor organizations, (2) corporations and other organizations in which the German government or subdivisions have a major financial interest, (3) industry, commerce, agriculture, and finance, (4) education, and (5) the press, publishing houses and other agencies disseminating news and propaganda. Persons are to be treated as more than nominal participants in Party activities and as active supporters of Nazism or militarism when they have (1) held office or otherwise been active at any level from local to national in the Party and its subordinate organizations, or in

organizations which further militaristic doctrines, (2) authorized or participated affirmatively in any Nazi crimes, racial persecutions or discriminations, (3) been avowed believers in Nazism or racial and militaristic creeds, or (4) voluntarily given substantial moral or material support or political assistance of any kind to the Nazi Party or Nazi officials and leaders. No such persons shall be retained in any of the categories of employment listed above because of administrative necessity, convenience or expediency.

d. Property, real and personal, owned or controlled by the Nazi Party, its formations, affiliated associations and supervised organizations, and by all persons subject to arrest under the provisions of paragraph 8, and found within your zone, will be taken under your control pending a decision by the Control Council or higher authority as to its eventual disposition.

e. All archives, monuments and museums of Nazi inception, or which are devoted to the perpetuation of German militarism, will be taken under your control and their properties held pending decision as to their disposition by the Control Council.

f. You will make special efforts to preserve from destruction and take under your control records, plans, books, documents, papers, files, and scientific, industrial and other information and data belonging to or controlled by the following:

(1) The Central German Government and its subdivisions, German military organizations, organizations engaged in military research, and such other governmental agencies as may be deemed advisable;

(2) The Nazi Party, its formations, affiliated associations and supervised organizations;

(3) All police organizations, including security and political police;

(4) Important economic organizations and industrial establishments including those controlled by the Nazi Party or its personnel;

(5) Institutes and special bureaus devoting themselves to racial, political, militaristic or similar research or propaganda.

* * * * *

Part II. Economic

General Objectives and Methods of Control

16. You will assure that the German economy is administered and controlled in such a way as to accomplish the basic objectives set forth in paragraphs 4 and 5 of this Directive. Economic controls will be imposed only to the extent necessary to accomplish these objectives, provided that you will impose controls to the full extent necessary to achieve the industrial disarmament of Germany. Except as may be necessary to carry out these objectives, you will take no steps (a) looking toward the economic rehabilitation of Germany, or (b) designed to maintain or strengthen the German economy.

17. To the maximum extent possible without jeopardizing the successful execution of measures required to implement the objectives outlined in paragraphs 4 and 5 of this directive you will use German authorities and agencies and subject them to such supervision and punishment for noncompliance as is necessary to ensure that they carry out their tasks.

For this purpose you will give appropriate authority to any German agencies and administrative services you consider essential; provided, however, that you will at all times adhere strictly to the provisions of this directive regarding de-

nazification and dissolution or elimination of Nazi organizations, institutions, principles, features, and practices.

To the extent necessary you will establish administrative machinery, not dependent upon German authorities and agencies, to execute or assure the execution of the provisions of paragraphs 19, 20, 30, 31, 32, 39 and 40 and any other measures necessary to an accomplishment of your industrial disarmament objectives.

18. In order to decentralize the structure and administration of the German economy to the maximum possible extent, you will

a. ensure that the action required to maintain or restore essential public utilities and industrial and agricultural activities is taken as far as possible on a local and regional basis;

b. on no account propose or approve in the Control Council the establishment of centralized administration of controls over the German economy except where such centralization of administration is clearly essential to the fulfillment of the objectives listed in paragraphs 4 and 5 of this directive. Decentralization in administration should not be permitted to interfere with attainment of the largest practicable measure of agreement on economic policies in the Control Council.

19. You will institute or assure the maintenance of such statistical records and reports as may be necessary in carrying out the objectives listed in paragraphs 4 and 5 of this directive.

20. You will initiate appropriate surveys which may assist you in achieving the objectives of the occupation. In particular you will promptly undertake surveys of supplies, equipment and resources in your zone. You will endeavor to obtain prompt agreement in the Control Council to the making of similar surveys in the other zones of occupation, and you will urge appropriate steps to coordinate the methods and results of these and other future surveys conducted in the various zones. You will keep the Control Council, United States Representative on the Reparation Commission and other appropriate authorities, currently apprised of the information obtained by means of intermediate reports or otherwise.

German Standard of Living

21. You will estimate requirements of supplies necessary to prevent starvation or widespread disease or such civil unrest as would endanger the occupying forces. Such estimates will be based upon a program whereby the Germans are made responsible for providing for themselves, out of their own work and resources. You will take all practicable economic and police measures to assure that German resources are fully utilized and consumption held to the minimum in order that imports may be strictly limited and that surpluses may be made available for the occupying forces and displaced persons and United Nations prisoners of war, and for reparation. You will take no action that would tend to support basic living standards in Germany on a higher level than that existing in any one of the neighboring United Nations and you will take appropriate measures to ensure that basic living standards of the German people are not higher than those existing in any one of the neighboring United Nations when such measures will contribute to raising the standards of any such nation.

22. You will urge upon the Control Council that uniform ration scales be applied throughout Germany, that essential items be distributed equitably

among the zones, that net surpluses be made available for export to Allied countries, and that imports be limited to the net deficits of Germany as a whole.

Labor, Health, and Social Insurance

23. You will permit the self-organization of employees along democratic lines, subject to such safeguards as may be necessary to prevent the perpetuation of Nazi or militarist influence under any guise or the continuation of any group hostile to the objectives and operations of the occupying forces.

24. You will permit free collective bargaining between employees and employers regarding wage, hour and working conditions and the establishment of machinery for the settlement of industrial disputes. Collective bargaining shall be subject to such wage, hour and other controls, if any, as may be instituted or revived by your direction.

25. Subject to the provisions of paragraph 48 of this directive you are authorized to direct German authorities to maintain or reestablish nondiscriminatory systems of social insurance and poor relief.

26. You are authorized to direct the German authorities to maintain or reestablish such health services and facilities as may be available to them.

Agriculture, Industry and Internal Commerce

27. You will require the Germans to use all means at their disposal to maximize agricultural output and to establish as rapidly as possible effective machinery for the collection and distribution of agricultural output.

28. You will direct the German authorities to utilize large-landed estates and public lands in a manner which will facilitate the accommodation and settlement of Germans and others or increase agricultural output.

29. You will protect from destruction by the Germans, and maintain for such disposition as is determined by this and other directives or by the Control Council, all plants, equipment, patents and other property, and all books and records of large German industrial companies and trade and research associations that have been essential to the German war effort or the German economy. You will pay particular attention to research and experimental establishments of such concerns.

30. In order to disarm Germany, the Control Council should

a. prevent the production, acquisition by importation or otherwise, and development of all arms, ammunition and implements of war, as well as all types of aircraft, and all parts, components and ingredients specially designed or produced for incorporation therein;

b. prevent the production of merchant ships, synthetic rubber and oil, aluminum and magnesium and any other products and equipment on which you will subsequently receive instructions;

c. seize and safeguard all facilities used in the production of any of the items mentioned in this paragraph and dispose of them as follows:

(1) remove all those required for reparation;

(2) destroy all those not transferred for reparation if they are especially adapted to the production of the items specified in this paragraph and are not of a type generally used in industries permitted to the Germans (cases of doubt to be resolved in favor of destruction);

(3) hold the balance for disposal in accordance with instructions which will be sent to you.

Pending agreement in the Control Council you will take these measures in your own zone. You will not postpone enforcement of the prohibitions contained in subparagraphs *a* and *b* and the instructions in subparagraph *c* without specific approval of your government through the Joint Chiefs of Staff except that, in your discretion, you may permit the production of synthetic rubber and oil, aluminum and magnesium, to the minimum extent necessary to meet the purposes stated in paragraphs 4 and 5 of the directive pending action by the Joint Chiefs of Staff upon such recommendation for postponement as you may make.

31. As an additional measure of disarmament, the Control Council should

a. prohibit initially all research activities and close all laboratories, research institutions and similar technical organizations except those considered necessary to the protection of public health;

b. abolish all those laboratories and related institutions whose work has been connected with the building of the German war machine, safeguard initially such laboratories and detain such personnel as are of interest to your technological investigations, and thereafter remove or destroy their equipment;

c. permit the resumption of scientific research in specific cases, only after careful investigation has established that the contemplated research will in no way contribute to Germany's future war potential and only under appropriate regulations which (1) define the specific types of research permitted, (2) exclude from further research activity any persons who previously held key positions in German war research, (3) provide for frequent inspection, (4) require free disclosure of the results of the research and (5) impose severe penalties, including permanent closing of the offending institution, whenever the regulations are violated.

Pending agreement in the Control Council you will adopt such measures in your own zone.

32. Pending final Allied agreements on reparation and on control or elimination of German industries that can be utilized for war production, the Control Council should

a. prohibit and prevent production of iron and steel, chemicals, nonferrous metals (excluding aluminum and magnesium), machine tools, radio and electrical equipment, automotive vehicles, heavy machinery and important parts thereof, except for the purposes stated in paragraphs 4 and 5 of this directive;

b. prohibit and prevent rehabilitation of plant and equipment in such industries except for the purposes stated in paragraphs 4 and 5 of this directive; and

c. safeguard plant and equipment in such industries for transfer on reparation account.

Pending agreement in the Control Council, you will put such measures into effect in your own zone as soon as you have had an opportunity to review and determine production necessary for the purposes stated in paragraphs 4 and 5 of this directive.

33. The Control Council should adopt a policy permitting the conversion of facilities other than those mentioned in paragraphs 30 and 32 to the production of light consumer goods, provided that such conversion does not prejudice the subsequent removal of plant and equipment on reparation account and does not require any imports beyond those necessary for the purposes specified in

paragraphs 4 and 5 of this directive. Pending agreement in the Control Council, you may permit such conversion in your zone.

34. Subject to the provisions of paragraphs 30 and 32, the Control Council should assure that all feasible measures are taken to facilitate, to the minimum extent necessary for the purposes outlined in paragraphs 4 and 5 of this directive

a. repairs to and restoration of essential transportation services and public utilities;

b. emergency repair and construction of the minimum shelter required for the civilian population;

c. production of coal and any other goods and services (excluding goods specified in paragraphs 30 and 32 unless measures to facilitate production are specifically approved by this Government through the Joint Chiefs of Staff) required for the purposes outlined in paragraphs 4 and 5 of this directive.

You will assure that such measures are taken in your own zone pending agreement in the Control Council.

35. In your capacity as zone commander and as member of the Control Council you will take steps to provide for the equitable interzonal distribution and the movement of goods and services essential to the purposes set forth in paragraphs 4 and 5 of this directive.

36. You will prohibit all cartels or other private business arrangements and cartel-like organizations, including those of a public or quasi-public character such as the *Wirtschaftsgruppen* providing for the regulation of marketing conditions, including production, prices, exclusive exchange of technical information and processes, and allocation of sales territories. Such necessary public functions as have been discharged by these organizations shall be absorbed as rapidly as possible by approved public agencies.

37. It is the policy of your government to effect a dispersion of the ownership and control of German industry. To assist in carrying out this policy you will make a survey of combines and pools, mergers, holding companies and interlocking directorates and communicate the results, together with recommendations, to your government through the Joint Chiefs of Staff. You will endeavor to obtain agreement in the Control Council to the making of this survey in the other zones of occupation and you will urge the coordination of the methods and results of this survey in the various zones.

38. With due regard to paragraph 4 a, the Control Council should adopt such policies as are clearly necessary to prevent or restrain inflation of a character or dimension which would definitely endanger accomplishment of the objectives of the occupation. The Control Council, in particular, should direct and empower German authorities to maintain or establish controls over prices and wages and to take the fiscal and financial measures necessary to this end. Pending agreement in the Control Council you will assure that such measures as you consider necessary are taken in your own zone. Prevention or restraint of inflation shall not constitute an additional ground for limiting removal, destruction or curtailment of productive facilities in fulfillment of the program for reparation, demilitarization and industrial disarmament.

Power, Transportation, and Communications

39. Both as member of the Control Council and zone commander you will take appropriate steps to ensure that

a. power, transportation and communications facilities are directed in such

a way as to carry out the objectives outlined in paragraphs 4 and 5 of this directive;

b. Germans are prohibited and prevented from producing, maintaining or operating all types of aircraft.

You will determine the degree to which centralized control and administration of power, transportation and communications is clearly necessary for the objectives stated in paragraphs 4 and 5 and urge the establishment of this degree of centralized control and administration by the Control Council.

Foreign Trade and Reparation

40. The Control Council should establish centralized control over all trade in goods and services with foreign countries. Pending agreement in the Control Council you will impose appropriate controls in your own zone.

41. Both as member of the Control Council and as zone commander you will take appropriate steps to ensure that

a. the foreign trade controls are designed to carry out the objectives stated in paragraphs 4 and 5 of this directive;

b. imports which are permitted and furnished to Germany are confined to those unavoidably necessary to the objectives stated in paragraphs 4 and 5;

c. exports to countries other than the United Nations are prohibited unless specifically authorized by the Allied governments.

42. Both as member of the Control Council and as zone commander you will adopt a policy which would forbid German firms to participate in international cartels or other restrictive contracts and arrangements and order the prompt termination of all existing German participations in such cartels, contracts and arrangements.

43. You will carry out in your zone such programs of reparation and restitution as are embodied in Allied agreements and you will seek agreement in the Control Council on any policies and measures which it may be necessary to apply throughout Germany in order to ensure the execution of such programs.

Part III. Financial

44. You will make full application in the financial field of the principles stated elsewhere in this directive and you will endeavor to have the Control Council adopt uniform financial policies necessary to carry out the purposes stated in paragraphs 4 and 5 of this directive. You will take no steps designed to maintain, strengthen or operate the German financial structure except in so far as may be necessary for the purposes specified in this directive.

45. The Control Council should regulate and control to the extent required for the purposes set forth in paragraphs 4 and 5 the issue and volume of currency and the extension of credit in Germany and in accordance with the following principles:

a. United States forces and other Allied forces will use Allied Military marks and Reichsmark currency or coins in their possession. Allied Military marks and Reichsmark currency and coin now in circulation in Germany will be legal tender without distinction and will be interchangeable at the rate of 1 Allied Military mark for 1 Reichsmark. Reichskreditkassenscheine and other German military currency will not be legal tender in Germany.

b. The Reichsbank, the Rentenbank or any other bank or agency may be permitted or required to issue bank notes and currency which will be legal

tender; without such authorization no German governmental or private bank or agency will be permitted to issue bank notes or currency.

c. The German authorities may be required to make available Reichsmark currency or credits free of cost and in amounts sufficient to meet all the expenses of the forces of occupation, including the cost of Allied Military Government and including to the extent that compensation is made therefor, the cost of such private property as may be requisitioned, seized, or otherwise acquired, by Allied authorities for reparations or restitution purposes.

Pending agreement in the Control Council you will follow these policies in your own zone.

You will receive separate instructions relative to the currency which you will use in the event that for any reason adequate supplies of Allied Military marks and Reichsmarks are not available, or if the use of such currency is found undesirable.

You will not announce or establish in your zone, until receipt of further instructions, any general rate of exchange between the Reichsmark on the one hand and the U. S. dollar and other currencies on the other. However, a rate of exchange to be used exclusively for pay of troops and military accounting purposes in your zone will be communicated separately to you.

46. Subject to any agreed policies of the Control Council, you are authorized to take the following steps and to put into effect such further financial measures as you may deem necessary to accomplish the purposes of your occupation:

a. To prohibit, or to prescribe regulations regarding transfer or other dealings in private or public securities or real estate or other property.

b. To close banks, but only for a period long enough for you to introduce satisfactory control, to remove Nazi and other undesirable personnel, and to issue instructions for the determination of accounts to be blocked under subparagraph 48 e below.

c. To close stock exchanges, insurance companies, and similar financial institutions for such periods as you deem appropriate.

d. To establish a general or limited moratorium or moratoria only to the extent clearly necessary to carry out the objectives stated in paragraphs 4 and 5 of this directive.

47. Resumption of partial or complete service on the internal public debt at the earliest feasible date is deemed desirable. The Control Council should decide the time and manner of such resumption.

48. Subject to any agreed policies of the Control Council,

a. You will prohibit:

(1) the payment of all military pensions, or emoluments or benefits, except compensation for physical disability limiting the recipient's ability to work, at rates which are no higher than the lowest of those for comparable physical disability arising from non-military causes.

(2) the payment of all public or private pensions or other emoluments or benefits granted or conferred:

(a) By reason of membership in or services to the former Nazi Party, its formations, affiliated associations or supervised organizations,

(b) to any person who has been removed from an office or position in accordance with paragraph 6, and

(c) to any person arrested and detained in accordance with paragraph 8 during the term of his arrest, or permanently, in case of his subsequent conviction.

b. You will take such action as may be necessary to ensure that all laws and practices relating to taxation or other fields of finance, which discriminate for or against any persons because of race, nationality, creed or political opinion, will be amended, suspended, or abrogated to the extent necessary to eliminate such discrimination.

c. You will hold the German authorities responsible for taking such measures in the field of taxation and other fields of public finance, including restoration of the tax system and maintenance of tax revenues, as will further the accomplishment of the objectives stated in paragraphs 4 and 5.

d. You will exercise general supervision over German public expenditures in order to ensure that they are consistent with the objectives stated in paragraphs 4 and 5.

e. You will impound or block all gold, silver, currencies, securities, accounts in financial institutions, credits, valuable papers, and all other assets falling within the following categories:

(1) Property owned or controlled directly or indirectly, in whole or in part, by any of the following:

(a) The German Reich, or any of the L nder, Gaue or provinces, any Kreis, Municipality or other similar local subdivision; or any agency or instrumentality of any of them including all utilities, undertakings, public corporations or monopolies under the control of any of the above;

(b) Governments, nationals or residents of other nations, including those of territories occupied by them, at war with any of the United Nations at any time since 1 September 1939;

(c) The Nazi Party, its formation, affiliated associations and supervised organizations, its officials, leading members and supporters;

(d) All organizations, clubs or other associations prohibited or dissolved by military government;

(e) Absentee owners, of non-German nationality including United Nations and neutral governments and Germans outside of Germany;

(f) Any institution dedicated to public worship, charity, education or the arts and sciences which has been used by the Nazi Party to further its interests or to cloak its activities;

(g) Persons subject to arrest under provisions of paragraph 8, and all other persons specified by military government by inclusion in lists or otherwise.

(2) Property which has been the subject of transfer under duress or wrongful acts of confiscation, disposition or spoliation, whether pursuant to legislation or by procedure purporting to follow forms of law or otherwise.

(3) Works of art or cultural material of value or importance, regardless of the ownership thereof.

You will take such action as will ensure that any impounded or blocked assets will be dealt with only as permitted under licenses or other instructions which you may issue. In the case particularly of property blocked under (1) (a) above, you will proceed to adopt licensing measures which while maintaining such property under surveillance would permit its use in consonance with this directive. In the case of property blocked under (2)

above, you will institute measures for prompt restitution, in conformity with the objectives stated in paragraphs 4 and 5 and subject to appropriate safeguards to prevent the cloaking of Nazi and militaristic influence.

49. All foreign exchange transactions, including those arising out of exports and imports, shall be controlled with the aim of preventing Germany from developing a war potential and of achieving the other objectives set forth in this directive. To effectuate these purposes the Control Council should

a. Seek out and reduce to the possession and control of a special agency all German (public and private) foreign exchange and external assets of every kind and description located within or outside Germany.

b. Prohibit, except as authorized by regulation or license, all dealings in gold, silver, foreign exchange, and all foreign exchange transactions of any kind. Make available any foreign exchange proceeds of exports for payment of imports directly necessary to the accomplishment of the objectives stated in paragraphs 4 and 5 of this directive, and authorize no other outlay of foreign exchange assets except for purposes approved by the Control Council or other appropriate authority.

c. Establish effective controls with respect to all foreign exchange transactions, including:

(1) Transactions as to property between persons inside Germany and persons outside Germany;

(2) Transactions involving obligations owed by or to become due from any person in Germany to any person outside Germany; and

(3) Transactions involving the importation into or exportation from Germany of any foreign exchange asset or other form of property.

Pending agreement in the Control Council, you will take in your zone the action indicated in subparagraphs a, b and c above. Accordingly, you will in your zone reduce to the possession and control of a special agency established by you, within your Command, all German foreign exchange and external assets as provided in subparagraph a. You will endeavor to have similar agencies for the same purposes established in the other zones of occupation and to have them merged as soon as practicable in one agency for the entire occupied territory. In addition you will provide full reports to your government with respect to all German foreign exchange and external assets.

50. No extension of credit to Germany or Germans by any foreign person or Government shall be permitted except that the Control Council may in special emergencies grant permission for such extensions of credit.

51. It is not anticipated that you will make credits available to the Reichsbank or any other bank or to any public or private institution. If, in your opinion, such action becomes essential, you may take such emergency actions as you may deem proper, but in any event, you will report the facts to the Control Council.

52. You will maintain such accounts and records as may be necessary to reflect the financial operations of the military government in your zone and you will provide the Control Council with such information as it may require, including information in connection with the use of currency by your forces, any governmental settlements, occupation costs, and other expenditures arising out of operations or activities involving participation of your forces.

MILITARY GOVERNMENT — GERMANY
UNITED STATES ZONE

B.

GENERAL ORDER No. 2

*(Pursuant to Military Government Law No. 52 — Blocking
and Control of Property)*

I. G. FARBENINDUSTRIE A. G.

WHEREAS, it is the main objective of the United Nations to prevent Germany from ever again disrupting the peace of the world;

WHEREAS, I. G. FARBENINDUSTRIE A. G. played a prominent part in building up and maintaining the German war machine;

WHEREAS, through its world-wide cartel system and practices, I. G. FARBENINDUSTRIE A. G., as a deliberate part of Germany's bid for world conquest, hampered the growth of industry and commerce of other nations and weakened their power to defend themselves;

WHEREAS, the war-making power represented by the industries owned or controlled by I. G. FARBENINDUSTRIE A. G. constitutes a major threat to the peace and security of the post-war world so long as such industries remain within the control of Germany;

WHEREAS, it is essential to the objectives of the United Nations to take over the direction and control of I. G. FARBENINDUSTRIE A. G. and to seize possession of its property in order to bring about its destruction and the war-making potential which it represents; and

WHEREAS, it is intended that the property seized will be placed at the disposition of the Control Council (Germany), when such action is desired by the Control Council;

IT IS HEREBY ORDERED:

1. All the property within the United States Zone in Germany owned or controlled, directly or indirectly, by I. G. FARBENINDUSTRIE A. G., a corporation organized and existing under and by virtue of the laws of Germany with seat and head office at Frankfurt a/Main, is hereby specified under paragraph 1 (g) of Military Government Law No. 52 to be subject to seizure of possession, direction, and control by Military Government.

2. The direction and control of I. G. FARBENINDUSTRIE A. G. and the possession of all its property in the United States Zone are hereby seized by the Military Governor, United States Zone.

3. Pending the assumption of control of such property by the Control Council, or an agency thereof, all the powers of the Military Governor, United States Zone, with respect to the property seized pursuant hereto and with respect to the direction and control of the corporation are hereby delegated to the Deputy Military Governor, United States Zone. Redelelegation of any or all such powers is hereby authorized. In the exercise of such powers, the Deputy Military Governor, United States Zone, or any person acting by or under his authority with respect to the property affected hereby shall not be subject to German law.

4. In the exercise of such powers the Deputy Military Governor, or any person acting by or under his authority with respect to such property, shall

be guided by the general objectives stated in the preamble hereof and by the following specific objectives, and will take such measures as he deems appropriate to accomplish them:

a. The making available to devastated non-enemy countries of Europe and to the United Nations, in accordance with such programs of relief, restitution and reparations as may be decided upon, of any of the property seized under this order and, in particular, of laboratories, plants and equipment which produce chemicals, synthetic petroleum and rubber, magnesium and aluminum, other non-ferrous metals, iron and steel, machine tools and heavy machinery.

b. Destruction of all property seized under this order and not transferred under the provisions of paragraph a above if adapted to the production of arms, ammunition, poison gas, explosives and other implements of war, or any parts, components or ingredients designed for incorporation in the foregoing, and not of a type generally used in industries permitted to operate within Germany;

c. Dispersion of the ownership and control of such of the plants and equipment seized under this order as have not been transferred or destroyed pursuant to paragraphs a and b above.

5. a. The entire management of I. G. FARBENINDUSTRIE A. G., including but not limited to the supervising board (Aufsichtsrat), the board of directors (Vorstand), and directors (Direktorium) and all other persons, whether office-holders or not, who are empowered, either alone or with others, to bind or sign for on behalf of I. G. FARBENINDUSTRIE A. G. are forthwith removed and discharged and deprived of all authority to act with respect to the corporation or its property.

b. The rights of shareholders in respect of selection of management or control of I. G. FARBENINDUSTRIE A. G. are suspended.

6. Article IV of Military Government Law No. 5 shall not be applicable to any property or enterprise affected by this General Order.

7. This General Order shall become effective on 5 July, 1945.

BY ORDER OF MILITARY GOVERNMENT

C.

Potsdam Agreement

Joint Report on Results of the Anglo-Soviet-American Conference (Berlin 1945)

Released August 2, 1945

Excerpts

* * * * *

III. Germany

The Allied armies are in occupation of the whole of Germany and the German people have begun to atone for the terrible crimes committed under the leadership of those whom in the hour of their success, they openly approved and blindly obeyed.

Agreement has been reached at this conference on the political and economic principles of a coordinated Allied policy toward defeated Germany during the period of Allied control.

The purpose of this agreement is to carry out the Crimea Declaration on Germany. German militarism and Nazism will be extirpated and the Allies will take in agreement together, now and in the future, the other measures necessary to assure that Germany never again will threaten her neighbors or the peace of the world.

It is not the intention of the Allies to destroy or enslave the German people. It is the intention of the Allies that the German people be given the opportunity to prepare for the eventual reconstruction of their life on a democratic and peaceful basis. If their own efforts are steadily directed to this end, it will be possible for them in due course to take their place among the free and peaceful peoples of the world.

The text of the agreement is as follows:

*The Political and Economic Principles To Govern the Treatment of
Germany in the Initial Control Period*

A. Political Principles.

1. In accordance with the agreement on control machinery in Germany, supreme authority in Germany is exercised, on instructions from their respective governments, by the Commanders-in-Chief of the armed forces of the United States of America, the United Kingdom, the Union of Soviet Socialist Republics, and the French Republic, each in his own zone of occupation, and also jointly in matters affecting Germany as a whole, in their capacity as members of the Control Council.

2. So far as is practicable, there shall be uniformity of treatment of the German population throughout Germany.

3. The purposes of the occupation of Germany by which the Control Council shall be guided are:

(i) The complete disarmament and demilitarization of Germany and the elimination or control of all German industry that could be used for military production. To these ends:

(a) All German land, naval and air forces, the S. S., S. A., S. D., and Gestapo, with all their organizations, staffs and institutions, including the General Staff, the Officers' Corps, Reserve Corps, military schools, war veterans' organizations and all other military and quasi-military organizations, together with all clubs and associations which serve to keep alive the military tradition in Germany, shall be completely and finally abolished in such manner as permanently to prevent the revival or reorganization of German militarism and Nazism.

(b) All arms, ammunition and implements of war and all specialized facilities for their production shall be held at the disposal of the Allies or destroyed. The maintenance and production of all aircraft and all arms, ammunition and implements of war shall be prevented.

(ii) To convince the German people that they have suffered a total military defeat and that they cannot escape responsibility for what they have brought upon themselves, since their own ruthless warfare and the fanatical Nazi resistance have destroyed German economy and made chaos and suffering inevitable.

(iii) To destroy the National Socialist Party and its affiliated and supervised organizations, to dissolve all Nazi institutions, to ensure that they are not revived in any form, and to prevent all Nazi and militarist activity or propaganda.

(iv) To prepare for the eventual reconstruction of German political life on a democratic basis and for eventual peaceful cooperation in international life by Germany.

4. All Nazi laws which provided the basis of the Hitler regime or established discrimination on grounds of race, creed, or political opinion shall be abolished. No such discriminations, whether legal, administrative or otherwise shall be tolerated.

5. War criminals and those who have participated in planning or carrying out Nazi enterprises involving or resulting in atrocities or war crimes shall be arrested and brought to judgment. Nazi leaders, influential Nazi supporters and high officials of Nazi organizations and institutions and any other persons dangerous to the occupation or its objectives shall be arrested and interned.

6. All members of the Nazi Party who have been more than nominal participants in its activities and all other persons hostile to Allied purposes shall be removed from public and semi-public office, and from positions of responsibility in important private undertakings. Such persons shall be replaced by persons who, by their political and moral qualities, are deemed capable of assisting in developing genuine democratic institutions in Germany.

7. German education shall be so controlled as completely to eliminate Nazi and militarist doctrines and to make possible the successful development of democratic ideas.

8. The judicial system will be reorganized in accordance with the principles of democracy, of justice under law, and of equal rights for all citizens without distinction of race, nationality or religion.

9. The administration of affairs in Germany should be directed towards the decentralization of the political structure and the development of local responsibility. To this end:

(i) Local self-government shall be restored throughout Germany on democratic principles and in particular through elective councils as rapidly as is consistent with military security and the purposes of military occupation;

(ii) All democratic political parties with rights of assembly and of public discussion shall be allowed and encouraged throughout Germany;

(iii) Representative and elective principles shall be introduced into regional, provincial and state (land) administration as rapidly as may be justified by the successful application of these principles in local self-government;

(iv) For the time being no central German government shall be established. Notwithstanding this, however, certain essential central German administrative departments, headed by state secretaries, shall be established, particularly in the fields of finance, transport, communications, foreign trade and industry. Such departments will act under the direction of the Control Council.

10. Subject to the necessity for maintaining military security, freedom of speech, press and religion shall be permitted, and religious institutions shall be respected. Subject likewise to the maintenance of military security, the formation of free trade unions shall be permitted.

B. Economic Principles.

11. In order to eliminate Germany's war potential, the production of arms, ammunition and implements of war as well as all types of aircraft and

sea-going ships shall be prohibited and prevented. Production of metals, chemicals, machinery and other items that are directly necessary to a war economy shall be rigidly controlled and restricted to Germany's approved post-war peacetime needs to meet the objectives stated in paragraph 15. Productive capacity not needed for permitted production shall be removed in accordance with the reparations plan recommended by the Allied Commission on reparations and approved by the governments concerned or if not removed shall be destroyed.

12. At the earliest practicable date, the German economy shall be decentralized for the purpose of eliminating the present excessive concentration of economic power as exemplified in particular by cartels, syndicates, trusts and other monopolistic arrangements.

13. In organizing the German economy, primary emphasis shall be given to the development of agriculture and peaceful domestic industries.

14. During the period of occupation Germany shall be treated as a single economic unit. To this end common policies shall be established in regard to:

- (a) Mining and industrial production and allocations;
- (b) Agriculture, forestry and fishing;
- (c) Wages, prices and rationing;
- (d) Import and export programs for Germany as a whole;
- (e) Currency and banking, central taxation and customs;
- (f) Reparation and removal of industrial war potential;
- (g) Transportation and communications.

In applying these policies account shall be taken, where appropriate, of varying local conditions.

15. Allied controls shall be imposed upon the German economy but only to the extent necessary:

(a) To carry out programs of industrial disarmament and demilitarization, of reparations, and of approved exports and imports.

(b) To assure the production and maintenance of goods and services required to meet the needs of the occupying forces and displaced persons in Germany and essential to maintain in Germany average living standards not exceeding the average of the standards of living of European countries. (European countries means all European countries excluding the United Kingdom and the Union of Soviet Socialist Republics.)

(c) To ensure in the manner determined by the Control Council the equitable distribution of essential commodities between the several zones so as to produce a balanced economy throughout Germany and reduce the need for imports.

(d) To control German industry and all economic and financial international transactions, including exports and imports, with the aim of preventing Germany from developing a war potential and of achieving the other objectives named herein.

(e) To control all German public or private scientific bodies, research and experimental institutions, laboratories, et cetera, connected with economic activities.

16. In the imposition and maintenance of economic controls established by the Control Council, German administrative machinery shall be created and the German authorities shall be required to the fullest extent practicable to proclaim and assume administration of such controls. Thus it should be

brought home to the German people that the responsibility for the administration of such controls and any break-down in these controls will rest with themselves. Any German controls which may run counter to the objectives of occupation will be prohibited.

17. Measures shall be promptly taken:

- (a) To effect essential repair of transport;
- (b) To enlarge coal production;
- (c) To maximize agricultural output; and
- (d) To effect emergency repair of housing and essential utilities.

18. Appropriate steps shall be taken by the Control Council to exercise control and the power of disposition over German-owned external assets not already under the control of United Nations which have taken part in the war against Germany.

19. Payment of reparations should leave enough reserves to enable the German people to subsist without external assistance. In working out the economic balance of Germany the necessary means must be provided to pay for imports approved by the Control Council in Germany. The proceeds of exports from current production and stocks shall be available in the first place for payment for such imports.

The above clause will not apply to the equipment and products referred to in paragraphs 4 (A) and 4 (B) of the Reparations Agreement.

IV. Reparations from Germany

In accordance with the Crimea decision that Germany be compelled to compensate to the greatest possible extent for the loss and suffering that she has caused to the United Nations and for which the German people cannot escape responsibility, the following agreement on reparations was reached:

1. Reparation claims of the U.S.S.R. shall be met by removals from the zone of Germany occupied by the U.S.S.R. and from appropriate German external assets.

2. The U.S.S.R. undertakes to settle the reparation claims of Poland from its own share of reparations.

3. The reparation claims of the United States, the United Kingdom and other countries entitled to reparations shall be met from the western zones and from appropriate German external assets.

4. In addition to the reparations to be taken by the U.S.S.R. from its own zone of occupation, the U.S.S.R. shall receive additionally from the western zones:

(A) 15 per cent of such usable and complete industrial capital equipment, in the first place from the metallurgical, chemical and machine manufacturing industries, as is unnecessary for the German peace economy and should be removed from the western zones of Germany, in exchange for an equivalent value of food, coal, potash, zinc, timber, clay products, petroleum products, and such other commodities as may be agreed upon.

(B) 10 per cent of such industrial capital equipment as is unnecessary for the German peace economy and should be removed from the western zones, to be transferred to the Soviet Government on reparations account without payment or exchange of any kind in return.

Removals of equipment as provided in (A) and (B) above shall be made simultaneously.

5. The amount of equipment to be removed from the western zones on

account of reparations must be determined within six months from now at the latest.

6. Removals of industrial capital equipment shall begin as soon as possible and shall be completed within two years from the determination specified in paragraph 5. The delivery of products covered by 4 (A) above shall begin as soon as possible and shall be made by the U.S.S.R. in agreed installments within five years of the date hereof. The determination of the amount and character of the industrial capital equipment unnecessary for the German peace economy and therefore available for reparations shall be made by the Control Council under policies fixed by the Allied Commission on Reparations, with the participation of France, subject to the final approval of the zone commander in the zone from which the equipment is to be removed.

7. Prior to the fixing of the total amount of equipment subject to removal, advance deliveries shall be made in respect of such equipment as will be determined to be eligible for delivery in accordance with the procedure set forth in the last sentence of paragraph 6.

8. The Soviet Government renounces all claims in respect of reparations to shares of German enterprises which are located in the western zones of occupation in Germany as well as to German foreign assets in all countries except those specified in paragraph 9 below.

9. The Governments of the United Kingdom and the United States of America renounce their claims in respect of reparations to shares of German enterprises which are located in the eastern zone of occupation in Germany, as well as to German foreign assets in Bulgaria, Finland, Hungary, Rumania and Eastern Austria.

10. The Soviet Government makes no claims to gold captured by the Allied troops in Germany.

APPENDIX 3

SELECTED EXHIBITS FROM KILGORE COMMITTEE REPORT ON IG FARBEN

The documents and statements in this appendix are part of the great accumulation of evidence presented in February, 1946, to Senator Harley Kilgore's sub-committee of the U. S. Senate Military Affairs Committee. The evidence had been gathered by the team of investigators under Colonel Bernard Bernstein who broke through the veil of secrecy surrounding IG Farben in Germany.

EXHIBIT No. 1 (Chapter II of Kilgore Committee Report)
"Tarnung" (*camouflage*) of German Agencies Abroad
(Translated by Dr. Küpper)

In the time after the first war we more and more came to the decision to "tarn" our foreign selling companies, i. e., to establish such companies as firms of the law of the country concerned and to distribute the shares of these firms in such a way that the participation of IG in these firms was not shown. In the course of time the system became more and more perfect and was modified according to the conditions prevailing for the time being so that even a thorough investigation could not find any material that there was an indirect connection with IG. This system of "Tarnung" applied practically only to our selling companies, plants mixing dyestuffs, and some pharmaceutical factories. For the rest of the factories, all of which were companies established under the law of the country concerned, the necessity of "Tarnung" generally was not given. Neither the angle of the tax situation nor the other reasons hereinafter given prevailed for them. A special case was only Spain where the legislation for the protection of industry forced us not openly to show at least a part of our participation.

The "Tarnung" in the past has not only been of great advantage in the commercial and tax situation which figured in many millions, but also in

the consequence of this war the system "Tarnung" gave us the chance in a large scale to secure our organization, the investments, and the advance on our outstanding claims.

In case of gaining this war, the mighty situation of the Reich will make it necessary to reexamine the system of "Tarnung." Politically seen, it will often be wished that the German character of our foreign selling companies is openly shown. In this respect already before this war strong wishes of the A. O. became loud, which naturally after a war gained will become a clear demand. Already now, for instance, Gauleiter Hess of the A. O. has asked only to acquire the shares held by neutral shareholders in the Chemdyes, Ltd. We hereto gave detailed also written report with the result that such demand was taken back. The A. O. in a letter to the Reichsgruppe Industrie also suggested that further plans of "Tarnung" are not liked and therefore refused.

It is therefore necessary carefully to examine the system of "Tarnung" in every respect. As fundamental principle may be stated that for justifiable political purposes the German character of our foreign agencies should not be shown everywhere where strong objections on the base of financial reasons of national importance cannot be made and where an "Enttarnung" (finishing of the "Tarnung") would practically not endanger the export to the countries in question.

I. Reasons of the "Tarnung"

(1) On the head tax reasons. The foundation of branch offices or subsidiaries would have meant an establishment of IG. The taxes to be paid for such establishments much higher than those of independent companies.

(2) The danger of war forced us to secure our organization and assets by "Tarnung." This system enabled us to maintain our selling organization, to secure our investments, and an advance on our outstanding claims.

(3) In the first years after the first war, the weakness of the Reich made it advisable to give our selling organization the national character of the country concerned.

(4) Commercial reasons also. "Tarnung" as protection against boycott. The customers preferred to buy from national firms.

(5) A branch office or a subsidiary forced to show the details of IG's balance and profit and loss account.

(6) A branch office or subsidiary being under aggravated control under the foreign currency regulations of the country concerned.

(7) The U. S. A. Antidumping Act of 1921. Price invoiced to U. S. A. to be compared with (a) foreign market value or (b) price invoiced to countries other than U. S. A., or (c) the cost of production.

For IG important that prices invoiced to U. S. A. only be compared with the prices invoiced to countries other than U. S. A. Hereto the Act of 1921 says that only prices to free and independent customers can be compared. Therefore the foundation of free and independent importers in Canada and Australia.

Law for protection of industry in Spain. Big advantages in respect of taxes and duties to national industries only, i. e., to such in which there is no foreign participation higher than 25%. Therefore, the half of our 50% participation in the Fence given to Unicolor which, latter, of course, was "Tarned."

II. Reasons of "Tarnung" in the Future

For the future the following reasons will no longer prevail:

(1) The securing against war losses, as there will be a long time of peace.

(2) The position of the Reich strong enough to protect any German interest.

(3) Commercial reasons (boycott, etc.) not decisive.

(4) Advantage of firms of national character in dealing with the authorities of the country concerned not so important as the political reasons which will make the "Enttarnung" (finishing of "Tarnung") advisable.

For the rest the situation in every country has to be carefully examined.

(1) The U. S. A. Antidumping Act will remain. Therefore, continuing of the "Tarnung" in Australia and Canada, just to have two free and independent importers in these countries.

(2) The law of protection of industry in Spain will remain. Therefore, continuing of the "Tarnung" in Spain.

(3) For the decision, if we may run the risk to found an establishment (i. e., branch or subsidiary of IG) will be important to what extent the taxes will be higher—

(a) In relation to the countries in which our proposal as to tax regulations in the peace treaties will become practical there is no need of "Tarnung." It will no more be necessary to show to details of IG's balance. And the percentage of IG's turn-over on the base of which the taxable profit of IG in such countries will be calculated will be a reasonable one. If this percentage will be 5%, already then, the taxes of IG to be paid in such countries will be higher. But such a percentage of 5% must be considered as reasonable.

(b) For other countries individual examination. In those countries in which IG has already to pay taxes on the reason of having an establishment the "Tarnung" may be finished. Such countries are: Great Britain, Ireland, Roumania, Italy, Norway, Bulgaria, Hungary.

For a number of other countries we made a calculation of the amount in which IG should have to pay higher taxes, if IG would have an establishment in such countries. (As tax rate 30% of the profit, as profit 5% of the turn-over only.)

	<i>Reichsmarks</i>		<i>Reichsmarks</i>
Yugoslavia	75,000	Holland	108,000
Greece	12,000	France	79,000
Switzerland	45,000	Spain	45,000
Denmark	53,000		
Sweden	77,000	In all	576,000
Belgium	72,000		

Therefore considerable higher taxes. In the other hand it may be taken that our proposals as to the tax regulations in peace treaties will become practical in relation to France, Holland and Belgium.

For British India special situation. Here foreign companies have to pay 45% super tax instead of 6.25% for British companies. In addition the estimate of our taxable profit would be very high. Therefore, higher taxes in British India. 1.2 million Reichsmark a year. In addition, in British India all details of IG's balance would have to be given. Therefore, "Tar-

nung" in British India would be continued if there can't be made the following international agreements with British India:

(1) According to IG's proposals as to tax regulations in peace treaties, super tax would be the same as for Indian companies.

(2) No higher percentage than 5% of the turn-over as taxable profit.

(3) No details of IG's balance to be given.

Such agreement will depend on which way British India will take.

As result:

"Enttarnung" (finishing of the "Tarnung") in Great Britain, Ireland, Italy, Hungaria, Roumania, Bulgaria, and Norway. The same in relation to countries to which our proposal as to the tax regulations in the peace treaties will apply and in relation to countries under political influence of the Reich.

In British India, Canada, and Australia continuing of the "Tarnung."

III. In What Form Will the "Enttarnung" Take Place

To be carefully done, especially in respect of persons who acted as our shareholders. Tax claims for the past to be avoided. Consequences in countries in which the "Tarnung" will be continued. "Enttarnung" only in such a way that the shares are officially bought from the persons acting as our trustee at a fair countervalue. (Of course, the consequences in taxpaying for the trustees themselves have to be regarded.) Finally it has to be examined how to found the new establishments. No branches of IG. Better if customers buy from a firm with a national name of the country concerned than from IG, the big type of German Economy. Also in relation to foreign authorities better not to have a branch. It must be taken in consideration also that our agencies sell non-IG products as well. A branch would immediately lead to taxation of IG whereas a subsidiary such consequences would arise after some time only. Therefore, no branch, but subsidiary of IG.

EXHIBIT No. 11 Chapter IV of Kilgore Committee Report

Statement by Max Hgner, Dated June 18, 1945 on Assistance Given Wehrmacht, S. D., Government, and Party by Farben Abroad
Structure of the Report

A. General remarks:

I. Organization and functions of IG Berlin N. W. 7.

II. Administration of the sales organizations of IG abroad.

B. O. K. W. (Wehrmacht):

I. Wehrwirtschaftsstab (General Thomas):

(1) Economic ept. of IG (Volkswirtschaftliche Abteilung).

(2) "Vermittlungsstelle W" (Wehrwirtschaft) of IG.

II. Abwehr-Abteilung (Admiral Canaris):

(1) "Abwehr Organisation" of IG.

(2) Office of the commercial committee of board of directors (Büro des Kaufmännischen Ausschusses).

(3) Economic Dept. of IG.

(4) Other contacts.

C. S. D. (Sicherheitsdienst):

(1) "Abwehr Organisation" of IG.

(2) Reports of trips abroad and reports from abroad.

- (3) Bayer organization.
- (4) General contact asked in summer 1944.
- (5) Other contacts.

D. Assistance asked by other organizations of government and party:

I. Governmental organizations:

- (1) Foreign office:
 - (a) Economic Dept. of Foreign Office.
 - (b) Staatssekretär Keppler.
- (2) Ministry of propaganda:
 - (a) Expert committee on foreign matters ("F.-Kreis").
 - (b) "Vereinigung zwischenstaatlicher Verbände" (incl. foreign office too).
 - (c) "Werberat der Deutschen Wirtschaft."
- (3) Ministry of economics and ministry of armament:
 - (a) Foreign department (Länder-Abteilung) of R. W. M.
 - (b) Working committee for foreign trade-questions of the federations of industry and commerce (Arbeitskreis für Aussenwirtschaftsfragen der Reichsgruppen Industrie und Handel).
 - (c) Imports of Molybdän and Wolfram and leather.
 - (d) Imports of oil from Rumänien and raffination in Pressburg.
 - (e) Petsamo-Nickel.
- (4) Other ministries or governmental institutions:
 - (a) Ministry of aviation: Norway light metal.
 - (b) Reichskommissar Norway: chemical industry.
 - (c) Militärbefehlshaber Frankreich: chemical industry.
 - (d) Militärbefehlshaber Italien: chemical industry.

II. Auslandsorganisation der N. S. D. A. P. (A. O.):

- (1) IG contacts with A. O. in Germany.
- (2) IG organizations abroad.
 - (a) Members of the A. O.
 - (b) Presidents of German clubs, etc.
 - (c) Presidents of Chamber of Commerce, etc.
 - (d) Other contacts.

A. General Remarks

I. Organization and Functions of IG Berlin N. W. 7

About this precise matter I have made a report, dated June 7th, which I rendered to Mr. Weiss. To show, what I can contribute to this matter as well for myself, as for my organization, I may state the following: IG Berlin N. W. 7, resp. their departments (9 chief departments and 35 subdepartments) exercised help functions for the sales organizations and partly also for the factories; no decisions on sales as well as on fabrication were made by IG Berlin N. W. 7. The 9 chief departments were headed by dept. directors or procurists or persons in the same rank (like Krüger—up to the middle of 44—Fable, Terhaar, Reithinger, M. Passarge, and others). I, myself, had a largely extended knowledge of IG but—as too much—not going myself to details (except those matters I handled personally (see report of 7-6-45), also because since 1928 normally half of the year being outside of Germany or—once—being a long time ill (1939-40)).

II. Administration of the Sales Organizations of IG Abroad

About this matter I have reported in my report of 26-5-45. I will only repeat the most important facts, as far as this report is concerned. The administration of the sales organization abroad belonged to the field of activity resp. responsibility of the chiefs of the "Verkaufsgemeinschaften" (sales organizations of IG), the sales directors, and the counsels of the sales organization. The names are the following:

Dyes: v. Schnitzler, Kugler, Köhler, Overhoff, v. Brüning, and others—Küpper.

Chemicals: v. Schnitzler, Haefliger, Borgwardt, v. Heider, and others—Stein.

Pharmaceut.: Mann, Märten, Grobel, Zahn, and others—Brüggemann.

Agfa: Otto, van Beck, Uhl, and others—Deissmann.

Nitrogen:¹ Oster, Hanser, Krüger (since middle of 44)—Nitrogen-Synd.

Oil:² Bütefisch, Fischer (until he entered the Min. of Economics)—

B. O.K.W. (Wehrmacht)

1. Wehrwirtschaftsstab (General Thomas)

This contact is an old one and goes back to the "Heereswaffenamt," which existed before the "Wehrwirtschaftsstab." In the year 1930 (?) Geheimrat Lederer introduced me to the chief of the Heereswaffenamt, General v. Bockelberg, Thomas then being a captain. The introduction of Leunagasolin in the German market in the years 1930-32 was strongly supported by this organization. After Bockelberg left, General Liese came whose aide-de-camp Thomas was then, and afterwards the Wehrwirtschaftsstab under Thomas was formed. When I became Wehrwirtschaftsführer in 1938, Thomas asked me the specific support of the Economic Dept. of IG, but it was only done in 1939 (when I was absent on account of a serious heart trouble) by my substitute Dr. Krüger. Krüger made in 1939 his reserve-officer practice in the organization of Thomas (as well as Dr. v. d. Heyde, the Abwehrbeauftragte for my organization; but it is possible that the practice of v. d. Heyde was only during the war). Krüger established the contact between the Wehrwirtschaftsstab and Dr. Reithinger, resp. the economic dept. of IG; v. d. Heyde was also introduced by Krüger, resp. automatically concerned in this contact.

(1) Economic Dept. of IG (Volkswirtschaftliche Abteilung) (Dr. Reithinger)

All reports and interesting information had to be given to the Wehrwirtschaftsstab; these reports—how the selection was made in detail, I don't know—based on all foreign reports, which IG Berlin N. W. 7. received in the current course of business, incl. the reports of the IG Verbindungsmänner, other statistical Dept., Chemnyco (see my report Versailles, 10.5.45: "Die Rieseberichte von Dr. M. Hgner, die Volkswirtschaftl. Abteilung und die Pressestelle der IG") and also on the material of my own reports on foreign trips. In addition to this I had given to Reithinger freedom of disposition—also to a certain extent financially—to secure himself foreign collaborators outside IG as the "Institut für Weltwirtschaft" in Kiel (Prof.

¹Mostly used the dyes and chemicals sales organizations of IG.

²No export from Germany, but purchases in Rumania and sales in C. S. R. Schiler.

Predöhl), and the "Institut für Konjunkturforschung" (Prof. Wagemann) in order to save time as well as to get more material; especially during the war, when the organization of the economic dept. became always smaller by men going to army, this was a certain help. By giving Reithinger and his associates in their work free hand in every respect, the high standard of the independent work was reached; This naturally had on the other side the consequence that all authorities were very keen to get the reports and the cooperation of the economic dept. In the beginning of the war there were four ministries resp. governmental organizations, they wanted to take over the economic dept. as a whole, but as there was only one economic dept. of IG, it had to stay with IG. The four were: Economic dept. of the Foreign Office, Ministry of Economics (foreign dept.), Ministry of Agriculture, and "Wehrwirtschaftsstab." During the war all kind of statistics, economic information, etc. came in by help of Bayer organization in Portugal and partly by the Pressestelle of IG-Reithinger, from time to time, sent me a list of those reports he resp. the economic dept. had made—during the war—on demand of the Wehrwirtschaftsstab.

- (2) "Vermittlungsstelle W" (Wehrwirtschaft), Berlin S. W. Kochstr. (Dr. Dieckmann, Dr. Gorr)

The following directors of IG were responsible for this department: Sparte I (nitrogen, gasolin) Schneider, Bütefisch, Sparte II (dyes, chemicals, buna, pharmaceuticals) ter Meer, Hörlein, Ambros, Wurster, Sparte III (Agfa-film, photo, fibres, artificial silk) Gajewski, Kleine.

This organization originally was formed to avoid that important technical know-how and patents from the point of view of armament were given to foreign countries ("Industrierverschleppung").

What precise contact this organization had later on to the Wehrwirtschaftsstab resp. Ministry of Armament, especially during the war, I do not know.

II. Abwehr-Abteilung (Admiral Canaris)

I made the acquaintance of Major Bloch (then he was a captain) by the general secretary of the Mitteleuropäischen Wirtschaftstag Dr. Hahn, who was a friend of Bloch (in 1931 or 32 ?). I saw Bloch in the following years occasionally especially at the general meetings of the Mitteleuropäische Wirtschaftstag (president Baron v. Wilmowsky, myself becoming a vice president in 1938); after Hahn died in 1939, Dr. Dietrich became general secretary, but I don't know in which specific contact he was with Bloch. Baron v. Wilmowsky, I know, stood in a friendly relation to Col. Piekenbrock, whom myself met only once on occasion of a dinner party arranged by Dr. Krüger and Dr. Fahle, short before Piekenbrock and Bloch—both being at present, also a third officer (name forgotten)—left the "Abwehr-Abteilung" and took over military commands in the army (1943 or 44 ?). The other men (except one (see 4.) but name forgotten (page 6) especially Canaris, I never met.

(1) "Abwehr-Organisation" of IG

Originally, before 1933, there was an "Abwehr-Organisation" in Leverkusen but after 1933 the party did not consider this sufficient and in the IG as well in the whole of business life in Germany a new "Abwehr-Organisation" was introduced.

In every factory as well as in every other organization—also in mine—

Abwehrbeauftragte were nominated in resp. appointed by the party resp. S. D. This was in my own organization v. d. Heyde, Rüdiger later on taking his place when v. d. Heyde went to the army. As IG was so great and there were so many "Abwehrbeauftragte" of IG, the Abwehr-Abteilung of the O. K. W. (and S. D.?) wanted a so-called "Hauptabwehrbeauftragte" who should be on the top of all "Abwehrbeauftragte." At this time, Fable told me that the men of the dept. Canaris would like to see him as Hauptabwehrbeauftragter and I communicated this to v. Knieriem, as I knew that this matter would be discussed in the executive committee of the board of IG, v. Knieriem being a member of the executive committee. But the executive committee, after the whole matter was delayed by Schmitz for months to the vexation of the O. K. W., did not accept this proposition, deciding it should be a member of the highest institution of IG (as it was a very delicate mission), that means of the executive committee of IG and Dr. Schneider, Leuna, was proposed to the Abwehr by Schmitz and later on accepted (I do not know whether also by S. D. but presumably). Schneider organized the "Abteilung A" (Abwehr) for his current contact to the "Abwehr"; this department was located in the same house, as the "Vermittlungsstelle W," Berlin S. W. Kochstr. In this department Dr. Dieckmann was in charge of all technical matters and Dr. v. d. Heyde of all commercial matters, Dr. Rüdiger being his substitute. About the work of this department I have no knowledge.

(2) *Office of the commercial committee of board of directors. (Büro des Kaufmannischen Ausschusses.)*

All interesting reports of the IG Verbindungsmänner had to be given to the Abwehr and Major Bloch once asked me to make the personal acquaintance of the IG Verbindungsmänner, if one or the other should be on a trip in Germany. I told Bloch—this must have been in 1935 or 1936?—that the commercial committee of IG had the greatest hesitations of every kind of cooperation, if not strictly asked and also then only in the very field of current business reports and matters coming up in the normal course of affairs; Bloch understood this and agreed. I informed the office of the commercial committee (Fahle, G. Schiller, Schwarte, Saxer, and others) which took over contact with Bloch on this line; whether Bloch has seen IG Verbindungsmänner, I can't remember besides Mr. W. Schmidt from Siam.

(3) *Economic Dept. of IG*

The Abwehr wanted to have, like the Wehrwirtschaftsstab all interesting reports from abroad and they also were interested in the questionnaires of the Econ. dept. as already before the Economic Dept. of the Foreign Office as well as the A. O. I repeated to Major Bloch—it was the same conversation concerning the above-mentioned questions to the office of the commercial committee—that he could get only informations, they came to us in the current business organization and that IG would not be able—in respect to the standing of IG abroad—to cooperate in any other way. It was a matter of fact that IG informations—only in the current way of reports—were so complete, that IG could avoid to leave the line of current business information. That this high standard of information of the Economic Dept. was also a great advantage for the business decisions, I have shown in my additional report of the 23rd May 1945 re "The

Economic Dept. and the devaluation of the \$ in 1933." The Economic Dept. of the IG was the best and most complete 'private' economic dept. in Germany—this can be assumed—and how rich was the material of this department has been shown by the publication of the Econ. Dept. of IG in the years 1929-32 (four volumes: Elementary comparison between the United States of America, England, France, Italy, and Germany); in this work Prof. Richard von Moellendorff—the economic adviser of the Economic Dept. of IG, was largely participating and it can be considered in some way as a standard work.

(4) *Other contacts with the Abwehr-Abteilung*

(a) *W. v. Flügge*.—Flügge was on a retainer basis with IG since 1931-32 (Wagemann Plan); he was a promoting man in the Balkan (soya bean culture in Rumania and Bulgaria and minerals). As a half-Jew it was difficult to protect him in the Balkan and so Krüger arranged with him in 1939 to go to Turkey (export-fostering); Flügge made large reports to the Economic Dept. which went consequently amongst others also to the Abwehr-Abt. which in this way became particularly interested in his reports. Flügge was in contact with von Papen. 1944 he was put in concentration camp by the Gestapo; he was visited by Saxer, but we could not get him free.

(b) *Baron v. Lersner* was already since long years before 1933 on a retainer basis of IG (this being arranged by the late president of IG Geheimrat Bosch who was a good friend of Lersner). Lersner being also a half-Jew went also to Turkey in order to be protected and—I guess—because his close friend, von Papen, became an ambassador in this country. This all was arranged by Krüger during my illness in 1939. Lersner sent monthly reports (Stimmungsberichte)—more to do something for the money—and these reports went—if I remember right—to Weizsäcker of the Foreign Office and by him to the Abwehr and the Economic Dept. of the Foreign Office (?); IG got a copy.

(c) *Oeckl* was an employee of my organization, and during the war—as a soldier (Sonderführer)—got for a while a command to the Abwehr. One day he came to me and told me that a Col. Lieutenant of the "Abwehr-Abteilung" (see page 5) (name forgotten) wanted to speak to me on account of Portugal; even I did not know Portugal at all, I saw this man; he wanted to know about IG organization in Portugal, but as I knew really nothing—even the IG Verbindungsmann in Lisbon Ösenberg I only met once at lunch in Berlin—the conversation had—as far as I remember—no result. Whether somebody else afterwards has been asked, I do not know resp. I cannot remember. I tell this all because in Versailles I have been asked on account of Mr. Ösenberg, but I couldn't tell more.

(d) *Kügler* was also an employee of my organization and later on IG Verbindungsmann in Bukarest. During the war he became a soldier and also got a command to the Abwehrabteilung. But later on he partly was free of duty, so he was always at my disposition if I was on business—or industrial—committee—questions in Bukarest. One day Kügler asked for a leave and as he was going to Turkey, he had to confess to me for the first time that he had an special order of the Abwehr concerning Turkey; as he was under parol, I won't like to insist to ask him precise. This was the only time that Kügler missed his functions with me.

(e) *Hungarian officer (captain ?)*.—Once—about 1942-43—at a meeting of the Mitteleuropäische Wirtschaftstag, Major Bloch came to me and asked me whether I could give a job in private business in Budapest that means in the IG organization to an Hungarian embassy in Ankara and who was helpful to him; but now this man had to leave Ankara and it would be neither agreeable for him to stay in Berlin. On my next stay in Budapest, I asked Mr. Deyhle of the Budanil whether he could give this man a chance to settle down, but there was none; so I asked Prof. Surany-Unger of the Hungarian group of the Mitteleuropäische Wirtschaftstag, but there was also no possibility. In the meantime I was informed that it was no more necessary because this man got some other job. Then I have never heard of this matter; the name I can't remember.

C. & S. D. (Sicherheitsdienst)

(1) *Abwehr-Organisation of IG*

This was the same organization as for the O. K. W. There was a double organization in government and party, which were put together after the 20th of July 44, the O. K. W. coming under the command of the S. S.

The Abwehrbeauftragte, who was appointed by the S. S. for my own organization was, as already mentioned, Dr. v. d. Heyde; he belonged in the same time to the dept. A (Hauptabwehrbeauftragter). v. d. Heyde himself was an S. S. man and member of the S. D.; the latter fact I never was officially told, but I am sure, he was. I also am sure that v. d. Heyde was ordered to watch me, like some others, and to report on me; but about all these things, it was absolutely impossible to see quite clear.

(2) *Reports of trips abroad and reports from abroad*

So far as I remember, the S. D. was the first, who asked reports to get from trips abroad, if exit permit was wanted as a condition sine qua non; later on practically all authorities concerned did it, if they thought it was worth while to ask for such reports. In my organization, v. d. Heyde and later on Rüdiger were the men, who got the order from the S. D. to look after these things, especially also to look after all other reports coming in from abroad (IG Verbindungsmänner, reports from me like Flügge and others) to be rendered to the S. D.; I passed the order to my associates resp. the different departments concerned.

(3) *Bayer-sales organization abroad*

I was told together with some other colleagues from Bütetisch in summer 1944 (see 4), that on his recommendation the S. D. had made an attempt of cooperation with the IG abroad and—as Bütetisch regarded Bayer to have the best organized sales organization abroad—this attempt was made with Bayer. As Bütetisch told us, this whole question came up, when again in the S. S. circles—Bütetisch was a member of the S. S. and belonged to a circle of businessmen, which was called "Himmler-Kreis" and to whom belonged men like Flick, Rasche, Rostey, and others and whose manager was a man named Kranefuss—heavy attacks on IG were brought up, especially of non-cooperation with the S. S. and S. D. The result of this attempt with Bayer organ, was said to be a failure or at least not that, what the S. S. resp. S. D. expected. As I otherwise have never heard of this cooperation—also Mann has never said anything about it—I can't say, how the cooperation was made. Only during the war all kind

of newspapers and other informations came in by the Bayer organization in Portugal as already mentioned and this might have been connected with the aforesaid.

On the same occasion, when Bütefisch told us in Heidelberg—Schmitz, Schneider, Oster, and myself—the aforesaid matter concerning Bayer, he rendered the desire of Schellenberg of the S. D. to Schmitz, to have a general talk with him. Schmitz tried to escape and—as it had been spoken of contacts abroad and general economics—he asked me, to take up contact with Schellenberg in Berlin (Schmitz always remaining in Heidelberg). I ordered my secretariat to ring up the office of Schellenberg (whom I never have met or talked to) and tell him, that Schmitz had asked me on his behalf to talk to him (in order to find out, what he really wanted). I got no answer; as time past and next IG meetings were expected to take place in Heidelberg in short time, I wrote a short note to Schellenberg, repeating my instruction received by Schmitz; no answer again. Then the IG meeting took place and Bütefisch very concerned, reported that the S. S. people resp. Schellenberg were furious about the whole. They wanted to see Schmitz and they did not want to see me at all (perhaps my economic department was considered to be interesting) and now they asked ultimatively, whether Schmitz was ready to see him or not. Schmitz did not want to be alone, when Schellenberg would come and wanted to have Bütefisch (for patent-questions) Schneider (as Hauptabwehrbeauftragter) and me (for foreign economic questions) with him; but Bütefisch was already told, that Schellenberg wanted definitely to see Schmitz alone, perhaps together with Bütefisch; later on there might be an conversation including us others. Bütefisch at the end was asked to tell Schellenberg, that Schmitz was not in the position to come to Berlin and that he was willing to receive Schellenberg in Heidelberg. In the meantime came the 20th of July 1944 and the S. D. was tied up in this matter, so the IG question never came up again and nothing was done.

(5) *Other contacts with the S. D.*

(a) In a new report: "My position to the national socialism and to the international cooperation," who will be ready in two days, I will report in an article: "*personnel difficulties* by the party and the S. S." about contacts I had with the *Gestapo* resp. the S. D., in order to get exit permit for my wife, to visit her mother in Sweden, both being Swedish, resp. Swedish born. In this connection I asked also, when nothing helped, my former associate in the IG Neubacher to write to Kaltenbrunner, as I had no contact, in order to help me after two years of refuse to get the permission for my wife, especially as my mother-in-law was seriously sick, quite alone and became 70 years old; but nevertheless: no result. I also talked to Dr. Jury with whom I had to do occasionally on account of the Donau Chemie A. G., Vienna and he promised to write to Kaltenbrunner, also no result. In the meantime the German minister in Stockholm had on demand of my mother-in-law by Swedish friends—without myself knowing it—also written to the S. D. by the way over the foreign office; again no result. Then I was advised, to see Prof. Schmidt, whom I knew from Vienna, as he still was Gauwirtschaftsberater to Jury, and who now was in the department of Schellenberg. When I saw Schmidt, he told me that I had a very bad atmosphere in the S. D. and he could not make me any hope. When I left the house of the S. D. in which Prof. Schmidt had his

office, Dr. Rupert of the Allianz came to me—I knew Rupert from the F.Kreis (ministry of propaganda in the years 1933-34)—and told me, that he knew about my difficulties and he was willing to try to help me. He came to me and told me that the S. D. suspected me in every respect on account of my engaging former generals, half-Jewish having left official positions, because I was not willing to cooperate and so on. My "Abwehrbeauftragter" (Rüdiger (v. d. Heyde being at this time with the army) was too small caliber and they wanted to have a bigger man. Nevertheless also Rupert made a hopeless impression (this was early in the beginning of 1945) and even if he promised to help me to get the exit permit for my wife and our two daughters, I had no great hope more and nothing was done, neither in the private thing as in the other, as I let things go and two months later, all was over.

(b) *Max Unz Ankara.*—When Unz, the former IG-Verbindungsmann in Ankara was put—after his return in Germany—in concentration camp at Oranienburg, my organization wrote to v. Papen, who was also back in this time, whether he could help. Papen wrote that he regretted, he could do nothing but we should write to Staatssekretär Kaltenbrunner. We did this, but no answer.

(c) *Prof. Gross, Wien.*—As I have been asked on behalf of Professor Gross, the chief of the branch office of the economic dept. in Vienna, although I do not know at all what kind of contacts he had to the S. S. or S. D. and as it seems to me that his name has been connected in the questions put to me re the Abwehrstelle Ost in Breslau (of which I never heard before this name was mentioned in the questions put to me) I want to report all of him, I know. Gross was in the same time professor of national economy on the Hochschule für Welthandel in Vienna and I arranged with the rector of this university-institution, that Gross should be free half the time in the IG for his work in his institution (I was interested by economists like Reithinger, Fürst, Gross, and others to continue closely contacts with science and universities). As Prof. Knoll, the rector of the aforesaid institution was member of the S. S. and possibly (?) of the S. D. there might have been the contact I have been asked, but I am not sure at all.

(d) *Prinz Rohan.*—There is as an other man, with whom IG people—especially Mr. and Mrs. von Schnitzler were connected already long years before 1933—Prince Rohan who was retained by IG as an agricultural and publicity adviser. Rohan was connected with the "Europäische Revue" which was in the beginning financially and generally helped by IG. In my industrial conferences in Budapest during the war, Rohan assisted me, as well as the Mitteleurop Wirtschaftstag, if difficulties came up in these negotiations and discussions, as he had an excellent position and first-class contacts in Hungaria, his wife being a daughter of the well-known late Count Appony. I know that Rohan had contact with Kaltenbrunner and that is why I report. Rohan sent reports to Kaltenbrunner, especially from western countries like France, where he was more at the end of the war; from these reports he gave me as well as v. Schnitzler occasionally copies. This contact of Rohan with Kaltenbrunner had neither to do with the IG as well as with my field of industrial activity in Hungaria, but I know that Rohan had informed Kaltenbrunner that he was in an advisory capacity to IG and myself.

*D. Assistance Asked by Other Organizations of
Government and Party*

I. Governmental Organizations

(1) Foreign office

(a) *Economic department of the foreign office.*—This was the oldest contact of my organization, especially of the economic dept. of my own organization. This contact was installed by the late economic adviser of IG, Professor Richard von Moellendorff, with whom I made my first trip to U. S. A. in order to study, how to build up an economic department (1928) and by Professor Wagemann. Ritter was at this time chief of the economic dept. of the foreign office and he was very fond of the cooperation with our economic dept. so that he often preferred our elaborates and reports to those of the Statistische Reichsamt as being quicker at his disposition and more living. The consequence was, that he made the "green reports" of our economic dept. well known and by and by more organizations were asking for them. But at this time Reithinger used this fact to follow as far as possible a "do ut des" politic and IG received in this way a great many valuable informations. Naturally after 1933 also this contact changed from year to year in another direction.

(b) *Staatssekretär Keppler.*—This man asked me several times to send him interesting reports during the war and from time to time he remembered me, because it was often forgotten by my organization and myself, as Keppler was no important man (as I saw it, he had not much to do with current business questions).

(2) Ministry of propaganda

(a) *Expert committee on foreign affairs (1933-34) (F. Kreis).*—About this cooperation I reported already in my report Paris, 5. V. 45 re. my biography and activity as well as I will report in my new report "My position to the N.S. and to the international cooperation," which will be ready, as I already mentioned, in two days.

Here I only want to state, that this committee (called "F-Kreis"="Wirtschafts-Führer-Kreis") was a fair attempt of leading business people to influence the min. of prop. to make a fair "publicity" instead of an unfair "propaganda." Something could be done, but in the long run unfortunately nothing; the committee shortly after the 30th June 34 ended by himself.

(b) *"Vereinigung zwischenstaatlicher Verbände."*—About this question I referred already complete in my report: Paris, 8.5.45: The contacts of IG with Ivy Lee and with the "Propaganda" and the activity of the "Vereinigung Carl Schurz." Long years before 1933 IG and her leading men were assisting all these international organizations both by active cooperation as financially. The international position of IG and IG people in the world made it self understanding, that we had to assist all these efforts of international cooperation and better understanding. This was also the reason, why I accepted the presidentship of the Vereinigung Carl Schurz for what I never was asked by any party organization but only from people belonging to the circle of original creators of the Vereinigung Carl Schurz in the year 1928. My sincere wish and hope in accepting the presidentship was to assist to my part to a better understanding between the American and the German people and to do this attempt on the basis of fair principles as the: "come and see" or by a fair publicity, where we were following the lines of American advises. It was further on the line

of the V. C. Sch. to keep separated from the so-called "Nazi Propaganda" and we could do a lot, even if always the N. S. authorities tried to interfere. IG and I personally assisted in the conviction, that it was our duty, to prevent, that things run to the worse. This was the opinion of that time, but naturally today all looks in a different way. I have written about this problem also in my new above-mentioned report: "My position to the national socialisme and to the international cooperation."

(c) "*Werberat der Deutschen Wirtschaft*."—This was also an organization in a mere advisory capacity re. international exhibitions a. s. o.; IG was represented in this organization by v. Schnitzler, Mann, Uhl and others.

(3) *Ministry of economics and ministry of armament*

(a) *Foreign department ("Länder-Abteilung") of R. W. M.*—This contact—similar as the contact to the economic dept. of the foreign office—existed also already long before 1933 when men like Posse, Sarnow, Waldeck, and later on Warmbold (Brüning's minister of economics, who formerly used to be a member of board of directors of IG).

All reports from abroad—if interesting for the ministry—were given and naturally it was difficult in any way, to stop things after 1933, which we had done voluntarily before 1933. Besides that the contact with the ministry of economics was still more important for the IG, as most of the wishes of IG concerning governmental authorities ended in the ministry of economics. During the war the contact with the foreign dept. of the min. of economics was still closer by the cooperation in the industrial committee and the working committee for foreign trade questions, in both of which I was cooperating personally (see my report: "My position to the N. S. * * *").

(b) *Working Committee for foreign trade questions of the federations of industry and commerce (Arbeitskreis für Aussenwirtschaftsfragen der Reichsgruppen Industrie und Handel)*.—About this committee, which I just mentioned a few lines ago, I also reported in the Paris report of 5. V. 45: "My biography and activities." In this committee I was asked to elaborate reports on the following raw materials in respect to the time after the war: Nitrogen, chemical fibres, buna, and light metals (magnesium). These elaborates were made by Reithinger and Fürst, resp. our economic dept., Reithinger being himself appointed as a member of the staff of this working committee. For the above-mentioned reports also statistical material of the ministry of economics was given and used.

(c) *Imports of Molybdän and Wolfram and leather*.—I mention this, because I have been asked, to tell all supports given IG to authorities and as these imports were to the benefit not of IG only, they might be mentioned. The IG people or depts. concerned with this matter were: Meyer-Küster (Chemical dept.), central purchasing dept. (Klatt), and the dept. for foreign exchange/imports (Gierlichs, A. Müller). This was something concerning both the min. of economics and the min. of armament and was some business like this handled by Krüger and Gierlichs: imports of leather from Portugal against peas from Hungaria, a compensation business, which—to my knowledge—never succeeded.

(d) *Imports of oil from Rumania and refination in Pressburg*.—This business was handled by Bütetisch, E. Fischer, Conzen, Willig (?) and with the assistance of the following organizations, in which IG participated indirectly:

Sardep, S. A. R., Bukarest, Stad, Bukarest, and Apollo-Mineralöl-Raffinerie, Pressburg.

(e) *Petsamo-Nickel*.—This business was done by a consortium, in which Metallgesellschaft, Krupp, and IG took a share. The men of IG who had to do with this business—to furnish the German armament with Nickelmatte—were Haefliger, Brendel, Fahle, Schubarth (?) and other people in Finnland and Oppau (Müller-Cunrady the resp. techn. member of board). On the Finnish side was a Baron Wrede.

(4) *Other ministries or governmental institutions*

(a) *Ministry of aviations Norway—lightmetal*.—The whole program was ordered by Göring and started by his man Koppenberg, who gave definite instructions to Krauch and Schmitz. IG was already since long years, as well as Norsk-Hydro A. S., Oslo, with which firm IG was friendly connected since 1907/resp. 1927, planning to erect a magnesium factory in Norway. But now this old and solid plan was mixed up with the fantastic plan of Koppenberg and it was very hard to bring our own matters along in a reasonable way and in the same time respecting the interests of Norsk-Hydro and the old friendly relation, which at least we succeeded. But the whole program was a failure as many. (See report: "My position to N. S. * * *").

(b) *Reichskommissar Norway: chemical industry*.—Von der Bey of IG Bitterfeld was appointed by the government to this job. He had to look after the necessities of chem. business in Norway and as far as I know, he succeeded in doing this job objectively and getting the confidence of the Norwegian people concerned.

(c) *Militärbefehlshaber Frankreich: chemical industry*.—The IG Verbindungsmann in France, Krauch, was in a closed contact to Min. Dir. Michel, the chief of the economic dept. of the Militärbefehlshaber in resp. to chemical industry, but I have no precise knowledge of the position he had.

(d) *Militärbefehlshaber Italien: chemical industry*.—Ter Meer of the board of IG was appointed by the government to this post, but I have no particular knowledge, what he had to do, resp. he did.

II. Auslandsorganisation der N. S. D. A. P. (A. O.)

(1) *IG contacts with A. O. in Germany*

I have reported about this matter already in my report: Paris, 8.5.45: "The relations of IG to Ivy Lee and to the "Propaganda" and the activity of the Vereinigung Carl Schurz" in chapter II.3. On account of the many and permanent difficulties of IG with the A. O., on desire of the A. O. a member of board of IG, Waibel, was nominated to deal all matters with A. O. Waibel kept contact with me, resp. my organization; especially Krüger and Gierlichs had to deal very often with the A. O., but also Terhaar, Müller, and others; half of all questions concerned Jewish employees, resp. agents.

So far reports are concerned, the A. O. as well as the S. D. asked for these, especially in connection with trips abroad and the system: "no exit permit if no report" was later on a general, naturally depending from the person who was travelling and on what matter.

(2) *IG organizations abroad*

As to the responsibility of these organizations, I referred to the beginning of this report: "A. General remarks: II. Administration of the sales organizations of IG abroad."

Owing to the fact, that IG business in all countries of the world was always in comparison with other German exports—at one of the first, if not at the first place, the German IG representatives or agents were always—already long years before 1933—playing a leading role in the German colonies, schools, and other kinds of clubs or organizations. After 1933 there were always troubles with the A. O. organizations in the various countries and not only on Jew questions, but also of non- or not sufficient cooperation, not granting sufficient financial help, not assisting at party meetings or “Deutsche Tag” or “1.Mai” or something like that, or not showing the “swastika” on occasions whatever or the employees not contributing sufficient to the Winterhilfswerk—altogether endless complaints. This was the reason that the A. O. specifically demanded, if leading men of IG went abroad, to visit the Landesgruppen and Ortsgruppenleiter. In this way I visited these people in my various trips abroad and trying to come along with them or to report at home to my colleagues responsible for the organizations concerned.

As to the leading men of IG sales organizations abroad, who kept leading posts as members of the “Auslandsorganisation der NSDAP.” or as presidents of German clubs or as presidents of German chambers of commerce or something similar, I will bring, as to the best of my knowledge, these names, not knowing always how close they were connected with the party:

(a) Members of the A. O.:

Empting (dyes): Landesgruppenleiter Jugoslawien.

Huber (nitrogen): Wirtschaftsberater of A. O. in Spain or something like that. I have no specific knowledge.

de Margerie (Bayer): Landesgruppenleiter Venezuela.

Peter (dyes): Ortsgruppenleiter Sofia.

Pilling (Agfa): Partei, Richter, Norwegen.

Urchs (Bayer): Landesgruppenleiter Brit. India (but as far as I know, was dismissed years ago on account of party-troubles).

(b) Presidents of German clubs etc.:

H. M. Fischer (dyes): President of German club Mexico-City (?).

C. Gadow (dyes): President of German club, Shanghai (?).

Kluthe (dyes): President of German club, Milan (?).

About these three functions I am not sure.

v. Humboldt (N. W. 7): Assistant to Mr. H. M. Fischer, Mexico City; kept contact to the Humboldt society, later on stepped out of IG.

(c) Presidents of German chambers of commerce etc.:

Birk (dyes): President of German chamber of com., Madrid.

II. Bosch (nitrogen): President of German chamber of com., Tokyo.¹

Deyhle (dyes): President of German chamber of com., Budapest.

Kaelble (Bayer): President of German chamber of com., Rio.

Unz (dyes): Economic adviser to the German embassy, Ankara.

Zeber (Bayer): President of German chamber of com., Milan.

(d) Other contacts: Sometimes A. O. people abroad approached us to give a job to jobless Germans, they wanted to have settled down. I remember one case, where I was asked personally to give to a German press man a (small) retainer in Kopenhagen and he would give our local agencies press-informations or make reports on specific matters; but I have no particular remembrance or knowledge of this man.

(Signed): MAX ILCNER.

FRANKFURT/M., June 18th 1945.

¹ Later on dismissed on account of government troubles.

EXHIBIT No. 3—Chapter VI of Kilgore Committee Report
Neuordnung, (New Order) General
Strictly Confidential

General Part

The premises for a basic study of both the planning tasks of Greater Germany's chemical industry in the major European sphere and the incorporation of such a sphere into the world economy, is furnished by the realization that, in prewar years, the German chemical industry ranked readily first with respect to both the volume of absolute quantities and values of production and its position in the chemical foreign trade of the world, and that, by reason of the prewar development trends, coupled with its productive capacity, and scientific attainments, it was ready not only to maintain its outstanding position but also to improve it. The end of the World War with all its economic consequences suddenly interrupted this clear-cut development. Territorial changes, the industrialization of countries which were formerly customers of Germany, and measures which were intentionally taken by the enemy countries against the German chemical industry, entailed shiftings of unusually great scope to the detriment of Germany.

The effects of said shiftings could be fully illustrated only if reliable and comparable data according to quantities and values for the prewar and postwar years were available on world production in the typical fields of production of inorganic and organic chemistry. Only on the strength of such production figures would it be possible to show to what extent the German chemical industry has lost ground as a result of the World War, and to what degree the adoption of domestic production in numerous countries has affected or prevented German exports. If, in the absence of such production statistics, attempts were made to illustrate the scope of these shiftings on the strength of figures of foreign trade statistics, a study based thereon would involve basic deficiencies, because as a result of the statistically not illustrated domestic production, the volume of world foreign trade in chemicals dropped necessarily from year to year as compared to prewar figures. In this connection, comparability is still further impaired by the fact that, on the other hand, an increasing number of new fields and products with their respective export values appear among export figures.

Nevertheless, a few considerations are given hereinafter, based on foreign commerce statistics:

Germany's export of chemicals in the last prewar year, i.e., 1913, amounted to 910,000,000 goldmarks.¹ On the other hand, for the year 1924, i.e. so to say the first normal year after peace was concluded, German exports of chemicals are shown amounting to 610,000,000 reichsmarks. Even though the considerable decrease in German chemical exports would be clearly revealed by a merely superficial comparison of these two figures (which show a decrease of Germany's participation in world foreign trade in chemicals (amounting to 2,730,000,000 goldmarks²) from approximately 1/3 in 1913 to approximately 1/5 in 1924 (world foreign trade in chemicals—3,150,000,000 goldmarks³), while, at the same time,

¹ Cf. Manuscript of the Association for the Safeguarding of the Interests of Germany's Chemical Industry: "Survey of the Sphere of Activities as of the End of 1928," by Dr. Claus Ungewitter, page 219.

² Values computed on the basis of official statistics of the individual countries and converted into gold marks, excluding Chile.

American, French, Italian and Japanese shares [in said world trade] showed an increase), attention should be called to the fact that the real extent of the decrease of German exports of chemicals, as illustrated merely by the figures, does not in any way correspond to actual conditions. These figures do not show the loss resulting from the fact that—as already emphasized at the outset—major markets such as England, United States [and], Japan, which appeared as importing countries before the World War, have, to a large extent, become capable of supplying their home markets domestically. Thus, if the German share, as it appears for the initial postwar period, is to be considered too favorable because the total volume of foreign trade by which it is measured is relatively smaller than prior to the World War, this German share seems, on the other hand, to be too high also because actual German exports of the first few postwar years already include products which before the World War were of no or only of secondary importance in the German export values. Both factors made themselves increasingly felt in subsequent years. If, therefore, the figures for the years following 1924 show a certain renewed increase in Germany's participation in world foreign trade in chemicals—although the German share would never have been in a position to revert to the nominal prewar level—this development only seems to indicate a partial recovery of lost German positions. The actual development is much rather characterized by the fact that, despite all the measures which, in those years, were still directed against Germany, the German chemical industry succeeded to a certain extent in finding certain compensation for temporarily irreparable losses by effectively coordinating research and production; business initiative and politico-economic measures, as well as by improving old assortments, creating specialties and completely novel products, and by awakening new consumers' requirements.

For these reasons, the German share in the world's foreign trade in chemicals for 1938, which amounted to approximately one-fourth, appears favorable only at first glance, since it includes the German share in exports of such chemical products as, for instance nitrogenous fertilizers, which, showing approximately 53,000,000 Mk. as compared to approximately 36,000,000 Mk. for 1913, held, prior to the World War, a much smaller share in the chemical foreign trade on the basis of technical production and consumption. This structural change in the chemical foreign trade, and the greater difficulty resulting therefrom in regard to comparability of foreign trade figures, become even more evident when bearing in mind that Germany's total share of approximately one-fourth is partly to be ascribed to the fact that in the German exports for 1938, e. g., the item "pharmaceutical products" shows approximately 127,000,000 as compared to approximately 70,000,000 for 1913, and that the item "photo-chemical products" shows approximately 32,000,000 as compared to approximately 19,000,000 for 1913. In both of the latter fields the build-up amounts less to a recovery of the positions lost as a result of the World War, than to a typical demonstration of the fact that new fields of consumption have been created in whose development, guidance, and satisfaction the German chemical industry has played a prominent role.

If, on the other hand, we limit ourselves to considering the development of the German export share in the principal major spheres of the inorganic and organic chemical industry, which are comparable with prewar times, it becomes obvious that the loss sustained as a result of the last war has

been a permanent one. This is clearly shown in the decrease of export values for "inorganic chemicals and wood carbonization products" from approximately 186,000,000 for 1913 to approximately 153,000,000 for 1938. The most marked and the heaviest loss which has been sustained by Germany lies, however, in the field of dyes and intermediate products.

Until the outbreak of the World War, organic aniline dyes were produced almost exclusively in Germany, quantitatively 82% of the total world production. Germany's actual position in the world's dyestuff production is, however, not fully expressed by the share of 82%, because the German dyestuff factories were forced by France, England, and Russia, through corresponding patent and customs legislation, to conduct part of their production in those countries. This was accomplished through the establishment of branch factories the production of which amounted, for 1913, to approximately 6% of world production. Germany's share in the world's dyestuff business amounted thus to almost 90%.

The dyestuff industry of Switzerland, which is practically as old as the German dyestuff industry, produced only 6% of world production.

Smaller well-established dyestuff plants existed prior to the World War, only in France, England, and the United States. Minor production activities which, in addition thereto, were in progress in a few countries, were practically of no importance.

The internal structure of dyestuff production which existed outside of Germany prior to the World War, was almost exclusively dependent on Germany's supplying the basic and organic intermediate products required therefor.

The world picture for 1913 appears as follows:

	Dyestuff production in tons	Percent of total
Germany	127,000	= 82
German branch factories abroad	10,000	= 6
France	2,000	= 1
England	5,000	= 3
Switzerland	10,000	= 6
U. S. A.	3,000	= 2
Total	157,000	=100

= Mk. 350-400,000,000.

World exports in aniline dyes amounted for the same year to:

	In tons	In millions of Mk.	Percent
From Germany	109,000	218	= 90.5
From Switzerland	9,000	23	= 9.5
Total	118,000	241	=100

In the field of organic intermediate products for the production of aniline dyes, Germany exported in 1913:

[To:]	Tons	In thousands of Mk.
Franco	1,087	1,151
England	421	721
Switzerland	4,191	4,298
U. S. A.	3,420	3,130
Poland/Russia	746	962
Total	9,865	10,262

The large consumer countries were offered a welcome opportunity by the World War to proceed against Germany's leading position. In this connection, England alleged as a reason therefor that the foundation of every chemical war industry could be found in the organic dyestuff production. Thus, "national" dyestuff industries sprang into existence in a series of countries. From the start, these efforts received governmental support through the furnishing of funds at the time of foundation, or through current subsidies. Upon conclusion of the World War, considerable protection was provided through import prohibitions and prohibitive import duties. This protection became even more effective as a result of the anti-German attitude of the consumers which was constantly encouraged.

This new "national" production in the field of dyestuffs, and the measures which were taken to build up and maintain the same, and which were partly anchored in the provisions of the Versailles Peace Treaty, led to the alteration of Germany's share in the supplying of world requirements of dyestuffs and in the world foreign trade in dyestuffs, as illustrated, in detail, in Appendices I and II.

It is thus shown that, as a result of the development of "national" dyestuffs industries in many parts of the world, German commerce supplied in 1938, only about 27% (quantitatively) and approximately 40% (according to value) of the world requirements which amounted to approximately 700,000,000 Mk., as compared to approximately 90% for 1913, and that the German exports of 218,000,000 Mk. (=90% of world exports) for 1913 dropped to 126,000,000 Mk. (=55% of world exports). On the other hand, based on her prewar share of approximately 90%, Germany might, theoretically speaking, have had a share of approximately 495,000,000 Mk. in the foreign consumption which, for 1938, amounted to approximately 550,000,000 Mk.

Exports in intermediate products for the production of aniline dyes dropped from approximately 10,000,000 Mk. to approximately 4,000,000 Mk.

The various countries, no doubt, even without the World War, would eventually have proceeded with the production of dyestuffs. Today's extent of non-German production, however, is distinctly the result of the political and politico-economic forces which have been directed against Germany for the last 20 years. The effect of this development goes beyond the field of dyes, because dye chemistry furnished the basis for additional production in the field of organic chemistry such as, particularly, in the fields of auxiliary products for dyeing purposes and auxiliary textile products, pharmaceutical products, vulcanization accelerators, solvents, varnishes, synthetic products, and the like.

The foregoing considerations regarding prewar and postwar situations may, insofar as their ultimate effect is concerned, be summarized by stating that, as a result of the World War, the leading position of Germany's chemical industry in world production and world foreign trade has, in the pertinent fields of large-scale production, resulted in a condition which is characterized by the obstinate defense of the keenly contested markets, against the growing competition of new foreign producers of chemicals who, due to direct or indirect governmental aid, enjoy a more favorable position. The direct damage caused to Germany's chemical industry as a result of the World War, is unproportionately greater than the direct losses of material and other assets of IG alone, which, e. g. in the case of seized German claims and stocks, sequestered branch factories, etc., can be expressed by figures.

It will no doubt be impossible to resume where we left off at the outbreak of the World War. Neither can we reduce to its original state, the economic development which in the last twenty years has taken place in the various countries or areas to the detriment of Germany. It will be necessary, therefore, to a certain extent, to accept the deterioration of the German position in comparison with 1914 as being irreparable. It will, however, appear all the more justifiable in planning a major European spherical economy, again to reserve a leading position for German chemical industry commensurate with its technical, economic, and scientific rank. The decisive factor, however, in all planning relative to this European sphere will be the necessity of securing determined and effective leadership in the discussions which must necessarily be conducted with the other major spherical economies outside of Europe, the contours of which are already distinctly drawn at this time.

In order to guarantee that the chemical industry of Greater Germany and the European Continent can assert itself in such discussions, it is urgently required clearly to appreciate the forces which, in the world market, will be of decisive importance after the war.¹ Their importance is briefly sketched hereinafter:

1. The principal weight of the discussions bearing on a new arrangement of the world market will rest on the relationship with the *North American* concerns. Forced away from European business for reasons which were effective already prior to the war and which will become increasingly effective after the war, the Americans will do everything within their power to maintain and promote the development of their exports of chemicals, which, during the war, they were able to send to countries other than European. In this connection, appears in the foreground the Latin-American market, the importance of which must be measured not only by the economic volume of prewar sales, but also from the standpoint of economic development possibilities and trends which that part of the American Continent offers in the future. Efforts made by the Americans in the prewar period to increase their sales in the

¹The important question bearing on the trend of England's chemical industry in relation to the chemical industry of the European Continent, and the equally significant question of the future of Switzerland's chemical industry within the major continental sphere, will be discussed within the framework of country studies, as soon as political conditions allow of a more concrete exposition.

Latin-American markets were largely hampered by difficulties arising from commercial policies, inasmuch as the United States was not in a position to liquidate the credits, accruing to her from exports to these countries, by sufficient purchases from the latter, and inasmuch as said countries, on the other hand, did not have at their disposal sufficient amounts of free foreign exchange to overcome the barrier standing between the balance of payments and the balance of trade. It must be expected, however, that, as a result of war developments, there will be a change in the relationships between the United States of America and the principal countries of the Latin-American Continent and that said change may readily facilitate the position of the American competitors. This applies not only to the field of chemicals. The strengthening of Pan-Americanism will coincide with the effects of the fact that England will now completely lose her role as financier of the Latin-American countries, which was affected quite adversely already after the last war, and that the United States of America will take her place. As a result of increased influx of American capital, Latin-America not only can, but probably will have to buy more in the United States. It will, therefore, depend on the degree of order or disorder of the European economic sphere and on the creation of a determined commercial policy, in how far and at what pace Europe, and more particularly Germany, will be able to rebuild, maintain, and develop its position as a regular "trade partner" in the Latin-American Continent. To a certain extent, the statements made with respect to Latin-America might also apply to Canada.

The field, second in importance in the discussions with the United States, will be the countries of the Far East including what is today known as British India and the Dutch [East] Indies.

2. The discussions with the Americans with respect to the Far East will largely center around the fact that, concerning the same sphere, it must be decided in how far the European position can, in respect of *Japan*, be maintained in the Far East. The weakening of Japanese forces as a result of the Chinese conflict which is still in progress today, may offer trade-political and other opportunities for slowing up or temporarily deferring the crystallization of the economic hegemony which Japan has striven after within the sphere of the countries bordering on the Pacific Ocean. In the long run, however, it must be expected that heavier pressure upon the European economic interests in the Far East will be brought to bear by Japan—possibly also in connection with the effects of a new era of industrialization in China—rather than by the U. S. A. Probably it is not wrong, therefore, to recognize the future trend of East Asiatic trade policy in the difficulties which are today already being encountered, for example, in connection with imports into Manchukuo, Japan, and Northern China.

3. It is impossible thus far to take a clear-cut stand with respect to the problem of *Italy's chemical industry*, since the possibilities of constituting a major Italian sphere cannot as yet be envisaged in detail. On account of the particular difficulties, however, which no doubt will arise in connection with a major Italian sphere and in view of the expansionist efforts of Italy in Southeast Europe and Latin-America, which can already be felt at this time, it is necessary to emphasize already at present that it will hardly be possible, considering the general relationship between Germany and Italy, which may be expected for the period following the conclusion of the war, to negotiate with Italy on the basis of the status quo of times prior to the outbreak

of war, unless, instead of seeking increased exports, it is primarily desired to secure a greater share in the supplying of the domestic market.

4. A similar special exposition is likewise being taken into consideration for *Russia*, which, in this connection should be mentioned as a factor which, if the political conditions remain as they are, is capable of influencing and disturbing the discussions between the European chemical industry and the remaining major spheres.

In evaluating the power relationships described under 1 to 4 and their bearing on the plans to be made, one point which generally affects the economic spheres outside of Europe may not be disregarded. The present war has again started a wave of industrialization in countries outside of Europe. This development not only has a bearing on chemical production directly in the form of new or expanding chemical production centers in countries outside of Europe which will affect German and/or European chemical exports, but will, in addition, make itself felt through industries which, with a reasonable period of time, will still spring into existence in those areas which will manufacture such finished products as have until now been imported from Europe, and which will have ample need of chemicals for such manufacture.¹ The requirements for chemicals which for these purposes are increasing in countries outside of Europe, however, cannot be taken advantage of fully, or at least not at the same prices, because they will be subject to greater competition, particularly by the Americans and Japanese or even by new national producers of chemicals.

The extent and effects of this industrialization wave are being heightened by the fact that European flight capital in such non-European markets, particularly in South America, is seeking investment opportunities, and that such investments are partly supported by [patented] processes as well as by personal and material experiences which have been taken along.

The above outlines are indicative of the extent and importance of the shifting which, as a result of the World War, took place to the detriment of Germany's chemical industry. In addition to the review of past events, there is an illustration of the forces which after the war will have to be faced in serious discussions not only by Germany's chemical industry, but, in the final analysis, by the chemical industry of the European Continent. Both review and outlook show that it is necessary to direct all planning toward a successful conclusion of these discussions, and that diverging interests in European industrial countries which can be influenced politico-economically by Greater Germany, must, to this end, be subordinated to said objective.

This trend of thought is the guiding principle and decisive factor on which we are basing our expositions and suggestions with respect to the individual countries.

¹ (Translator's note: This sentence appears to be incomplete in the German text.)

[APPENDIX TO REPORT OF KILGORE COMMITTEE]

Compilation of direct damages sustained by IG in the form of its legal predecessors as a result of the armistice conditions of November 11, 1918, the provisions of the Peace Treaty of Versailles and the conflict of the Ruhr

	[In thousands of Reichsmarks]					
	France	Bel- gium	England and Do- minions	Russia	Various countries not spec- ified	Total
(1) Branch factories and sales agencies	23,674	1,466	16,580	28,711	3,697	¹ 74,128
(2) Securities	5,955	—	3,076	—	—	² 9,031
(3) Stocks, claims, notes...	1,245	539	11,493	3,610	4,908	³ 21,795
(4) Outstanding claims against customers in enemy countries which were reported to the Reich Compensation Office (Reichsausgleichamt)	1,876	507	6,742	18,833	—	27,958
Total	32,750	2,512	37,891	51,154	8,605	132,912
(5) Loss of exchange and interest on reparation—and other dyestuffs as per letter sent from Frankfurt/M to the Delegates of the German Accounting Office to the Reichskommissariat for reparation deliveries, Berlin, under date of September 21st, 1926.....						70,000
Total						202,912

¹ Documents and vouchers of:

(1) *Badische Anilin- & Soda-Fabrik, Ludwigshafen.*—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 17.4.1934, Akt IV D, Vergl. 4349 und v. 4.1.35 Akt E 2, VAEa 65 263 IV des Landesfinanzamts Berlin als Abwicklungsstelle der Restverwaltung für Reichsaufgaben.

(2) *Farbenfabriken vorm. Friedr. Bayer & Co., Leverkusen.*—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) d. Reichsentschädigungsamts Berlin f. Kriegsschäden v. 30.11.1929 Akt IV D, Vergl. 4302, Abt. III D und v. 9.9.1929 Abt. C I Gruppe für Wertpapiere.

(3) *Farbwerke vorm. Meister Lucius & Brüning, Höchst a. M.*—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 29.9.1932 Akt IV D, Verl. 4038 der Restverwaltung f. Reichsaufgaben, Berlin.

(4) *Leopold Cassella & Co. GmbH, Frankfurt a. M.*—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 10.1.1933 IV B, Vergl. 10633 und v. 25.3.1931, E, III/IV B 10633 des Reichsentschädigungsamtes für Kriegsschäden, Berlin.

(5) *Aktiengesellschaft für Anilinfabrikation, Berlin.*—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 24.9.1930 Akt. IV D, Vergl. 16186 d. Reichsentschädigungsamts f. Kriegsschäden, Berlin.

(6) *Chemische Fabrik Griesheim-Elektron, Frankfurt a. M.*—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 14.10.1931 Akt IV D, Vergl. 4645 der Restverwaltung für Reichsaufgaben.

(7) *Chemische Fabriken vorm. Weiler-ter Meer, Uerdingen*.—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 17.7.1930 Abt. E, Akt. IV D Vergl. 9349 d. Reichsentschädigungsamts f. Kriegsschäden, Berlin.

(8) *Kalle & Co., Biebrich*.—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 20.6.1929 Akt IV D, Vergl. 9330 d. Reichsentschädigungsamts f. Kriegsschäden, Berlin.

(9) *Wülfing, Dahl & Co., Barmen*.—Schlussentschädigungsbescheid (final indemnification notice) v. 5.9.1929 Akt II 6A (S) 803 Dad. d. Reichsentschädigungsamts f. Kriegsschäden, Berlin.

²In [foreign] enemy countries.

³(10) Schadensanmeldung für "Aussonstände" beim Reichsausgleichsamt, Berlin, laut unseren Büchern. (Damage claim for "unpaid balances" submitted to the Compensation Office in Berlin in accordance with our books.)

The damages acknowledged by the appropriate official agencies therefore amount to a total of approximately Mk. 133,000,000 to which must be added the 70,000,000 Mk. reported as losses of exchange and interest on reparation and other deliveries of dyestuffs. The approximate amount of Mk. 203,000,000, however, comprises only part of the direct damages sustained by German national economy, because there are a series of major damage items which, at that time, were not reported to either the Reich Indemnification Office or the Reich Compensation Office. In this connection, especially the following items are involved:

(a) Loss in export values as a result of the computation prescribed by the Versailles Treaty for reparation deliveries at the lowest world market price instead of the normal export price.

(b) Damages resulting from months of paralyzation of the plants in Western Germany during the time of occupation and the Ruhr action.

(c) Sanction damages during the conflict of the Ruhr due to collection of duties between the occupied and unoccupied zones.

(d) Confiscation and expropriation of patents and trademarks, through the enforcement of low rates of compensation for compulsory and other licenses, and through depreciation of the agreed equivalent as a result of currency depreciation.

The effects which the damages, referred to under items (a) to (d) have had on German economy can, of course, not be measured accurately. Their extent, however, exceeds several times the amount on which compensation for damages was based at that time. Thus, for example, an amount of Mk. 126,000,000 accrues from item (a) alone.

EXHIBIT No. 13 Chapter I of Kilgore Committee Report
IG production, 1943, compared with total German production

(boundaries as of 1937)

Product	IG production 1943 in- cluding participa- tion 50 per- cent and more	Percentage of total German produc- tion	Total German produc- tion, esti- mated
---------	---	---	--

Product	In 1,000 tons		
1. Nitrogen	600	75	800
2. Sulfuric acid	707	35	2,000
3. Chlorine	290	46	620
4. Caustic soda and potash	345	33	1,026
5. Calcium carbide	830	61	1,370
6. Aluminum	24	8	300
7. Magnesium	27.4	88	30.9
In tons			
8. Nickel	2,000	95	2,100
9. Carbonyl iron powder	2,100	100	2,100
In million cubic meters			
10. Compressed gases	45	45	100
In 1,000 cubic meters			
11. Rare gases	27.5	55	50
In tons			
12. Organic intermediates	1,489,000	90	1,650,000
13. Solvents (the 6 largest products)	88,200	75	117,200
14. Methanol	251,000	100	251,000
15. Buna, including total production of Hüls	118,600	100	118,600
16. Plastics	57,100	90	63,900
17. Plasticizers	27,900	92	30,400
18. Synthetic resins	29,900	53	55,900
19. Synthetic tannings	30,100	94	32,000
20. Dyestuffs	31,670	98	32,520
21. Dyeing and printing auxiliaries	26,350	54	49,000
22. Detergent raw materials	79,300	100	79,300
23. IG waxes	3,980	100	3,980
24. Pharmaceuticals	4,430	55	8,000
25. Sera		100	
26. Insecticides and fungicides	24,600	55	45,000
In 1,000 tons			
27. Natural gasoline		—	700
28. Benzine		—	400
29. Synthetic gasoline	850	33	2,600
27-29	850	23	3,700
Out of this production:			
30. High-octane gasoline	650	46	1,400
31. Lubricating oil (synth.)	60	100	60
32. Explosives and gun powder		—	
32a. Explosives	221	84	263
32b. Gun powder	210	70	300

33. Poisonous gases	95	
34. Artificial silk (1938)	17	72
35. Spun rayon (1938)	53	189
36. Cellophane	100	
37. Photographics:		
(a) Movie film	60-70	
(b) X-ray film	50-60	
(c) Film for amateur cameras	75-80	
(d) Color film	80-85	
(e) Photographic plates	50-60	
(f) Photographic papers	50	
(g) Cameras	5-10	

FRANKFORT A. M., August 13, 1945.

No. 32, improved by new figures, August 19, 1945.

EXHIBIT No. 14 Chapter I of Kilgore Committee Report
*IG Production 1937 and Dependency of Other German Industries
on IG Farbenindustrie*

Enclosed please find a summary of IG productions for 1937 which is made up in a similar way as the list of August 13, 1945. Compared with that list major changes appear with the following items:

	Percentage of IG	
	1943	1937
No. 5. Calcium carbide	61	52
No. 11. Rare gases	55	33
No. 22. Detergent raw materials	100	—
No. 26. Insecticides and fungicides	55	40
No. 29. Synthetic gasoline	33	50
No. 30. High-octane gasoline	46	—
No. 31. Synthetic lubricating oil	100	—

The productions of detergent raw materials, high-octane gasoline, and synthetic lubricating oil did not exist in 1937.

As regards the additional dependencies of other German industries on IG shown in the statement of August 31, 1945, the following is to be said:

No. 24. Pharmaceuticals.—The dependency of other pharmaceutical products on intermediate supplies of IG was in 1937 somewhat less than in 1943 as they could to a certain extent procure intermediates abroad. The decline of total dependency from 60 to 55 per cent is mainly due to the fact that the production of new chemo-therapeutics such as sulfa drugs was not yet fully developed.

No. 26. Insecticides and fungicides.—In 1937 copper and other metal salts were sufficiently available so that a number of independent producers were in the market; owing to lack of suitable raw materials their customers were partly supplied with IG's substitute materials during wartime. Including intermediate supplies of IG to other firms, IG's share was 45-50 per cent in 1937.

No. 42. Paint and varnish industry.—Owing to the fact that in 1937 a number of natural products such as drying oils, natural resins, turpentine oil were available to the paint and varnish industry, the dependency on IG was far less than in 1943: at most 35 per cent.

No. 43. Soap industry.—No dependency on IG with respect to raw materials existed in 1937.

No. 44. Tanneries.—In 1937 the synthetic tanning agents were almost entirely confined to auxiliary tanning agents particularly for cutting down tanning time and giving the leather a particular tanning effect. These auxiliaries may amount to about 10 per cent of the total requirements of tanning agents. As far as chrome leather is concerned, the dependency was 100 per cent owing to the fact that IG was the sole producer of chrome salts in Germany.

No. 46. Rubber industry.—In 1937 synthetic rubber production amounted to about 5 per cent of the German rubber consumption. The dependency on IG in supplies of accelerators and other auxiliaries was 95 per cent. In all other materials necessary for processing rubber no dependency on IG existed in 1937.

For items not mentioned above the remarks of August 31, 1945, hold good also for 1937.

OSKAR LOEHR.

FRANKFURT A/M., September 8, 1945.

IG production, 1937, compared with total German production

Product	IG production 1937, in- cluding participa- tion 50 per cent and more	Percentage of total German produc- tion	Total German produc- tion, esti- mated
	In 1,000 metric tons		
1. Nitrogen	580	70	835
2. Sulfuric acid	593	35	1,700
3. Chlorine	149	40	370
4. Caustic soda and potash	199	30	660
5. Calcium carbide	515	52	950
6. Aluminium	10	7	132
7. Magnesium	12	100	12
	In metric tons		
8. Nickel	3,112	100	3,112
9. Carbonyl iron	600	100	600
	In million cubic meters		
10. Compressed gases	22	45	49
	In 1,000 cubic meters		
11. Rare gases	6.4	33	16.6
	In metric tons		
12. Organic intermediates	496,000	90	550,000
13. Solvents	97,800	75	130,000
14. Methanol	104,500	100	104,500
15. Synthetic rubber	3,473	100	3,473
16. Plastics	3,161	90	3,500
17. Plasticizers	5,578	90	6,200
18. Synthetic resins	12,370	50	24,700
19. Synthetic tanning agents	12,245	100	12,245
20. Dyestuffs	68,470	98	69,900
21. Dyeing and printing auxiliaries	23,890	55	48,000
22. Detergent raw materials	None	—	—

APPENDIX THREE

299

23. IG waxes	2,975	100	2,975
24. Pharmaceuticals	2,676	50	5,350
25. Sera		100	
26. Insecticides and fungicides	5,058	40	12,850
	In 1,000 metric tons		
27. Natural gasoline			300
28. Benzene			300
29. Synthetic gasoline	300	50	600
27-29	300	25	1,200
Out of this production:			
30. High-octane gasoline	None	—	
31. Lubricating oil (synth.)	None	—	
32. Explosives and gun powder	(¹)	(¹)	(¹)
32a. Explosives	(¹)	(¹)	(¹)
32b. Gun powder	(¹)	(¹)	(¹)
33. Poisonous gases	None	—	
34. Artificial silk (1938)	17	24	72
35. Spun rayon (1938)	53	28	189
36. Cellophane		100	
37. Photographics:			
(a) Movie film		60-70	
(b) X-ray film		50-60	
(c) Film for amateur cameras		75-80	
(d) Color film		80-85	
(e) Photographic plates		50-60	
(f) Photographic papers		50	
(g) Cameras		5	

Frankfurt a/M., September 8, 1945.

¹ No figures available.

DEPENDENCY OF OTHER GERMAN INDUSTRIES ON
IG FARBENINDUSTRIE
Supplement to list "IG Production 1943"
of August 13th, 1945

In a number of cases the percentage figures given for IG share in total German production have to be supplemented by additional data which show how far other German industries are dependent on IG for supplies of important raw materials or intermediates.

No. 6. Aluminum.—IG is producer of synthetic Kryolith and probably produces far more than half of this product, needed in considerable quantities for the electrolytical production of aluminum.

No. 16. Plastics.—Exceeding the 90 percent of the IG share, IG supplies the firm Röhms & Haas, Darmstadt, with intermediates. Thus the share of IG in the field of plastics comes up to 93-95 percent.

No. 20. Dyestuffs.—By supplying the firm Geigy, Grenzach, with intermediates it can be assumed that IG's share in the German dyestuff industry is increased from 98 to 99 percent. On the other hand it must be stated, that in peacetimes foreign firms participated with about 10 percent in the sale of dyestuffs used in Germany.

No. 24. Pharmaceuticals.—The share of 55 percent given in the list is somewhat amply calculated, because the higher value of IG products compared

with those of firms of medium and smaller size especially has been taken into calculation.

Important intermediates such as phenol, salicylic acid and aniline could be purchased on the open market in quantities sufficient for the production of large products such as aspirine and pyramidone by firms outside IG. Furthermore, the German pharmaceutical industry is almost entirely independent of IG as far as products made from natural drugs or animal glands are concerned (Morphiates, insuline and other hormones). Nevertheless there is an additional dependency on IG with respect to important synthetic pharmaceuticals, insofar the other German products rely on the supply of essential intermediates. Examples for this dependency are:

Firm	Name of product	Name of intermediate
C. H. Boehringer Sohn, Ingelheim	Sympatol (curative for cardiac trouble)	Methylamine.
E. Merck Darmstadt	Ephedrine (curative for diseases of circulatory system)	Benzylchloride.
Goedecke & Co., Magdeburg	Gelonida antineuralgica (antirheumatic)	Phenacetine.
Schering A. G., Berlin	Antipyryne (antipyretic)	Dimethylsulfate.
Do	Globucid albucid (chemotherapeutics; sulfa drugs)	Sulfanilic acid.

Taking all circumstances into consideration, the dependency of the remaining pharmaceutical industry on the supply of intermediates by IG will probably amount to another 5 percent at most and thus IG's share will be increased from 55 to 60 percent at most.

No. 26. *Insecticides*.—IG's share of 55 percent will be increased by 5-10 to 60-65 percent by the supplies of intermediates to medium-sized and smaller firms which work in this field.

Fields of Production Not Mentioned in the List

No. 37 (h). *Photochemical products*.—By its organic intermediates IG leading in this field. Its share can be estimated at 70-80 percent.

No. 38. *Bichromate*.—In the field of chrome salts IG was controlling 100 percent of the German manufacture. However, the figures of production declined in recent years owing to lack of chrome ore.

In normal times the outlets of the production were as follows:

	Percent
Export (mostly consumed in leather industries)	51
Germany:	
(a) Leather industry	21.0
(b) Textile industry	6.0
(c) Mineral colors	6.0
(d) Preserving mixtures for timber in mines	5.0
(e) Catalysts for chemical syntheses, particularly gasoline	4.5
(f) Metal industry (Chrome plating)	4.5
(g) Various industries	5.0

In the leather industry chrome salts are used for manufacturing chrome-tanned leather, in the mineral color industry for producing chrome yellow and other chrome colors, in the textile industry particularly in the dyeing of woollen goods. In preserving timber chrome salts can be replaced by other chemicals to a certain extent, but they are indispensable for catalysts particularly in the production of synthetic gasoline.

No. 39. Phosphoric acid.—IG did not produce crude phosphoric acid, but it was the only producer of pure phosphoric acid (by combustion of phosphorus) at Piesteritz. A large part of this production was consumed by IG works making mixed nitrogen fertilizers. The remainder was consumed by the soap and detergents industries, by manufacturers of foodstuffs and baking powders, for treatment of hard water and for de-rusting purposes.

No. 40. Hydrocyanic acid and cyanides.—IG is the largest producer of hydrocyanic acid and cyanides. Part of its production is for own consumption to produce intermediates for plastics and synthetic rubber. IG's share of the market is estimated to be 40 to 50 percent. Sodium cyanide is mainly used in mining, particularly for flotation of ore and for tempering or hardening steel. Hydrocyanic acid and some cyanides are used for fumigation purposes, pest control, etc.

No. 41. Mineral colors.—(a) Titanium dioxide: The *Titangesellschaft m. b. H., Leverkusen* (50 percent owned by IG, 50 percent by National Lead) is the only producer of titanium dioxide in Germany.

(b) Lithopone: The production of *Leverkusen* including its participations is about 38 percent of the German production.

(c) Remaining white colors (white lead and zinc white): In this field IG did not participate.

(d) Iron oxides: By its extensive production in *Uerdingen* IG was leading in this field. Share probably by 90 percent.

(e) Remaining fancy colors: Participation of IG quite insignificant, but a certain dependency of other producers from IG exists with respect to chrome salts. (See No. 38 above.)

No. 42. Paint and varnish industry.—This industry needs the following products.

18. Synthetic resins, on the average about 35 percent of the total quantity.

13. Solvents, on the average about 62 percent of the total quantity.

17. Plasticizers, on the average about 3 percent of the total quantity. Total 100 percent.

The domination in percentage of the German market by IG in the 3 groups, results in a dependency of about 65 percent of the paint and varnish industry.

No. 43. Soap industry.—In the last period of the war the soap industry by way of the group 22, "etergent raw materials" nearly entirely depended on the IG.

No. 44. Tanneries.—By the synthetic tanning materials of group 19, a strong dependency on IG of the tanneries has developed—at most 50 percent. As far as chrome leather is concerned, the dependency is 100 percent. (See No. 38 above.)

No. 45. Glues and adhesives.—The old glues such as rye products, casein glue, and animal glues were to a considerable extent replaced by synthetic glues, for example: Karuit, a urea formaldehyde condensation product marketed by IG.; a phenol formaldehyde condensation product marketed by *Dynamit*

A. G., Troisdorf; Tegolcim, a phenol formaldehyde condensation product marketed by Theodor Goldschmidt A. G., Essen.

The share of IG. and DAG together in the market amounts to about 50 percent.

No. 46. Rubber industry.—(a) Concerning the main product caoutchouc the industry manufacturing rubber articles depended nearly entirely on the IG in the last period of the war.

(b) Accelerators, antioxidants, plasticizers and similar auxiliaries: This field was controlled by IG to about 95 percent.

(c) Carbon black: In this field IG's own production was quite insignificant but by adding the productions of Chemische Werke Hüls and Bayerische Stickstoffwerke, Piesteritz, IG's share will come up to 20-25 percent of the German production.

(d) Sulphur: The greater part of sulphur was imported from abroad.

(e) Other materials for the rubber industry: In this field was no substantial dependency on IG.

O. LOEHR.

FRANKFURT-a.-M., CVst August, VTDE.

References

ИСТОЧНИКИ

The greater part of this book is based on the author's own observation and experience in Germany and on material concerning IG Farben contained in the records of the Kilgore Committee (Sub-Committee of the U. S. Senate Committee on Military Affairs, 79th Congress). To fill in the broad picture of IG Farben and the setting within which it operated, a variety of sources was used. The following is a list of some of these sources, grouped according to the chapters in which they were cited:

CHAPTER 2

Kilgore Committee (Subcommittee on War Mobilization of the U. S. Senate Committee on Military Affairs, 79th Congress): Report on IG Farben, Parts VII, VIII, and X (including exhibits), U. S. Government Printing Office, Washington, 1946.

Borkin, Joseph, and Welsh, Charles A.: *Germany's Master Plan*, Duell, Sloan and Pearce, New York, 1943.

Duisberg, Carl: *Collected Speeches and Papers*, Germany, 1933 (untranslated).

Haynes, Williams: *This Chemical Age*, Alfred Knopf, New York, 1942.

Haynes, Williams: *Men, Money and Molecules*, Doubleday Doran & Co., New York, 1936.

Lefebure, Victor: *The Riddle of the Rhine*, W. Collins Sons & Co., London, 1921.

Wickel, Helmut: *IG Deutschland*, Germany, 1932 (untranslated).

CHAPTER 3

Bresciani-Turroni, Costantino: *The Economics of Inflation*, George Allen and Unwin Ltd., London, 1937.

Dawson, Sir Philip: *Germany's Industrial Revival*, Williams & Norgate Ltd., London, 1926.

Graham, Frank D.: *Exchange, Prices and Production in Hyper-Inflation: Germany, 1920-23*, Princeton University Press, 1930.

Schacht, Hjalmar: *The Stabilization of the Mark*, Adelphi Co., 1927.

Stolper, Gustav: *German Economy, 1870-1940*, Reynal & Hitchcock, New York, 1940.

Wickel: *op. cit.*

CHAPTER 4

Kilgore Committee: *op. cit.*

Duisberg: *op. cit.*

Dutt, R. Palme: *Fascism and Social Revolution*, International Publishers, New York, 1935.

Eisler, Gerhart; Norden, Albert; and Schreiner, Albert: *The Lesson of Germany*, International Publishers, New York, 1945.

Heiden, Konrad: *Der Fuehrer*, Houghton Mifflin Co., Boston, 1944.

Schacht, Hjalmar: *The End of Reparations* (translated by Lewis Gannett), Jonathan Cape & Harrison Smith, New York, 1931.

Wickel: *op. cit.*

CHAPTER 5

Kilgore Committee: *op. cit.*

Nye Committee (Special Committee Investigating the Munitions Industry, U. S. Senate, 74th Congress): *Munitions Industry Hearings*, Parts III, XI, and XII, U. S. Government Printing Office, Washington, 1935.

Duisberg: *op. cit.*

Englebrecht, H. C., and Hanighen, F. C.: *Merchants of Death*, Dodd, Mead & Co., New York, 1934.

Fraser, Lindley: *Germany Between Two Wars*, Oxford University Press, 1945.

Schultz, Sigrid: *Germany Will Try It Again*, Reynal & Hitchcock, New York, 1944.

Wickel: *op. cit.*

CHAPTER 6

Kilgore Committee: *op. cit.*

Dickstein Committee (Subcommittee of Special Committee on UnAmerican Activities, House of Representatives): *Investigation of Nazi Propaganda Activities*, Hearings No. 73, U. S. Government Printing Office, Washington, 1934.

Duisberg: *op. cit.*

Garvan, Francis P.: *Brief—In the Matter of a Proposed Reciprocal Trade Treaty Between the United States and Switzerland*, The Chemical Foundation Inc., New York, 1934.

National Industrial Conference Board: *Rationalization of German Industry*, New York, 1931.

Riess, Curt: *Total Espionage*, G. P. Putnam's Sons, New York, 1941.

Rowan, Richard Wilmer: *Secret Agents Against America*, Doubleday Doran & Co., New York, 1939.

CHAPTER 7

Kilgore Committee: *op. cit.*

CHAPTER 9

Kilgore Committee: *op. cit.*

Truman Committee (Special U. S. Senate Committee Investigating the National Defense Program, 77th Congress, 2nd Session): *Rubber*, Report No. 480, Part 7, U. S. Government Printing Office, Washington, 1942.

Borkin & Welsh: *op. cit.*

Haynes, Williams, and Hauser, Ernst A.: *Rationed Rubber*, Alfred A. Knopf, New York, 1942.

Reimann, Guenter: *Patents for Hitler*, Vanguard Press, New York, 1942.

CHAPTER 10

Kilgore Committee: *op. cit.*

Berge, Wendell: *Cartels, Challenge to a Free World*, Public Affairs Press, Washington, 1944.

Borkin & Welsh: *op. cit.*

Moody's *Industrial Securities*.

Reimann: *op. cit.*

CHAPTER 11

Borkin & Welsh: *op. cit.*

Vaughan, Floyd W.: "Suppression and Non-Working of Patents," in the *American Economic Review*, December, 1919.

(See also various articles by I. F. Stone, in the newspaper *PM*, concerning the handling of IG Farben assets in the United States in 1944 and 1945.)

APPENDIX 1

Temporary National Economic Committee, Congress of the United States; 76th Congress, 3rd Session, Part 25: *Cartels*; U. S. Government Printing Office, Washington, 1941.

Berge, Wendell: *op. cit.*

Edwards, Corwin D.: *Economic and Political Aspects of International Cartels* (monograph prepared for Kilgore Committee), U. S. Government Printing Office, Washington, 1944.

Hexner, Ervin: *The International Steel Cartel*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1943.

Hexner, Ervin: *International Cartels*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1945.

Liefmann, Robert: *Cartels, Concerns and Trusts* (translated by D. H. MacGregor), E. P. Dutton & Co., New York, 1932.

Preuss, Ernst G.: *Merchants of Death*, Hutchinson & Co., London, 1945 (Win the Peace Pamphlet No. 4).

Pribram, Karl: *Cartel Problems*, Brookings Institution, Washington, 1935.

Steffens, Lincoln: *The Letters of Lincoln Steffens*, Harcourt, Brace & Co., New York, 1938 (Vol. I).

Vehlen, Thorstein: *Imperial Germany and the Industrial Revolution*, Viking Press, New York, 1942.